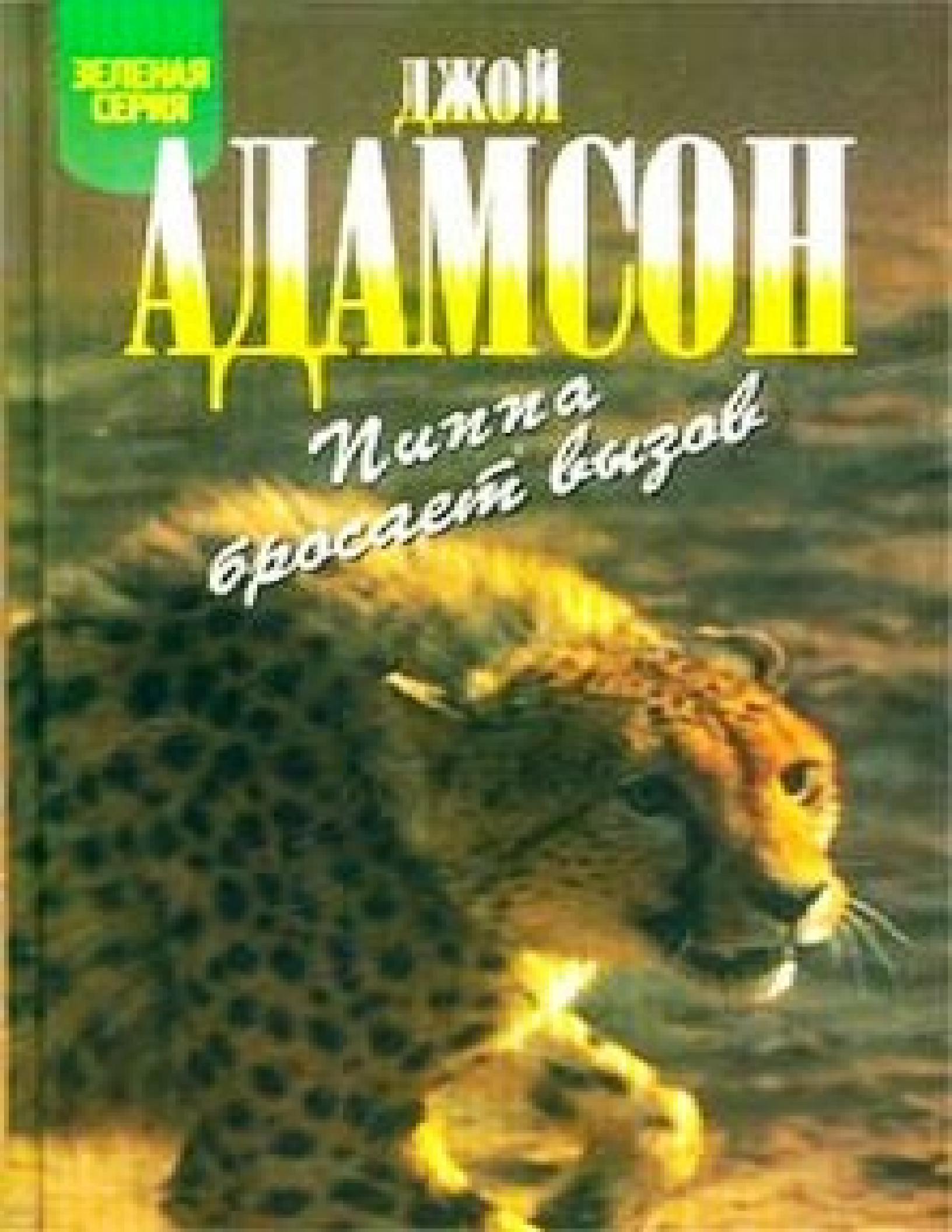

ЗЕЛЕНАЯ
СЕРИЯ

ДЖОН

ДЖАМСОН

*Читка
бросает вызов*

Annotation

Книга известной писательницы и натуралиста Джой Адамсон рассказывает о судьбе гепарда Пиппы и ее детенышей. Контакт с Пиппой предоставил уникальные возможности для исследователей изучения жизни гепардов на свободе, в естественных условиях национального парка Меру в Кении.

- [Джой Адамсон](#)
 - [Несколько слов от автора](#)
 - [Четвертый помет](#)
 - [Как опасно «доить» африканскую гадюку](#)
 - [Смерть посещает семью](#)
 - [Пожар и потоп](#)
 - [Пиппа и Мбили встречаются вновь](#)
 - [Несчастный случай и его последствия](#)
 - [Малыши подрастают](#)
 - [Гепарды-подкидыши](#)
 - [Пиппа между жизнью и смертью](#)
 - [Я снова встречаю детей Пиппы](#)
 - [Гепарды помогают спасти Боя](#)
 - [Любовные игры молодых гепардов](#)
 - [Последние дни с гепардами](#)
 - [Грустные посещения заповедника Меру](#)
 - [Послесловие](#)
-

Джой Адамсон
Пиппа бросает вызов

Несколько слов от автора

Ввиду того что контакт с Пиппой предоставил уникальные возможности изучения жизни гепардов на свободе, руководство национального парка Меру в Кении разрешило мне продолжить наблюдения за гепардами, о которых я уже писала в книге «Пятнистый сфинкс», и за новыми детьми Пиппы (четвертый помет). Таким образом, я получила возможность сравнить их развитие с развитием предыдущего помета и установить, насколько мои прежние наблюдения типичны для поведения гепардов. Кроме того, я надеялась узнать, как Пиппа будет вести себя при встречах со своим прежним семейством — в одиночку или с детенышами — в тот период, когда она еще не рассталась со своими теперешними детьми. И наконец мне могла представиться возможность узнать, как она распределяет охотничьи участки среди своего разросшегося семейства и как все они будут выбирать себе пару. Так появилась книга «Пиппа бросает вызов».

Четвертый помет

И вот уже вскоре Пиппе в четвертый раз предстояло стать матерью, а я, как обычно, внимательно следила за ней. Она пропадала целых четыре дня, поэтому можно себе представить, как я обрадовалась, когда она пришла к нам в лагерь к вечеру 13 июля 1968 года. Она появилась со стороны равнины, где ее первые малыши увидели свет и всего через тринадцать дней были убиты гиеной. Теперь эта равнина заросла непроходимым кустарником и вовсе не подходила для воспитания детенышей: некрупных животных, вроде Пиппы, подстерегали здесь естественные ловушки. Но, к моему немалому удивлению, она провела в этих местах последние недели и, хорошенько поужинав, вновь отправилась именно туда.

Мы с Локалем прошли за ней полмили, но затем она уселась и ни за что не хотела двигаться с места. Когда я погладила ее, провела рукой по набухшим от молока соскам, она перевернулась вверх брюхом; и тут я заметила, что на нас надвигаются четыре слона. Ничего не поделаешь — пришлось спасаться бегством. Оглянувшись, я увидела, что серые гиганты идут прямо на Пиппу, а она, как всегда, даже ухом не повела. Сегодня это меня озадачило — ведь по ее состоянию было видно, что ей предстоит родить в ближайшие двое суток.

Последние пять дней слоны бродили поблизости от лагеря и, несмотря на наши попытки от них избавиться, срывали ветки с деревьев возле хижины, как будто во всем огромном парке именно эти деревья казались им особенно аппетитными.

На другой день Пиппа исчезла. Целых девять дней она не показывалась; до сих пор она никогда еще не

скрывала от меня новорожденных так долго. Мы вдоль и поперек исходили равнину, на которой видели ее в последний раз, но не обнаружили никаких признаков их присутствия. А двадцать третьего я вдруг увидела ее на возвышении за лагерем, где я обычно ставила свой лендровер. Долго и внимательно осматривала она местность, и эта осторожность очень меня порадовала, Пиппа, та самая Пиппа, которая в детстве чуть не сделалась завсегдатаем ресторанов в Найроби, теперь вела себя, как настоящее дикое животное, — впрочем, «дикие» гепарды в заповедниках Амбосели и Найроби так привыкли к восторженным туристам, что запросто вскакивали в машины и даже позволяли себя гладить! Мне не нужно было другой награды за то одиночество, на которое я сама себя обрекла, чтобы посетители не тревожили Пиппу с самого начала ее жизни на свободе. Вот она, моя лучшая награда — Пиппа, настороженно высматривающая, нет ли поблизости чужих. Окончательно убедившись, что все спокойно, она подошла к нам попросить мяса. По ее аппетиту можно было судить, как она проголодалась; я заметила, что она страшно исхудала. Насытившись, она отправилась обратно по своему следу вдоль дороги к Скале Леопарда, минуя ту равнину, которую мы обшарили в поисках «детской».

Был полдень, и стояла сильная жара, но Пиппа свернула в заросли только через две мили. Затем она прошла около пятисот ярдов в направлении речки Мулики. Она осторожно пригнулась и повела меня и Локаля к кусту медоносной акации (такую акацию «погоди немного» она всякий раз выбирала для устройства «детской»). Там, в глубине куста, я увидела четверых малышей. У двоих, более крупных, глазки были уже открыты. У детенышей из предыдущих трех пометов глаза открывались на десятый-одиннадцатый

день, и я предположила, что этим малышам всего девять дней. Следовательно, они родились 15 июля.

Глядя, как пушистые крохотные зверята на непослушных лапках подползают к соскам Пиппы, я не могла сдерживать улыбки: ведь ей опять удалось нас одурачить! Как старательно она притворялась, что непременно устроится на равнине, в полумиле от лагеря! А на самом деле, как только мы ушли и оставили ее рядом со слонами, она преспокойно встала и удрала сюда; трава здесь была невысокая — признаться, трудно подыскать лучшее место для воспитания новорожденных. По всей долине разбросаны колючие кустарники, но место достаточно открытое, так что легко заметить приближение опасности. До обеих речек — Васоронги и Мулики — не больше пятнадцати минут ходу, и от дороги логово хорошо укрыто, хотя Пиппа слышала шум проезжающих машин или приближение львов; они часто пользовались этой дорогой, но всегда заблаговременно предупреждали о своем присутствии ворчанием и пыхтением.

Я смотрела на семейство: малыши сосали изо всех силенок, глубоко зарываясь мордочками в мягкий живот Пиппы, а она то и дело поворачивалась, чтобы им было удобнее сосать.

Я никак не могла оторваться от этой мирной картины, но пришлось возвращаться домой.

Теперь Пиппа уже знала, что мне и Локалю вполне можно доверить новорожденных, и когда вечером мы снова пришли, она даже не встала и все время, пока мы ими любовались, продолжала кормить малышей.

Если судить только по размерам, то в помете было два самца, но, разглядев кожистые наросты величиной с боб, расположенные треугольником — позднее здесь разовьются половые органы самцов, — я обнаружила, что на самом деле их трое. Если это подтвердится, то

Пиппа неплохо поддерживает равновесие: во втором помете было три самочки и один самец. В предыдущем семействе мне не удалось изучить отношения между самцами и самками — маленький Дьюме погиб всего пяти месяцев от роду. Я надеялась, что теперь Пиппа с моей помощью вырастит четвертый помет без потерь. Помня по печальному опыту, как легко ломаются хрупкие косточки молодых гепардов, я решила добавлять витамины в пищу малышей, как только они начнут есть мясо, — чтобы застраховаться от таких несчастных случаев. Раньше я начинала подкармливать малышей слишком поздно, не зная, как это важно. Теперь я пыталась помочь Пиппе и прибавляла в ее рацион по 15 граммов лактата кальция ежедневно в течение всей беременности и до тех пор, пока она не кончит кормить.

На следующее утро я позвала Пиппу издалека, чтобы сообщить о нашем приходе. Она вышла из-за куста и прошла около ста шагов до Тенистого дерева, где мы ее кормили. Она с жадностью потянулась к воде, а к мясу почти не прикоснулась. Вскоре она стала принюхиваться и повела меня обходным путем по ветру, пройдя примерно 300 ярдов до логова. Малыши подняли заспанные мордочки, но очень шустро разыскали соски, едва Пиппа улеглась, вылизав всех по очереди. Мы вскоре ушли и вернулись ненадолго уже во второй половине дня, чтобы напоить Пиппу — ее очень мучила жажда. Должно быть, она не решалась оставить малышей и сбегать к реке напиться.

На следующий день все малыши открыли глаза и, моргая, уставились на меня, наморщили носы и зашипели. Я уже знала, как дикие детеныши гепарда относятся к присутствию чужого, понимая, что существо другого вида может быть враждебным, но вот что интересно: ведь до сих пор они понятия не имели о том, что такое опасность. Заинтересовало меня и то,

что Пиппа вдруг перестала доверять нашему старому другу Стенли и не желала подходить к еде, пока он был поблизости. А раньше она всегда, не теряя времени и даже не «поздоровавшись» со мной, шла прямо к нему — конечно, когда он нес корзину с мясом. Мне было жаль, что с бедным малым так сурово обходятся, но я вспомнила, что в первые дни после родов Эльса вела себя точно так же: ни один из двух ее друзей-африканцев не смел даже появиться на горизонте.

Стенли очень добродушно отнесся к этому временному охлаждению и по-прежнему, несмотря на ее рычание, таскал Пиппе мясо и воду — а это была нелегкая ноша. С каждым днем Пиппа все дальше обходила логово на обратном пути, причем всегда старалась, чтобы ветер донес ее запах до детенышей. На тринадцатый день она перенесла их в другое место под тем же кустом, а на следующий день опять переместила. Но только через два дня она «переехала» под другой куст в десяти ярдах от первого. Я не могла понять, почему она так осторожничает — ведь второй и третий выводки она перетаскивала по нескольку раз в первые одиннадцать дней, когда у них еще были закрыты глаза.

Новый дом оказался гораздо просторнее прежнего, и малыши резво ползали, не натыкаясь на колючие ветки. Пиппа не спускала с них глаз, и стоило одному из четверки отправиться в небольшое путешествие, как она мгновенно затолкала его обратно и дала шлепка.

Как-то утром, когда Пиппа сидела под соседним деревом и осматривала окрестности, я попыталась определить пол детенышей на ощупь, но в густой пушистой шерстке мне было трудно установить разницу; тем не менее я по-прежнему считала, что в помете три самца, причем один из них гораздо мельче самочки. Я воспользовалась возможностью и потрогала их коготки, чтобы проверить, правда ли, что в этом

возрасте они втягиваются, — по крайней мере работники Крефельдского зоопарка утверждали, будто в первые десять недель когти у гепардов втяжные. На предыдущих детенышах Пиппы я не смогла проверить эти данные, но теперь решила удостовериться окончательно — и убедилась, что когти у маленьких гепардов не втяжные.

Когда малышам исполнилось семнадцать дней, я впервые услышала их тоненькое «чириканье», на которое Пиппа сразу же отозвалась. Первого августа Пиппа явилась, как обычно, к Тенистому дереву, и, пока она ела, я пошла взглянуть на детенышей. Они крепко спали. Потом я последовала за Пиппой к речке Васоронги; там она отыскивала мелкое место, где можно было напиться, не опасаясь, что в тебя вцепится крокодил, а оттуда длинными прыжками понеслась к дороге и хорошенько выкаталась в пыли, после чего не торопясь прошла по широкой дуге обратно к детям. Почему она так спокойна, думала я, неужели знает, что они еще спят? Детеныши проспали после нашего возвращения около часа, а мы с Пиппой сидели поблизости.

Последнее время Пиппа поджидала нас на дороге — заодно она принимала там утреннюю «пыльную ванну». Это мне не нравилось: меня не так уж пугали машины, а вот хищники могли почуять запах Пиппы и выследить ее логово. Однажды утром я окончательно расстроилась: через мой лагерь проходил свежий след трех львов и шел вдоль дороги целую милю прямо к логову Пиппы. Но она преспокойно ждала нас у Тенистого дерева, а потом, наевшись, повела к новой «детской», расположенной дальше от дороги, — место было гораздо укромнее прежнего. Я смотрела на малышей, ползающих в кустах; они частенько натыкались друг на друга или кувыркались. Потом Пиппа стала кормить их, а мы пошли домой.

Не успели мы отойти и на пятьсот ярдов, как навстречу нам попались три льва. Мы остановились и поглядели на них, и тут они бросились с дороги на равнину — а ведь там, чуть подальше, была Пиппа с малышами!

Мы встревожились и постарались заставить львов повернуть в другую сторону. Должно быть, это нам удалось, потому что на следующее утро мы нашли наше семейство под тем же кустом, и, судя по всему, Пиппу никто не беспокоил, кроме павианов, чей лай слышался невдалеке. Она не стала есть мясо под Тенистым деревом, едва прикоснулась к нему, когда я подтащила еду ближе к логову, и поминутно тревожно озиралась. Как ни странно, на другое утро она перестала обращать внимание на павианов, хотя они все еще держались поблизости, и даже надолго ушла от спящих детенышей, чтобы поразмяться.

Пока ее не было, я осмотрела их зубки и обнаружила, что нижние резцы и клыки уже совсем большие. В этот день малышам исполнилось три недели. Через два дня прорезались верхние резцы и клыки. А Пиппа тем временем переселила их ярдов на 250 в крохотный кустик, который почти не давал никакого укрытия. Правда, малыши уже кое-как передвигались без ее помощи, но все же расстояние для них было великовато. Мне было совершенно непонятно, с какой стати Пиппе так приглянулся этот убогий кустик, особенно когда я и в следующий раз нашла семейство там же; Пиппа была очень встревожена, потому что рядом бродили два льва, следы которых мы видели на дороге.

Один маленький гепард вдруг обнаружил мое присутствие и стал недоверчиво меня рассматривать, а потом решил встать на защиту своего семейства и загородил всех своим телом. Он не спускал с меня глаз, пока мы не ушли.

Вернувшись в лагерь, я получила записку от Джорджа: он видел одну из дочерей Пиппы и писал, что если я потороплюсь, то он сможет мне ее показать. Я немедленно выехала, и мы с Джорджем поехали к тому месту, где он видел ее вчера. Мы остановились на равнине возле Ройоверу, примерно в трех милях от его лагеря. Очевидно, молодая самочка расширила свои владения — раньше мы встречали Уайти и Тату ближе к лагерю. Джордж рассказал, что он, разыскивая своих львов, забрался на машину и звал их, одновременно осматривая местность в бинокль, как вдруг появился гепард и уселся в каких-нибудь двадцати ярдах от машины.

Джордж хотел дать самочке мяса, но она не стала есть — значит, была не так уж голодна. Тогда он поставил перед ней тазик с водой и сделал несколько снимков, пока она лакала. Вскоре она исчезла; Джордж говорил, что выглядела она великолепно. К сожалению, в этот день нам так и не удалось найти молодую самочку, но потом я по фотографиям узнала Уайти.

Я до сих пор была глубоко привязана к Мбили, Уайти и Тату, и мне очень хотелось узнать, как отнеслась бы к ним Пиппа. Пока они были маленькие, она души в них не чаяла, лизала их и баловала, нередко возилась и играла вместе с ними. И она проявляла неизменный такт и бесконечную мягкость, чтобы избежать ссор из-за ревности. Это было счастливое и спокойное семейство — они всегда мурлыкали, стараясь прижаться друг к другу, и всячески выражали свою радость. А теперь жизнь Пиппы целиком была посвящена новым детенышам, и старшие как будто перестали для нее существовать.

Должно быть, сама природа заботится о том, чтобы дикие звери постоянно размножались, и пресекает всякую связь между матерью и потомством, как только оно становится самостоятельным.

Я всегда очень остро сознавала, что на многочисленные загадки, которые задают нам гепарды, необходимо найти верные ответы, и одно время даже пыталась отыскать настоящего ученого, который мог бы участвовать в моей работе и дополнять мои непрофессиональные наблюдения. Найти такого научного сотрудника мне не удалось, и пришлось самой пользоваться некоторыми приемами, которые мне указали ученые: например, проводить целые сутки рядом с животными и тщательно отмечать все мелочи в их поведении. Но наблюдать за Пиппой ночью, не нарушая ее покоя, оказалось совершенно невозможно, так что пришлось ограничиться наблюдениями за жизнью гепардов только в светлую часть суток.

Хорошо еще, что Пиппа к этому времени перевела малышей в большой куст, так что мне было удобно наблюдать за семейством, сидя рядом.

К полудню жара становилась невыносимой, и хотя просвечивающая кружевная тень медоносной акации вполне устраивала гепардов, мне приходилось то и дело перебираться на новое место среди колючих ветвей, чтобы держать в тени голову, которая раскалывалась от боли.

Вот уже целый час я лежала на животе нос к носу с Пиппой, поглаживая ее, а она с мурлыканьем кормила своих детенышей, как вдруг эту идиллию нарушил самолет — он кружил над нами совсем низко, по-видимому, разыскивая меня. Гепарды тут же разбежались, и мне стоило немалого труда собрать обезумевших от ужаса малышей и вернуть их Пиппе.

Немного погодя мы услышали гудки машины со стороны дороги. Я попросила Локаля пойти узнать, что там случилось, и он принес мне записку от группы лондонского Би-Би-Си, которая требовала немедленного интервью — им нужно было сразу же вылетать обратно в Найроби. Их посещение было запланировано заранее

администрацией заповедника, меня же оно застало врасплох и положило конец моим наблюдениям над гепардами в этот день. Во рту у меня пересохло от жары, но я отвечала на все вопросы, а вот фотографироваться в своем измятом и грязном костюме наотрез отказалась — мне ведь пришлось все утро переползать с места на место под колючими ветками. Конечно, больше всего приезжим хотелось поснимать гепардов, но мне удалось кое-как от этого отвертеться. Интервью пришлось дать волей-неволей, хотя это шло вразрез с моими принципами, но я еще больше укрепилась в принятом решении: не допускать незнакомых людей к гепардам и избегать всякой рекламы до тех пор, пока работа не будет завершена.

На следующее утро Пиппа ждала нас у Дерева Кормления, довольно далеко от куста, где нас вчера напугал самолет. Она не торопясь приступила к еде, как вдруг подняла голову, услышав негромкие чирикающие звуки. Я бы ни за что не отличила их от птичьего чириканья, но Пиппа тут же бросила еду и побежала к своим малышам. Ей пришлось немало повозиться, чтобы собрать всех котят, которые решили пойти за ней, но разбрелись и запутались в густой траве. Самому крохотному из них пришлось хуже всех — он совсем измучился, продираясь сквозь заросли. Я нашла его, увидела, как он запыхался, услышала отчаянный призыв на помощь — и взяла на руки. Впервые прикоснувшись к шелковистой шерстке, я едва удержалась, чтобы не приласкать малыша, пока несла его к тому кусту, где Пиппа уже собрала все остальное семейство. А нести надо было целых пятьдесят ярдов. Это оказалась настоящая крепость из колючих ветвей, которые давали густую тень. Я обрадовалась такому чудесному логову, но Пиппа, как видно, думала иначе: она беспокойно кружила поблизости, потом приказала детям сидеть — своим обычным таинственным способом

— и ушла искать более подходящее место. Вернувшись, она резким «прр-прр» приказала им идти следом.

Удивительно приятно было смотреть, как малыши гуськом потрусили за ней, пробираясь замысловатыми зигзагами через травяной лабиринт, но тут самый маленький опять попал в беду, налетев на непреодолимое препятствие. На этот раз Пиппа сразу пришла на помощь и понесла малыша, ухватив за загривок, но то и дело роняла его, чтобы перехватить поудобнее. Наконец она вышла на место, покрытое редким кустарничком, где и решила остановиться. Я считала, что это «дрянное» место — здесь почти не было прикрытия от жгучего солнца, не говоря уж о хищниках. На этот раз Пиппа, видимо, была со мной согласна; оставив детей под моей охраной, она отправилась на поиски хорошего укрытия. Ее не было минут двадцать, и котята стали скучать. Тут самый маленький подобрался и прижался ко мне, приглашая поиграть. Искушение было почти непреодолимое, и пришлось напрячь всю силу воли, чтобы не поддаться ему, но в разгар этой внутренней борьбы, когда я едва не спасовала, он ушел к другим малышам, и все уснули, сбившись в пушистый мягкий клубок.

Было уже десять утра, а в это время Пиппа всегда кормила детенышей.

Часы ей были ни к чему, она отлично чувствовала время, и явилась точно, минута в минуту. Но странно: вместо того чтобы прилечь рядом с детьми, она прошла в дальний конец полянки и улеглась. Я погладила ее — она замурлыкала, радуясь ласке, но с места не тронулась. Я решила, что она хочет пить после долгой ходьбы, и пошла к Дереву Кормления, чтобы взять воду. Вернувшись, я не нашла гепардов. Долго заглядывала я под кусты, как вдруг увидела Пиппу ярдах в 300: она шла прямо ко мне, совершенно одна. Она так хотела пить, что вылакала всю воду до последней капли, а

потом пошла в «дрянной куст» и засела в нем, как в крепости. Никакими уловками я не могла заставить ее возвратиться к котяткам, так что пришлось принять нарек и уйти восвояси. Я ломала себе голову: чем вызвано это неожиданное беспокойство? Может быть, она старалась спрятать от меня своих детей потому, что я прикоснулась к малышу, или во всем виноват вчерашний самолет, который напугал ее, когда с громким ревом низко кружил над логовом? Как бы то ни было, мне нужно было снова добиваться доверия Пиппы — ведь и в том и в другом случае виноваты все равно были мы, люди.

Как опасно «доить» африканскую гадюку

Не успели мы вернуться в лагерь, как над нами снова закружил самолет. Сделав несколько кругов, он направился в сторону Кенмера — посадочная полоса была в двух милях от нас, и я поняла, что мне нужно ехать встречать вновь прибывших. Я догадалась, кто к нам прилетел. Не так давно ко мне обратилась американская фирма стереофотографий «Сойер-Вьюмастер», которая просила помочь в выпуске новой серии снимков африканских животных в память Эльсы. Большинство фотографий должен был сделать известный фотограф-анималист Алан Рут, а я собиралась прибавить к ним свои снимки Пиппы с детенышами. Но ни я, ни Алан Рут никогда раньше не фотографировали стереокамерой, и поэтому фирма командировала в Кению своего главного фотографа, Фреда Бенниона, чтобы он научил нас обращению с аппаратом. Я знала, что Фред Беннион только что прибыл в Кению.

На аэродроме я встретила не только Бенниона — с ним прилетели Алан Рут с женой Джоан и пилот Ян Типпет, который часто пилотировал их собственный самолетик. Я очень обрадовалась Алану и Джоан — мы с Джорджем знали их много лет и всегда с интересом следили за их работой. Они искренно и неподдельно увлекались дикой природой и уже сделали великолепные фильмы и фотографии для разных заказчиков. Часто они работали без всякого заказа, как свободные художники и в последние несколько лет успели объехать весь мир. Мы довольно давно не видели друг друга, и мне не терпелось выслушать

последние новости, но, к моему огорчению, оказалось, что они сегодня же собираются обратно в Найроби.

Пока в нашем лагере готовился завтрак, я уговорила гостей остаться переночевать. Фред Беннион добирался сюда за много тысяч миль, из штата Орегон, только для того, чтобы научить меня обращению со стереокамерой, так неужели он не может потратить немногим более трех часов, чтобы погостить у меня и заодно осмотреть заповедник Меру? И Алан Рут с женой тоже никогда здесь не бывали; короче говоря, уговоры помогли и на этот же день мы назначили посещение Джорджа и его львов.

Пока Фред Беннион показывал мне камеру, Алан и Джоан пошли погулять. Когда они возвратились, я застыла от ужаса: правую руку Алана обвивала огромная африканская гадюка, которую он держал сзади за шею, чтобы она не укусила. Нет, я никогда не выдавала себя за любительницу змей, а тем более африканских гадюк — это один из самых смертоносных видов в Африке, и не только потому, что их яд действует очень быстро. Дело в том, что эти змеи жалят молниеносно, хотя обычно они столь медлительны и неповоротливы, что не всегда успевают удрать от опасности. Увидев, как я испугалась, Алан стал меня успокаивать, уверяя, что возится со змеями с детства, а потом принялся рассказывать, как он ловил их, прижимая к земле раздвоенным сучком, а потом хватал за голову.

Подожли Локаль, Стенли и повар. Они остановились, пораженные ужасом, с широко раскрытыми глазами и ртами. Я сказала им в шутку, что «бвана» Рут — «маганга», то есть колдун, который умеет обращаться со змеями; тут уж глаза у них чуть не выпрыгнули из орбит. Алан решил показать мне, как «выдаивают» яд — я никогда этого не видела. Я быстро достала свою кинокамеру и засняла эту удивительную процедуру.

Сначала Алан всунул небольшую палочку между челюстями, чтобы змея не закрывала рта; меня поразило, что верхняя и нижняя челюсти могут расходиться почти под прямым углом. Потом он отодвинул складку кожи, прикрывающую один из верхних зубов в состоянии покоя. Как только показался ядовитый зуб, с него потек мутновато-белый яд, и накапало, должно быть, не меньше столовой ложки. Тогда Алан «выдоил» весь яд и из второго зуба — по крайней мере нам казалось, что он совершенно пуст.

Тем временем Алан устал держать на весу тяжелую змею и выпустил ее, уверенный, что яда у нее не осталось ни в одном зубе. Она тут же поползла к ближайшему укрытию — им оказалась наша столовая. Алан бросился за ней, чтобы не дать ей заползти в дверь, попытался схватить за шею без раздвоенной палки — и промахнулся. Опять схватил — и снова ему не удалось поймать змею. Когда же он дотронулся до нее в третий раз, змея повернула голову и цапнула его за указательный палец правой руки. Я бы ни за что не поверила, если бы мне сказали, что змея — тем более африканская гадюка — может повернуть голову молниеносно и к тому же в направлении, противоположном ее движению. Пока мы сустились вокруг бедняги Алана, змея вползла в хижину и забралась как раз под шкафчик, где у меня были противозмеиные сыворотки и шприцы. У меня в запасе была сыворотка из пастеровского института и еще одна, из ФРГ; я спросила Алана, какую ему ввести, а он заявил, что все сыворотки вызывают у него аллергию, и отказался от укола. Он уверял нас, что весь яд из зубов уже «выдоен» и то ничтожное количество, которое попало в рану, само по себе рассосется — надо только немного полежать.

Но все же попросил нас наложить жгут, и мы каждые двадцать минут ослабляли его. Алан был

главным знатоком змей среди нас, и мы слушались его беспрекословно. Он лег в кровать, и мы сидели рядом и слушали его рассказы. Его жена тем временем изучала инструкцию, приложенную к сыворотке, а я давала ему чай с глюкозой, потому что его мучила жажда.

Хотя Алан уверял нас, что он вот-вот встанет и поедет с нами к Джорджу, я с тревогой смотрела на его руку, которая распухла прямо на глазах. Но когда я посоветовала ему лететь в Найроби, он об этом и слышать не хотел и упрямо твердил, что заночует здесь (должно быть, он настаивал на этом, чтобы остальные все же могли съездить к Джорджу).

Заставить его лететь в Найроби на его же собственном самолете я не могла, но тут, к моей несказанной радости, показался лендровер, а в нем — Нильс Ларсен, один из наших друзей-летчиков; ему часто приходилось привозить к нам гостей. Зная, как трудно хранить здесь свежие овощи и фрукты, этот славный человек привез мне целую корзину с виноградом и другими лакомствами.

Нильсу нужно было сразу же вылететь с клиентом обратно в Найроби.

Мне показалось, что его послала сама судьба. Я быстро отозвала его в сторону, объяснила, в чем дело, и он предложил немедленно забрать Алана и Джоан. Тут уж мы не обращали внимания на возражения Алана, и вскоре он с женой отбыл вместе с Ларсеном; на всякий случай мы дали им с собой сыворотку.

У меня камень с души свалился, когда они уехали; я чувствовала, что Алан бодрится, а на самом деле ему было гораздо хуже, и он просто старался показать, что ему все нипочем — во-первых, чтобы не распускаться, во-вторых, чтобы не портить нам прогулку к Джорджу.

Мы знали, что сделали для Алана все, что могли, и поэтому решили все же поехать к Джорджу. Перед выездом Ян Типпет совершил подвиг и изловил гадюку.

Но он потребовал, чтобы ее оставили в живых, и мы посадили ее в картонную коробку и выпустили по дороге. Когда мы ехали, прямо перед нами из кустов вышли три антилопы — это были малые куду, самые очаровательные и пугливые существа, — и остановились, словно позируя для фотографии. Попались нам также жирафы, буйволы и множество мелких животных. Дорога вилась сквозь рощицы пальм дум, а потом по широкой открытой равнине, и свет заходящего солнца озарял эту мирную картину.

К тому времени, когда мы подъехали к лагерю Джорджа, Алан должен был уже приземлиться в Найроби, и все мы надеялись, что сейчас он в безопасности. К сожалению, нам не удалось повидать львов, подопечных Джорджа, но, несмотря на отсутствие «царя зверей», Фред Беннион был в полнейшем восторге от остальных животных — он впервые видел их на свободе — и тут же принялся мечтать, как проведет отпуск в Африке.

На следующее утро Яну Типпету предстояло слетать в Найроби по делам, но он собирался вернуться к вечеру и прихватить с собой Алана и Джоан, чтобы они хоть денек отдохнули после всех треволнений. Увидев, что Ян Типпет возвращается один, мы поняли, что что-то неладно. Он рассказал, что, как только самолет Нильса поднялся в воздух, Алану стало так плохо, что Джоан пришлось ввести ему полную дозу противозмеиной сыворотки, а когда они приземлились в Найроби, он уже метался в бреду. Три доктора, ожидавшие его в больнице, не надеялись, что его довезут живым; рука у него жутко раздулась и почернела, пульс едва прощупывался, и его поддерживали только сильными лекарствами.

Когда же он сможет перенести операцию, ему, очевидно, придется отнять руку. Нам оставалось лишь молить судьбу, чтобы он остался жив.

Но случилось одно из самых удивительных совпадений — в соседней с Аланом палате лежал Ионидес, известный во всем мире специалист по змеям. Он перенес операцию, но дни его были сочтены. Когда ему рассказали всю эту историю, он ужаснулся. Во-первых, Ионидес не понимал, как кому-то может взбрести в голову ловить змею раздвоенной палкой, не говоря уже об африканской гадюке, которая кусает, оборачиваясь на 180 градусов. Во-вторых, как можно было думать, что зубы гадюки опустели после «доения»; напротив, протоки тут же заполнились еще более сильным ядом, потому что стекший яд мог чуть потерять силу, пока был в протоках. В-третьих: никогда нельзя накладывать жгут при укусах змей с гемолитическим ядом — сконцентрированный на ограниченном участке, он очень быстро разрушает сосуды и ткани. Так бедный Алан пал жертвой нашего невежества, да еще два часа, которые чуть не стоили ему жизни, были потеряны, пока жена не ввела ему сыворотку в самолете. Четыре месяца Джоан и Алан провели в непрерывной тревоге, но специалистам все-таки удалось спасти ему руку. Он закончил лечение в Англии. Яд настолько разрушил ткани, что палец пришлось ампутировать, но Алан приспособился и прекрасно управлялся с фотоаппаратом при помощи оставшихся пальцев.

Хотя этот ужасный случай и заставил меня трепетать перед змеями, я все же продолжаю утверждать, что они никогда не нападают без причины, а в данном случае Алан раздражил гадюку, «выдаивая» из нее яд.

Кстати, вот что я вспомнила: когда мы только что поселились в этом лагере, я почти ежедневно убивала змей во время сезона дождей; примерно через год, должно быть, среди змей распространился «слуш-ш-шок», что лучше не соваться к нам в лагерь, хотя там

полно укромных местечек, — так или иначе они почти перестали у нас появляться.

Не только мы, люди, стараемся уберечься от змей — животные тоже пытаются защитить от них себя и свое потомство. Повар Джорджа рассказал нам про удивительное происшествие, которое видел собственными глазами совсем недавно. Отдыхая в своей хижине в послеобеденную жару, он услышал странный шорох, как будто что-то протаскивают через сетку, которой была ограждена хижина. Он вышел, чтобы узнать, что там такое, и увидел рыжую кобру с крохотным крысенком во рту — ее преследовала взрослая крыса. У него на глазах крыса уцепилась за шею кобры и крепко впилась в нее зубами. Кобра билась, кидаясь из стороны в сторону, чтобы стряхнуть противника, но крыса не разжимала зубов и не отпускала змею, хотя та сильно ее трепала. Наконец змея добралась до входа в нору, крысу ударило о край, и только тогда она отпустила уползающую змею. Но крысенок был уже мертв, несмотря на то что мать так самоотверженно его защищала.

Смерть посещает семью

Туристский сезон был в самом разгаре, и мне это даже доставляло удовольствие, но при одном условии: лишь бы туристы не докучали моим животным. Я хотела, чтобы дети Пиппы стали настоящими дикими гепардами. Конечно, это подчас портило мои отношения с туристами, которые никак не могли взять в толк, отчего это я не желаю показывать им гепардов. Но мною всегда руководил один принцип: нельзя, чтобы дикие животные привыкали к людям. По всей видимости, Пиппа была вполне со мной согласна: даже мне она не разрешала чересчур вольничать с малышами.

Как-то раз они особенно ко мне приставали, нарочно терлись о мои ноги, увивались за мной, не обращая внимания на Пиппу, которая давно уже говорила «прр-прр», явно намекая, что пора кончать эту игру. Пиппа три раза уносила их в самую чащу, но они упорно пробирались ко мне, как только она их отпускала. Особенно ласкался самый маленький — он так и ходил за мной по пятам. Когда Пиппа собралась кормить малышей в свое обычное время (десять утра), я пошла домой. Утром я незаметно для них подглядывала из-за кустов и видела, как малыши карабкаются на спину Пиппы и скатываются с другой стороны, как они покусывают ее за уши, пока она не дернула головой, так что они разлетелись во все стороны. Они весело катались по земле, стараясь уложить друг друга «на лопатки», шлепали и кусали друг друга, а то вдруг кто-нибудь усаживался на голову другого и Пиппе приходилось с мурлыканьем спешить на помощь; она их вылизала, и ровно в десять все начали сосать. В этот раз Пиппа вела себя очень спокойно и доверчиво — она

знала, что я рядом, но не трогаю ее детей, и это заставило меня глубоко задуматься: почему Пиппа не хочет, чтобы наша с ней дружба распространялась и на малышей? Может быть, она инстинктивно старалась сохранить в семье естественные отношения, несмотря на то что меня она с шести месяцев считала своей приемной матерью и полностью мне доверяла. И на следующий день, когда я разыскала семейство под новым кустом, она вела себя так же. На этом более открытом месте с низкой травкой малышам можно было резвиться на свободе.

Увидев меня, Пиппа подошла, обнюхала мясо и тут же вернулась к детенышам, чтобы проверить, хорошо ли они спрятаны. Только после этого она отошла примерно на сто ярдов и стала есть. До сих пор она никогда не возражала против присутствия Локаля и ела спокойно, а тут совершенно неожиданно для меня зарычала и ушла к своему семейству, увидев, что он подходит ближе.

На следующее утро семейство оказалось под большой акацией, нижние ветви которой образовали шалаш над термитником. Кругом поднималась такая непроходимая поросль, что гепардов можно было заметить, только когда они шевелились. Наконец я разыскала малышей — они замерли и сидели, не шелохнувшись. Немного погодя Пиппа пришла со стороны Мулики, подозрительно осмотрела все кругом, убедилась, что малыши в безопасности, и снова собралась уходить. Пятнадцать минут я шла за ней, несколько раз давала ей мясо, но она съела совсем немного, и когда мы вернулись к малышам, я положила недоеденное мясо на землю.

Вот уж этого она от меня не ожидала! Она нарочно отвернулась, а потом забралась в самую глубину логова. Незнакомый запах донесся до малышей, и они вылезли посмотреть, что там такое, но, добравшись до

мяса, с отвращением наморщили носы и стали плевать и шипеть. После этого я не задерживалась и скоро ушла домой.

Вечером я опять решила попытать счастья. К моему удивлению, Пиппа поджидала нас недалеко от логова, хотя обычно мы не приходили в это время. Она очень хотела пить и быстро вылакала всю воду, а потом, сделав несколько широких кругов, вернулась в логово. Когда мы тоже подошли к ней ярдов на пятьдесят, Пиппа пристально уставилась на Локаля, остановилась, как вкопанная, и не тронулась с места, пока я не попросила его уйти. Она подождала, пока он скрылся из виду, и только тогда пошла кормить детей.

На следующее утро нам пришлось проискать семейство целых два часа, пока мы не наткнулись на них в самом открытом месте. Я хотела покормить Пиппу невдалеке от малышей, но она едва прикоснулась к мясу — видимо, ей важнее было найти пристанище для детенышей. Наверное, мы задержали их на пути к Мулике, потому что Пиппа опять пошла в ту сторону, а малыши поспевали за ней, кто как мог, кроме самого маленького — его Пиппа несла почти всю дорогу. Она с нетерпением смотрела на реку, но пришлось дать малышам передышку, и тут она наконец решила поесть. Только вчера я своими глазами видела, какие гримасы корчили малыши при виде мяса, а сегодня один из них терзал его с такой жадностью, что Пиппа не раз одергивала его, чтобы он не объелся. В этот день малышам исполнилось ровно пять недель — Уайти, Мбили и Тату точно в таком же возрасте впервые отведали мяса. Прошло еще три дня, и все малыши освоили новую пищу. За это время Пиппа несколько раз переменила логово.

С тех пор как малыши стали есть мясо, я заботилась о том, чтобы остатки не привлекали хищников, и клала мясо на кусок брезента, чтобы даже запах не

пропитывал землю. Пиппа всегда была примерной матерью, и теперь я никак не могла понять, почему она раздавала малышам оплеухи, как только я клала перед ними мясо, или отзывала их своим «прр-прр» и уходила, так что они не успевали к нему притронуться. Почему она не разрешала им есть мясо? Маленькие гепарды, худенькие, но полные энергии, целое утро возились без устали и угомонились только в самую жару.

И лишь через шесть дней после того, как малыши узнали вкус мяса, Пиппа показала им, как надо есть. Она всасывала кишки, выжимая содержимое сжатыми зубами. Она учила их, как лакать воду из тазика, но это трудное дело они освоили только через несколько дней.

Семейство переселилось на более открытую равнину, где были разбросаны редкие кустики. В каждом кусте можно было отлично затаиться. Скрытая густой листвой от палящего солнца, Пиппа видела все далеко вокруг и могла заранее заметить малейшую опасность. Но однажды утром меня ожидал сюрприз — семь слонов появились как раз на этом месте и двое паслись прямо возле куста, из которого вышла Пиппа. Она съела свою порцию мяса, не обращая внимания на слонов, которые минут десять обрывали ветки с куста, под которым прятались малыши. Вдруг один гигант стал рыть землю передней ногой и поднял огромное облако пыли, а Пиппа спокойно жевала свое мясо. Казалось, мы ждали целую вечность, когда слоны уйдут и можно будет подойти к малышам. Судя по следам, гиганты топтались всего в двух ярдах от гепардов и оставались на этом месте довольно долго. Когда мы наконец подошли к малышам, они были такие голодные, что вырывали мясо друг у друга. Они даже Пиппу не подпускали и старались затащить свою долю поглубже в кусты — наверное, там они чувствовали себя в полной безопасности. Наевшись досыта, они стали играть с Пиппой, прыгая на нее, как на большой

камень. При этом они вовсе не в шутку рвали ее шерсть и грызли уши; она же, как видно, наслаждалась этой игрой и, зажмурив глаза, мурлыкала все громче, пока детеныши терзали ее голову.

Несколько дней слоны не давали нам покоя. Теперь нам приходилось подолгу дожидаться, когда представится возможность заглянуть в кусты, где могла скрываться Пиппа с детенышами; но тут оказывалось, что Пиппа — и вполне сознательно — держалась как раз в середине стада. Она совершенно не боялась толстокожих — носорогов, бегемотов, слонов; более того, она явно пользовалась стадом слонов как охраной от стаи павианов, которые тоже появились в этих местах.

Однажды утром мы несколько часов искали гепардов, особенно тщательно возле трех колючих кустов, где недавно было их логово.

Гепардов мы не нашли, а наткнулись на шестерку слонов, которые упорно торчали в кустах. К полудню мы выбились из сил и прекратили поиски.

После чая мы снова стали искать и увидели, что один слон все еще стоит на часах у куста. Вдруг оттуда в ответ на мой зов вышла Пиппа. В ту же минуту шесть слонов с громоподобным топотом, трубя, понеслись к нам по равнине, но, на наше счастье, круто повернули, учуяв наш запах, а одинокий слон направился к дороге. Я дала Пиппе только маленький кусок мяса, в котором была спрятана ее порция кальция; остальное я припрятала, надеясь, что она приведет нас к своим малышам. Но Пиппу не так-то легко было одурачить: она упрямо не трогалась с места, пока почти совсем не стемнело. И тут мне пришлось сдаться. Наевшись, она пошла вперед очень осторожно, стараясь не зашуметь, не треснуть веточкой, и шла так три четверти мили по направлению к дороге, где нам повстречался одинокий слон. Я с беспокойством искала малышей и вдруг

увидела их в густой траве почти у самых ног. Я тут же положила перед ними мясо, но они не тронулись с места, пока Пиппа не сказала «прр-прр». Тогда они накинулись на еду. Было уже совсем темно, и нас беспокоило, что малыши едят на таком открытом месте, поэтому мы сидели рядом, пока они не наелись. А ждать пришлось порядочно, потому что они еще не могли быстро жевать — зубы-то у них были еще маленькие. Мне пришлось отвлекать Пиппу, чтобы она, воспользовавшись этой задержкой, не съела все мясо сама. Я слушала, как малыши жуют, и тут впервые уловила, как один из них произносит «прр-прр», подражая Пиппе.

Малышам уже исполнилось шесть недель, и за это время они четырнадцать раз меняли логово, но так далеко, как в тот день, им «переезжать» еще не приходилось. Они уже хорошо ходили, и я решила, что стадия «детской» для них закончилась. Четверка была совершенно очаровательна. Два крупных самца держались почти все время вместе, один из них был чуть побольше и порезвее, и оба вели себя уже достаточно самоуверенно — этого как раз не хватало двум меньшим.

Особенно нервной была самочка, она часто сидела в стороне, когда братья затевали веселую возню. Но все они обожали Пиппу и всегда старались к ней прижаться, а она души в них не чаяла.

Ранним утром на следующий день я отыскала гепардов на том же месте; поблизости по-прежнему держался одинокий слон. Пиппа забралась на упавшее дерево и осматривала местность. Большой самец хотел забраться к ней, но, несмотря на отчаянные попытки сохранить равновесие, все время сваливался.

Тогда он отошел и стал весьма энергично лакать воду из тазика.

Когда семейство наелось, все побежали к дороге и в ста ярдах от нее устроились отдыхать под развесистым деревом. Я беспокоилась, что малыши остались почти у самой дороги, и вернулась после обеда, чтобы выманить их на прогулку и отвести подальше на равнину. Но Пиппа была беспокойна; она забилась под нижние ветви и не выходила.

Всю ночь я ужасно волновалась, и, едва рассвело, мы пошли к гепардам. Но на старом месте никого не было. Мы осмотрели всю местность, а через полчаса появилась Пиппа — она пришла со стороны Пятой мили, оттуда, где дорога проходит через Мулику. Нюхая землю, она кружным путем повела меня к развесистому дереву, но не доходя до него уселась на землю. Я обошла дерево с другой стороны, откуда Пиппа видеть меня не могла, и сердце у меня замерло. Самый большой детеныш лежал там мертвый, с прокушенным затылком. Он лежал возле куста, и нигде никаких следов борьбы, даже крови на траве не было. Кровь не успела застыть на ране; я подняла уже окоченевшее тельце, чтобы отнести в машину. Пиппа, не видя, что я несу, пошла дальше.

Мы с Локалем шли за ней, а она, принюхиваясь к земле, повела нас совсем не в ту сторону, откуда пришла. Примерно через двести ярдов мы увидели ее утренний след, а рядом — путаницу следов малышей. Тут она повернула к трем кустам. Все более тщательно вынюхивая что-то на земле, она не пропускала ни одного дерева и термитника, осматривая все окружающее глазами, полными тревоги. У одного из кустов она остановилась, хотя не переставала ловить малейший шорох или движение.

Я воспользовалась этим моментом и послала Локаля за мясом. Когда Локаль принес еду, Пиппа ела так долго, что я испугалась — неужели и остальные малыши погибли? Наконец она двинулась дальше;

проходя мимо большого куста, я уловила еле слышный звук, напоминающий птичье чириканье. Пиппа не обратила на него внимания и прошла мимо, а я хорошенько пригляделась и раздвинула густую листву — там прятались трое наших малышей! Пиппа прошла еще ярдов сто, остановилась и простояла на месте не меньше получаса, все еще настороженно прислушиваясь. Мы никак не могли истолковать ее поведение. Может быть, она нам не доверяла и не хотела выдавать убежище своих оставшихся в живых малышей? Наверное, так оно и было, потому что потом она опять пошла к дороге, старательно обходя большой куст. Когда мы дошли до поворота к тому месту, где был убит детеныш, она остановилась и села.

На этот раз я поручила Локалю следить за Пиппой, а сама пошла вдоль дороги к Пятой миле, разыскивая следы трагедии. Я нашла след Пиппы, который на расстоянии примерно трехсот ярдов переплетался с отпечатками лап львицы или молодого льва, но потом оба следа разошлись в разные стороны. Пиппа пошла к равнине Мулики, где, как я уже знала, она спрятала своих детенышей. Я старалась разобрать по следам, как произошло несчастье. Должно быть, лев шел по дороге, потом почуял запах гепардов и свернул к развесистому дереву. Самый большой и храбрый детеныш, наверное, выбрался наружу, чтобы защитить свою семью — он не раз защищал их от меня, если я подходила слишком близко, — и лев тут же его прикончил. Пиппа тем временем выскользнула из куста с другой стороны, и лев погнался за ней до того места, где следы разошлись в противоположные стороны. Возможно, она потом возвратилась к малышам и даже перенесла их туда, где мы видели следы гепардов на дороге. Потом, спрятав их в большом кусте примерно в полумиле от этого места, она пошла к Пятой миле, разыскивая четвертого детеныша. Когда мы встретились, она шла именно

оттуда. Мне казалось, что она все еще не понимала, что больше никогда его не увидит.

Когда я возвратилась на дорогу, к Локалю и Пиппе, она пошла к малышам. Я попросила Локаля немного отстать, и Пиппа привела меня прямо к кусту, возле которого стоял на страже одинокий слон. Я решила дать ему время для отступления и сходила за мясом и водой для малышей.

Когда я вернулась, слона уже не было. Немного погодя Пиппа позвала: «прр-прр», и малыши выползли из куста, но было видно, что они очень перепуганы. Несмотря на то что Пиппа подавала им пример, показывая, как есть кишки на манер спагетти, они ели очень осторожно, то и дело озираясь. Особенно была напугана самочка, и стоило мне чуть пошевелинуться, как она кидалась под прикрытие куста. Я решила больше не докучать гепардам своим присутствием и поехала к директору парка, чтобы рассказать ему о происшествии. Мы с директором осмотрели зубы мертвого гепарда; оказалось, что в возрасте шести недель и четырех дней у него уже прорезались все коренные зубы. Какой это был красавец и какой он был чистенький — несмотря на страшную рану в затылке! Мне захотелось зарисовать его, чтобы оставить хоть память об этом существе, прежде чем предать его земле.

Рисуя самого сильного и красивого детеныша Пиппы, я старалась понять, как же так вышло, что это изумительное животное в самом начале жизни погибло без всякой видимой причины. Напрашивался единственный логический ответ — взрослые хищники часто убивают потомство других хищных видов, чтобы устранить возможных соперников. Несколько раз мы находили львят, умерщвленных леопардами, и наоборот; жертва всегда оставалась нетронутой. Этого маленького гепарда обрекла на смерть его храбрость. И

вот что удивительно: пока я была поглощена рисованием, горе мое постепенно утихло, и чем больше живых черт приобретал рисунок, тем легче становилось у меня на душе. Я не могу объяснить, чем вызвано это странное преображение, но когда рисунок был завершен, ужас перед смертью прошел.

Мы похоронили малыша под деревом, где Пиппа часто бывала со всем семейством.

На другое утро мы, как всегда, разыскивали гепардов, и Локаль шел в нескольких шагах позади меня, как вдруг из высокой травы выскочил лев и бросился на него. Локаль сорвал с плеча винтовку и щелкнул затвором — лев уже был в пяти ярдах, — и тут я узнала Угаса, одноглазого льва Джорджа! Я закричала: «Фу, фу, Угас, стой!» — и в мгновение ока трагедия была предотвращена. Локаль имел полное право застрелить Угаса с целью самозащиты, но, к счастью, до этого дело не дошло — Угас повиновался мне, и высокая трава снова сомкнулась за ним. Наверное, он отдыхал возле дороги, и мы спугнули его, проходя мимо. Но все же это событие несколько выбило нас из равновесия, тем более что все произошло в каких-нибудь двухстах ярдах от места гибели детеныша Пиппы.

Мне вовсе не нравилось, что Угас бродит так близко от Пиппы, и я проехала еще двенадцать миль до лагеря Джорджа, чтобы попросить заманить Угаса обратно в его владения. Угас частенько бродил поблизости и даже заходил в наш лагерь, но нам это ничем не грозило — я всегда была там сама и могла позвать Джорджа, который умел с ним обращаться. Но теперь у Пиппы были маленькие, и это меняло дело. Мы решили, что Джордж захватит немного мяса, попробует заманить Угаса в лендровер с открытым кузовом, забранным сеткой, и увезет домой. Джордж всю ночь пробыл в моем лагере с лендровером-ловушкой, но Угас не

показывался — он был занят ухаживанием за дикой львицей. Может быть, именно эта львица убила детеныша Пиппы — потом Джордж видел ее с Угасом в миле от того места, где произошла трагедия.

А мы искали Пиппу два дня подряд и никак не могли найти. Конечно, этого следовало ожидать, но меня эти два дня совершенно вымотали — и физически, и духовно. Обшаривая куст за кустом, я наткнулась на затаившегося молоденького сервала. Котенок понимал, что деваться ему некуда, и застыл, как изваяние, только полные ужаса глаза выдавали его. Не сводя с меня взгляда, котенок лежал совершенно неподвижно почти десять минут. Я тем временем решила, что он болен, и пошла искать Локаля, чтобы вместе помочь больному. Когда мы вернулись, «больного» и след простыл. Хорошо известно, что многие животные «симулируют» смерть, оказавшись в безвыходном положении, но самообладание этого котенка восхитило меня: так долго не двигаться, даже волоском не пошевелинуть, когда я была совсем рядом, и дожидаться минуты, когда можно будет удрать без всякого риска!

Но где же пропадала Пиппа? Мы прочесывали доходившие нам до плеч тростники на берегу Мулики, как вдруг рычание льва приковало нас к месту. По колыханию тростников мы догадались, что чуть не набрели на льва; должно быть, он спал. Вскоре мы опять едва не попали в беду, нарушив полуденный отдых буйвола. Было невероятно жарко, и он устроился как раз под тем кустом, который мы собирались осматривать.

Но буйвол, как и лев, нашел свободный путь для отступления, и мы снова продолжали искать Пиппу.

Только на третий день к вечеру мы обнаружили Пиппу недалеко от Мулики — она должна была слышать, как мы ее звали все предыдущие дни.

Она была ужасно голодна; наверное, и малыши проголодались не меньше, но она не позволила им выйти из укрытия, а сама съела невероятное количество мяса. Так нам и пришлось уйти, не повидав малышей.

Я понимала, что Пиппа боится выпускать детей из укрытия, когда стемнеет, и старалась кормить семейство по утрам. Малыши не могли съесть много за один раз, но с удовольствием ели часто, с небольшими перерывами в течение дня. Поэтому я нередко оставалась рядом с гепардами на весь день и резала мясо на ломтики, чтобы малышам было легче справиться с ними, пока Пиппа не помешала. Надо сказать, что я никак не могла понять, почему она не дает малышам наесться досыта, ведь я всегда приносила гораздо больше, чем она могла бы съесть в одиночку. В моих записях о предыдущем помете было отмечено, что она окончательно перестала кормить молоком своих прежних детенышей в возрасте восьми недель, а теперешние малыши в том же возрасте питались в основном ее молоком. Самочку всегда приходилось особенно долго уламывать, прежде чем она съедала причитающуюся ей долю мяса, она была так робка, что добиться этого было нелегко.

Как-то раз Локалю пришло в голову, что нам нужно пригласить Большого доктора — пусть даст ей «синдано», тогда она станет такой же сильной, как и ее братья. Подобно многим местным жителям, он свято верил в могущество «синдано» — на суахили это значит «иголка», а имел он в виду шприц. Какая бы болезнь ни напала на него самого, даже если она требовала совсем другого лечения, он был убежден, что никакое лекарство на свете не сравнится с уколом «синдано», хоть бы и наполненного водой. Локаль также был уверен, что разные могучие «синдано» могут дать великий разум, так что вся загвоздка только в том, чтобы хватило денег на такое средство.

Я же больше рассчитывала на применение необходимых подкормок и поэтому давала маленькой самочке повышенные дозы фарекса, поливитаминов и костной муки, чтобы она поскорее набралась сил и сумела дать сдачи своим братцам, которые частенько задирали ее.

Обычно гепарды принимались за еду утром, как только мы приносили ее, и ели часа полтора. Потом с набитыми животами малыши начинали гоняться друг за другом, и Пиппа тоже нередко прыгала и резвилась, как котенок, пока все не выбивались из сил. Когда малыши засыпали, Пиппа охраняла их, борясь с дремотой, около часа, а потом они просыпались и снова получали еду. После этого они опять немного играли, чтобы «утрясти» сытный завтрак, и наконец крепко засыпали на все жаркие часы дня. Это самое спокойное время — разве что изголодавшийся хищник станет бродить в такую жару, когда раскаленный воздух дрожит от зноя и вся жизнь замирает — ни звука, ни малейшего движения.

Мы решили, что настало время дать малышам имена. Самочку назвали Сомба, крупного самца — Биг-Бой (Большой), а его маленького брата — Тайни (Крошка). Тайни был мой любимец, и не только потому, что как две капли воды походил на Мбили, которую я любила больше всех детенышей предыдущего помета, а еще и потому, что он был такой же «заморыш». Но если ему и доставало физической силы, то обаяние и смелость искупали этот недостаток, а глаза у него были чудесные, очень красивые и выразительные.

И Биг-Бой был удивительно мил, но совсем в другом духе. Это был не только самый красивый и самый добродушный из всех детенышей, но главное — его непоколебимая уверенность в себе внушала уважение всем окружающим, и даже в этом возрасте он уже стал признанным вожаком.

Сомба была умнее остальных, но характер у нее был очень непростой.

Сознавая свою слабость, она чисто по-женски защищалась, нападая.

Припав к земле, как перед прыжком, она опускала голову и глядела исподлобья, прицеливаясь, чтобы внезапно размахнуться и ударить сразу обеими передними лапами. Я не могла понять, как она ухитряется при этом не опрокинуться, но надо признаться, что это был отличный способ защиты: как ни мала она была, а я не решалась и пальцем двинуть, если Сомба была в плохом настроении. Однажды я дала ей целую голову от туши, и она особенно энергично демонстрировала братьям свой излюбленный прием. Может быть, она считала голову своей добычей, хотя, насколько мне было известно, ей еще ни разу в жизни не приходилось охотиться. Было очень интересно смотреть, как малыши закрывали глаза, чтобы не отвлекаться, когда разгрызали мелкие кости. Я тоже всегда закрываю глаза, когда нужно собраться с мыслями, например если говорю перед микрофоном или диктую; очевидно, все мы закрываем глаза, чтобы получше сосредоточиться.

Когда Биг-Бою было одиннадцать недель и пять дней, он сосал Пиппу в последний раз. Я подозревала, что он просто сосет «пустышку», и с этого дня ежедневно проверяла, есть ли у Пиппы молоко, но, как ни удивительно, молока у нее оставалось до тех пор, пока котяткам не исполнилось двадцать четыре недели и три дня. Как раз в этом возрасте у прежних детенышей Пиппы появились признаки рахита, у них было три сломанные лапы — на всех. Как радостно было сознавать, что теперешние малыши вовсе не страдают от таких напастей — все они в отличной форме, и энергии у них хоть отбавляй.

Пожар и потоп

Начинался октябрь, приближался сезон проливных дождей. Перед началом дождей в заповеднике обычно выжигают сухую траву, чтобы лучше росла новая; в огне гибнут и паразиты, отравляющие существование диким животным. Я просила директора прислать рабочих поджечь траву вокруг моего лагеря, чтобы потом огонь с равнины не перекинулся к нам. Когда приехали люди с факелами из пальмовых листьев, мне не пришлось уговаривать своих помощников подсобить в работе — куда там! Они так самозабвенно поджигали все кругом, что мне оставалось только следить, чтобы они не подпалили и наш лагерь. С каким восторгом они швыряли спички в сухую траву, хотя сами едва не задохлись в едком дыму, а глаза у них воспалились и покраснели от жарких языков пламени! Но им все было нипочем.

Пожар в степи для Пиппы был не в новинку, но малыши страшно пугались даже легкого запаха дыма, а Сомба все время тревожно принюхивалась. Несколько дней назад семейство перебралось на прекрасное место недалеко от Мулики, где можно было чудесно играть на термитнике, в тени большого дерева. Малыши сразу же изобрели новые игры: они скатывались со склона, как на салазках, или играли в прятки среди причудливых закоулков. Самой любимой была игра «кто кого столкнет»: они без конца сражались за большую впадину на вершине термитника, где мог с удобством разлечься только один из них. Нужно было встать на задние лапки — так толчок получался сильнее — и всей тяжестью наваливаться на владельца ложа до тех пор, пока он не слетит оттуда кувырком. Но еще интереснее

было прыгать туда-сюда через речку; со временем они научились не шлепаться в воду.

Когда кольцо огня стало смыкаться, Пиппа, не теряя времени, занялась спасением малышей. И хотя пламя было еще далеко, маленькие гепарды старались удрать побыстрее и со страху попадали в воду, позабыв все свои безукоризненные прыжки. Потом они выкарабкались кое-как на другой берег — только я их и видела. Мне было интересно наблюдать их отношение к пожару, совсем непохожее на поведение других хищников. В Серенгети львы усаживались так близко к пляшущим языкам огня, что нередко крупные искры подпаливали им шерсть!

Во время пожара большинство животных снимаются с привычных мест, но как далеко им приходится уходить, я поняла, увидев стадо из шести малых куду возле нашего лагеря. Эти прелестные антилопы всегда жили в густых зарослях, миль за десять от нас, и по дороге сюда им пришлось переплывать Ройоверу, кишашую крокодилами. Больше я их не видела — наверное, они покинули открытые места, как только огонь отступил.

Два дня мы не могли отыскать наше семейство. Увлеченные поисками, мы набрели на высохший прудик. Я решила перейти по затвердевшей, растрескавшейся корке и тут же провалилась по колено в жидкую грязь, она засасывала меня при малейшем движении, как зыбучий песок.

Проваливаясь все глубже и глубже, я отчаянным криком позвала Локаля; к счастью, он был совсем близко и протянул мне длинный шест, с помощью которого и вытащил меня на берег. Без него мне бы ни за что не выбраться из этой засасывающей жижи, а ведь с виду она была такой прочной и надежной.

Наконец мы отыскивали гепардов в середине трех кустов. Обнаружить их нам удалось только потому, что

один из малышей выдал всех еле слышным «чириканьем». Мы ехали по опаленной, черной земле на машине, и внезапная остановка у куста, должно быть, напугала малыша. Все в полной растерянности смотрели на окружающую их пустыню, покрытую пеплом, да и Пиппа никак не решалась вывести их на равнину — ведь на черной земле их золотые фигурки стали теперь отлично видны. Особую бдительность проявляла маленькая Сомба. И хотя ей всего-то было три месяца от роду, она так же неутомимо, как и Пиппа, высматривала издали малейшие признаки пожара. А увидев огонек, тут же бросалась бежать. За последнее время она стала очень злобной и прекрасно понимала, как действует на остальных ее особый «боевой» прием. Тут даже Пиппа предпочитала держаться от нее подальше.

Я отдала гепардам мясо, они мигом покончили с ним. Потом они стали играть, и Пиппа попробовала поймать Сомбу за голову — не тут-то было!

Маленькая кошка с рычанием перекатывалась и увертывалась, не спуская глаз с матери, и вдруг взвилась вверх и яростно ударила когтями; Пиппе удалось увернуться от удара, только подскочив в воздух сразу на всех четырех лапах. Сомба нападала раз за разом, а Пиппа все прыгала вверх, а потом отошла в сторонку. Она не стала силой укрощать разбушевавшуюся дочку, а дожидалась, когда воинственный пыл Сомбы поуляжется. Немного погодя малышка обняла мать с такой подкупающей нежностью, что все ссоры были позабыты, и они улеглись рядом, довольные и счастливые.

Мне приходилось соблюдать осторожность: Пиппа не желала, чтобы молодые получали пищу в первую очередь. Это вызывало у нее приступ ревности, и она уходила, приказывая им своим «прр-прр» идти следом, — все равно, успели они поесть или нет. Чем

чаще Сомба применяла свой прием, тем меньше желания было у Тайни брать свою долю с бою. Обычно борьба за еду заставляет звереныша есть, даже если он еще не проголодался, но Тайни понял, что ему не устоять перед выходками Сомбы, и просто-напросто садился в сторонке, дожидаясь, когда я покормлю его из рук. Очень скоро это вошло в привычку, и он внимательно следил, как и куда я прячу его порцию от всех остальных, а потом ждал удобного момента, чтобы спокойно поесть. Все гепарды очень любили жир зебры и трахеи разных животных, и я часто прятала внутрь костную муку, которую они недолюбливали. Но Сомба, увидев, что я сыплю костную муку в их любимое лакомство, начинала бросаться на меня, чтобы я не смела портить хорошую еду.

Пожары бушевали по всей местности, где Пиппа обычно бывала, и только равнина за рекой Васоронги уже не дымилась и не тлела. Туда, примерно за четыре мили вверх по течению от моего лагеря, Пиппа увела своих детей. Там мы и встретили их однажды утром — около только что убитой молодой газели Гранта. Пиппа задушила ее, схватив за горло, но туша была еще не тронута. Как только я приблизилась, Сомба тут же налетела на меня с невероятной злобой, она бросалась, шипела и рычала, а глаза у нее горели так непримиримо, что я, честно говоря, испугалась. Конечно, меня радовало, что она ведет себя, как дикое животное, возле своей первой «настоящей» добычи. Впрочем, это было естественное поведение самки, которая должна охранять добычу; самцы не возражали против моего присутствия. Как ни странно, Сомба тут же присоединилась к братьям, когда я протянула им тазик с молоком, но как только я осмеливалась двинуться к ее добыче, она немедленно бросалась на меня. Я очень пожалела, что не захватила кинокамеру, и отправилась за ней в лагерь, оставив семейство на

попечении Локаля. Когда я возвратилась, гепарды все еще не покончили с добычей, и Сомба защищала ее с такой же яростью, как и утром.

Приближалась гроза, темные тучи, готовые вот-вот хлынуть на землю дождем, нависли, закрывая горизонт. Раскаты грома то и дело тревожили гепардов, и малыши в ужасе вздрагивали, заслышав ворчание с неба, так что в конце концов Пиппа позвала их — «прр-прр» — и все они куда-то скрылись. Мы забрали с собой остатки газели, чтобы скормить их на следующий день, и вернулись домой.

Гепарды всю неделю держались на этой равнине. Чтобы добраться до них, нам приходилось переходить вброд речушку, которая день ото дня становилась глубже. В конце концов после сильнейшего ливня, который лил всю ночь напролет, мы не смогли перейти речку. Но, к счастью, след гепардов обнаружился на нашей стороне реки — они переплыли ее как раз вовремя. Я решила, что Пиппа просто не хотела лишаться мяса, которое мы ей давали, но она снова показала мне, как плохо я понимаю ее поступки. Она не пошла к нашему лагерю, хотя прекрасно знала, что там для нее запасено мясо, а прошла две мили в другую сторону, на равнину, где паслось множество газелей Гранта и зебр. Мне стало совершенно ясно, что она предпочитает вырастить своих детей дикими и свободными и не хочет приучать их к нашему лагерю.

А они и вправду были дикие: мы убедились в этом однажды утром, когда увидели их ярдах в трехстах от нашего лендровера. Мы оставили машину на дороге и понесли мясо проголодавшимся гепардам. Но только они успели до него дотронуться, как вдали показался автомобиль с туристами. Гепарды исчезли задолго до того, как чужая машина подъехала к нашему лендроверу, несмотря на то что мясо осталось несъеденным.

Теперь, впервые за много месяцев с тех самых пор, как они расстались, Пиппа оказалась на территории Мбили. Мне приходила в голову только одна причина, которая могла заставить Пиппу нарушить закон, установленный ею самой: почти вся равнина за последнее время превратилась в сплошное болото, где было слишком трудно охотиться. Я с интересом отметила, что Пиппа никогда не подходила к тем термитникам и деревьям, где она чаще всего бывала с Мбили, Уйти и Тату. Новые малыши играли в других, новых местах, и Пиппа несколько дней подряд тщательно отмечала упавшие деревья своим обычным способом — кучкой помета. Может быть, так она заявляла свои права на эти участки? Мне очень хотелось узнать, что же будет, если здесь вдруг появится Мбили.

Однажды утром мы накормили гепардов, и я увидела, что Пиппа, сжав губы, пристально смотрит в сторону далеких холмов. Я посмотрела в том же направлении и увидела в бинокль почти на горизонте двух белых носорогов. Это была пара из тех шести носорогов, которых привезли три года назад из Южной Африки, чтобы они акклиматизировались и дали потомство в Кении. До сих пор носорогов держали в просторном загоне в Скале Леопарда; должно быть, эти двое удрали оттуда. Белые носороги крупнее черных, и у них более широкий рот. «Белыми» их называют по ошибке — голландцы произносят «уайд» («широкий») как «уайт», то есть «белый». Уж не знаю, разбиралась ли Пиппа во всех этих тонкостях, только «прр-прр» — и мать с детьми со всех ног умчались прочь. Мне очень хотелось узнать, неужели она и вправду различает два вида носорогов и спасается бегством от незнакомого вида, хотя местного, черного носорога она обычно просто не замечает. Мне пришлось дожидаться

разгадки больше года, но ее дети дали мне ответ на этот вопрос — они поступали точно так же.

Следы гепардов привели нас обратно на территорию Пиппы в долине Мулики, но здесь они пересекались со следами льва. Ничего удивительного, что несколько дней мы никак не могли разыскать гепардов. Но вот Стенли заметил гепарда, который с рычанием бежал прямо на него со стороны Пятой мили. Стенли удивился и окликнул меня.

Увидев меня, гепард стал как-то странно прыгать вокруг, а потом побежал прямо через заросли, то и дело останавливаясь, чтобы удостовериться, что мы идем следом. Но он не подпускал меня достаточно близко, и я никак не могла узнать, кто это. Во время этой игры в пятнашки гепард спугнул двух цесарок и прыгнул, чтобы поймать птицу, но оба раза промахнулся. Я думала, что это Пиппа — видимо, она спрятала своих малышей от львов и хочет привести меня к ним, — так что еще минут пятнадцать я изо всех сил старалась не отставать от нее. Я уже начала всерьез беспокоиться — до сих пор Пиппа никогда так далеко не уходила от малышей, оставив их одних. Наконец я почти поравнялась с гепардом, но все же не смогла узнать его с такого расстояния. Малышей нигде не было видно. Я боялась, что произошло что-то непоправимое, и крикнула: «Пиппа!» Гепард молнией бросился к Мулике, прыжком перелетел на другую сторону и скрылся. Тут-то я начала догадываться, что это была Мбили — Пиппа ни за что не стала бы так себя вести. Я очень обрадовалась, что Мбили прекрасно выглядит после восьми с половиной месяцев самостоятельной жизни. Она оказалась на территории Пиппы, но это можно было понять: как раз на границе ее владений работала многолюдная бригада; видимо, она испугалась и перешла на чужую территорию.

Некоторое время спустя мы нашли наше семейство в полном здравии в полумиле от этого места. Здесь было много дичи, и Пиппа все время старалась подкрасться к стаду газелей Гранта, но ей так и не удалось подобраться поближе — ведь трава сгорела и спрятаться было негде. Я снова подумала, что же будет, если ей встретится Мбили. На следующее утро я нашла семейство около того места, где скрылась Мбили; все они то и дело озирались, словно ожидая чего-то.

Это место было в шести милях от лагеря и недалеко от дороги, так что на следующий день мы приехали на машине и оставили ее примерно в четырехстах ярдах от дороги, увидев, что к нам несется стадо газелей Гранта. Вскоре показалось и наше семейство. Пока мы готовили еду, Пиппа исчезла, но приказала малышам не трогаться с места, и они беспрекословно подчинились, поэтому нам пришлось тащить к ним мясо, хотя они отлично видели, как мы режем его на кусочки. Когда они начали есть, Пиппа вернулась, села под кустом ярдах в пятидесяти от них и негромко позвала к себе детей. Я принесла к ней мясо и заметила, что она тяжело дышит, а правая передняя лапа и пасть у нее в крови. Она была очень возбуждена и не позволила мне осмотреть окровавленную лапу, а к мясу даже не притронулась. Она не сводила глаз с дороги и вскоре перешла поближе к ней и уселась. Тем временем я послала своих помощников на розыски ее добычи, но они ничего не нашли. Тогда я понесла Пиппе молоко. Теперь ее поведение объяснилось — я увидела, что она сторожит молодую газель Гранта, которую только что задушила. Лишь тогда я поняла, что она старалась по-своему объяснить мне, в чем дело: она бросила добычу и пошла за мной, нельзя же оставлять тушу возле дороги! А мне-то это было невдомек! Потом я перенесла добычу подальше от дороги, чтобы гепарды могли есть, не пугаясь шума машин.

Как только малыши увидели добычу, они принялись в восторге отплясывать вокруг нее, и Пиппа долго не вмешивалась в их игру. Но увидев, что они никак не могут справиться со шкурой, она продемонстрировала им наилучший способ начинать еду — вспорола нежную кожу между задними ногами, где нет никаких костей.

Я с огромным интересом наблюдала за поведением Сомбы. Когда я попыталась подойти к добыче, Сомба бросилась на меня еще яростнее, чем раньше: опустив голову, она шипела, а потом старалась ударить сразу обеими передними лапами. Тихонько, шаг за шагом, я отступала назад, а Сомба преследовала меня, продолжая царапаться. Но тут она увидела, что братья принялись за еду, помчалась к туше защищать свою долю и в мгновение ока прогнала их прочь. Чтобы восстановить справедливость, мы дали малышам мяса. Но как бы не так: Сомба немедленно явилась за своей порцией и даже взяла мясо прямо у меня из рук. Стоило мне сделать шаг в сторону добычи — и Сомба едва не уронила мясо, бросившись на меня, чтобы я не смела приближаться к добыче. Так она вела себя целый день до самого нашего ухода. Я от души сочувствовала бедной Сомбе: ну как тут было не запутаться? С одной стороны, я была для нее другом, достойным доверия, я каждый день приносила ей хорошее мясо, но внезапно все ее дикие инстинкты восставали, и она бросалась защищать от меня законную добычу. И вот, раздираемая столь противоречивыми побуждениями, она мгновенно преображалась, и вместо мирного животного, которое брало пищу прямо из моих рук, передо мной оказывался дикий и весьма опасный гепард. И ведь она не только была самочкой — у самок инстинкт охраны добычи сильнее, чем у самцов, — нет, она еще и прекрасно знала, что уступает братьям в силе, и поэтому все время была настороже, чтобы не остаться в стороне, когда им что-нибудь перепало.

Поэтому она и казалась такой невероятной жадиной. Но я не хотела, чтобы она становилась чересчур агрессивной, и с этих пор нарочно кормила ее в первую очередь, отдавая те куски, которые ей больше нравились.

Да, у Пиппы можно было поучиться обращению с маленькими гепардами.

Она принимала во внимание несхожие характеры своих детей и умела с необычайным тактом добиться их послушания. За последнее время Сомба объявила войну не только мне, но, кажется, и всему собственному семейству. Она становилась такой опасной, что мне иногда приходила в голову мысль избавиться от нее; но, глядя, как Пиппа управляется со своей буйной дочерью, как ей всегда удается усмирить и развеселить ее, я поняла, что не имею никакого права вмешиваться.

Чем глубже я узнавала Пиппу, тем больше любила ее. Ее чудесный характер проявился по-настоящему только после того, как она стала матерью. Я с восхищением наблюдала, как она справляется со всеми выходками детей, неизменно сохраняя присущую ей неприступность и спокойствие.

На следующее утро мы подъехали к тому же месту, где гепарды были вчера, и я стала сигналить — они теперь уже знали: гудки в определенном ритме означают, что привезли еду. К нам со всех ног бежали два взрослых гепарда и три маленьких; малыши остались возле машины, а взрослые пронеслись мимо к сухому руслу в 400 ярдах от нас и скрылись в зарослях. Я поняла, что Пиппа преследует свою дочь Мбили, хотя территория принадлежала как раз Мбили. Должно быть, Пиппа услышала знакомый сигнал и, ничего не подозревая, пошла к машине, но по дороге столкнулась с Мбили, а Мбили теперь считала ее соперницей.

Мне было жалко Мбили, но я надеялась, что, как только погода улучшится, мать вернется в собственные

охотничьи угожья.

Когда возвратилась запыхавшаяся Пиппа (ей удалось прогнать Мбили), мы скормили гепардам остатки газели Гранта. И вот что интересно: на этот раз Сомба разрешала мне держать мясо в руках, пока она ела; видимо, для нее разрезанное на куски и не совсем свежее мясо уже не было естественной «добычей».

Потом мы попробовали пойти по следу Мбили, но ничего не вышло: возле зарослей была сплошная жидкая грязь. Мы назвали это сухое русло Канавой Ганса — по имени одного из помощников Джорджа, которому как-то пришлось здесь заночевать в своем маленьком автомобильчике, увязшем в грязи. Всю ночь напролет его держал в осаде прайд львов, жалили мириады комаров, и в довершение всего на рассвете ему пришлось брести пешком за помощью, чтобы вытащить машину из канавы.

В Канаве Ганса вода появлялась только в сезон дождей, но отдельные лужицы не просыхали круглый год. Сейчас единственные относительно сухие места располагались по обе стороны русла, а кругом было сплошное болото. Поэтому здесь скопилось множество животных, в том числе и хищники, которым было очень удобно укрываться в густых зарослях. Мне оставалось надеяться, что у Пиппы хватит хитрости и ума, чтобы уберечь детей от опасности.

Вечером я видела Мбили на термитнике, примерно в полумиле от того места, где утром потеряла ее из виду. Она спокойно смотрела на меня, подпустила к себе совсем близко, и только когда я могла уже прикоснуться к ней, оскалилась, но не тронулась с места. Я стала тихонько говорить с ней, как бывало, и обошла ее кругом. Уже почти девять месяцев она жила совершенно самостоятельно, и прошло четыре месяца (не считая случайной встречи несколько дней назад) с тех пор, как я видела ее в последний раз. Разве можно

было ждать еще большего — ведь она до сих пор доверяла мне, видела во мне друга, несмотря на то что ей уже ничего не было от меня нужно.

Дожди так разбушевались, что ездить на машине стало невозможно.

Как-то под вечер, возвращаясь от гепардов, мы переезжали Мулику, как вдруг прямо посреди бешеного потока что-то захлюпало, и мотор заглох.

Вода стремительно поднималась, и мы, промокшие до ниточки, все же обливались потом битых два часа, толкая лендровер дюйм за дюймом к дороге. Тем временем стало темно, как в преисподней... Пара львов рычала где-то очень близко, и мне казалось, что им просто приятно видеть наши мучения.

Бедным гепардам дождей перепало в избытке — они почти не просыхали.

Понятно, что частенько у них портилось настроение. Много раз мы видели, как они сбиваются в кучку под хлещущим ливнем, стараясь устроиться спиной к ветру. Но когда проходил самый сильный ливень, малыши снова начинали веселиться и, носясь друг за другом по лужам, окатывали нас водой с ног до головы. После очередной ненастной ночи мы нашли гепардов в полумиле от лагеря. Это значило, что они переплыли разлившуюся, полную крокодилов Васоронги. Я не могла себе представить, как им это удалось: перепрыгнуть через речку теперь было невозможно.

Мы сами, попытавшись незадолго до того перейти ее вброд, оказались по пояс в воде, и как мы ни цеплялись за нависающие ветки, стремительное течение едва не сбilo нас с ног. Пришлось вернуться назад.

Мне было непонятно, почему Пиппа не хочет идти в лагерь, где, как она прекрасно знала, ее ждет мясо. Вместо этого она повернула в другую сторону, чтобы самой добывать пропитание. Через несколько дней мы

опять нашли ее возле Канавы Ганса — она подкрадывалась к газели Гранта, несмотря на проливной дождь. Но охота сорвалась, и Пиппа устроилась на одном из немногих сухих островков, окруженных водой.

Правда, здесь было неглубоко, каких-нибудь несколько дюймов, но нам понадобилось четыре часа, чтобы добраться до гепардов. Шесть миль мы шли вброд, скользя в грязи под тяжестью ноши; я хотела быть спокойной за гепардов и знать, что они не погибнут от голода за эти тяжкие несколько недель.

Наевшись мяса, малыши забрались на скользкий ствол дерева, и, как всегда, Тайни проявил удивительную ловкость. Он часто забирался повыше — с этих высоких стволов можно было высматривать добычу, да и лапы как-никак были в сухом месте. Сомба тоже отлично замечала малейшее движение, и только Биг-Бой был чересчур ленив и не желал себя утруждать, но зато у него был самый спокойный характер. Пиппа, бедняга, теперь частенько бывала сама на себя не похожа и становилась сварливой от усталости — надо было охотиться и к тому же заботиться о безопасности детей. Она то и дело зевала — верный признак переутомления, и даже играть с малышами у нее не хватало сил.

Но не только гепардам приходилось плохо во время этого потопа.

Однажды привлеченные грифами, мы нашли новорожденного буйволена. Он лежал в воде на глубине не больше пяти дюймов; должно быть, он родился во время ливня и тут же утонул. Вся жизнь животных переменилась, когда начались дожди. Я и не знала, что даже скорпионы умеют плавать, пока не увидела, как скорпион переплывает лужу. Вездесущих цесарок, попадавшихся нам в любое время и в любом месте, сменили европейские аисты и марабу, которые

охотились в болотах за лягушками и головастиками. Даже дикобразам пришлось покинуть свои надежные убежища. Мы как-то испугнули пару дикобразов под скалистым карнизом, таким узким, что им негде было спрятаться от врагов, хотя они и приложили все усилия, чтобы отпугнуть нас, гремя своими иглами. Я совсем не обрадовалась, обнаружив, что ко мне в гости пожаловала рыжая плюющая кобра; она выбрала местечко посуше, свернувшись в уголке за дверью в моей столовой. Я заметила ее, когда закрывала дверь. Три дня она упрямо лежала на месте, как я ни старалась выдворить ее оттуда длинной палкой, оберегая глаза от ее ядовитых плевков.

В довершение всего моему повару надоели дожди, и он попросту удрал.

Мне было трудно винить его — ведь Васоронги, которая всегда текла на шесть футов ниже моего лагеря, теперь поднялась до самых хижин и не заливала их, как в прошлый раз, только потому, что мои помощники расчистили берега от густых зарослей, которые тогда задерживали воду.

При полном отсутствии средств передвижения достать нового повара было невозможно, и мне приходилось терять драгоценное время на возню по хозяйству. А это было теперь особенно трудно — ведь у нас уходил почти целый день на то, чтобы за семь миль доставить еду гепардам к Канаве Ганса. Наше маленькое стадо коз в опустевшем Кенмер-Лодже таяло с непостижимой быстротой, а мясо так быстро портилось в этой сырости, что нельзя было рисковать, таская его с собой целый день, — оно бы пропало, не найди мы гепардов. Так что мне приходилось сначала вместе с Локалем отыскивать гепардов, а потом он возвращался в лагерь за мясом и приносил его вдвоем со Стенли.

Пиппа и Мбили встречаются ВНОВЬ

Однажды утром, когда мы переезжали Мулику, наше внимание привлекла оживленная болтовня обезьян верветок. Немного спустя мы увидели, как из травы примерно в ста ярдах от дороги выглянул гепард. Это была Мбили как раз на границе своих владений. Боясь, что из-за непрерывных дождей она сильно изголодалась, я взяла ногу козы, подошла и положила ее на землю в двух ярдах от Мбили. Она тут же утащила ногу к ближайшему дереву, а я пошла за ней следом и смотрела, как она уничтожает мясо до последнего волокна. Оказалось, что она отлично умеет раскалывать даже трубчатые кости, — вот как она была голодна. Но выглядела она прекрасно — ее шерсть настолько потемнела, что поначалу я едва не спутала ее с Тату. Мне нужно было всегда безошибочно различать детей Пиппы, и я сфотографировала их всех сзади, чтобы ясно были видны пятнышки вокруг основания хвоста — иногда они составляли непрерывное кольцо, в которое входило до восьми пятен. Рисунок был строго индивидуальным и никогда не менялся, так что по этому признаку я сумела бы различить всех наших гепардов даже много лет спустя, когда и внешность, и поведение у них могли измениться.

Мы поехали дальше, на равнину Ганса, и нашли там Пиппу. Семейство резвилось на солнышке — им выпало редкое развлечение среди затяжного ненастья. Когда они наелись, я собрала все остатки, на всякий случай — а вдруг мы снова встретим Мбили, ведь она, может быть, уже ждет прибавления семейства.

Подъезжая к тому месту, где мы встретили ее утром, я позвала ее, и в ответ на мой зов голова гепарда высунулась из травы ярдах в пятистах от нас. Мы с Локалем стали потихоньку подходить и тут заметили второго гепарда рядом с первым — это были Уайти и Тату! Тату сразу же кинулась на нас, и я поспешно бросила мясо — это отвлекло ее внимание на некоторое время. Когда Уайти тоже пошла к мясу, я увидела, что она на сносях и вот-вот должна родить. Вдруг, откуда ни возьмись примчался третий гепард, и — «прр-прр» — Мбили вне себя от радости бросилась к сестрам. Но только Тату встретила ее приветливо — они лизали друг дружку, мурлыкали и носились вокруг нас. Уайти держалась в сторонке и свирепо рычала на Мбили, когда та пыталась подойти поближе. Но отделаться от Мбили было не так-то просто: она применяла все свои уловки, чтобы смягчить Уайти, — и нежно мяукала, и перекатывалась на спину, приглашая поиграть, но все напрасно. Мбили изо всех сил старалась завоевать любовь своей сестрицы, а та с не меньшим упорством продолжала ее отгонять. Каждая хотела поставить на своем: постепенно, поглощенные этим соревнованием, они прошли ярдов сто до одинокого дерева, и там запыхавшаяся Уайти наконец уселась на землю. Очень трогательно было смотреть на Мбили: она призвала на помощь всю свою проницательность, весь такт и, передвигаясь ползком, почти незаметно, наконец подобралась к Уайти на расстояние около двух ярдов и села рядом. А пока происходили все эти маневры, Тату съела остатки мяса, не оставив сестрам ни крошки, и тоже устроилась отдыхать неподалеку от нас.

Все это время мы с Локалем стояли совершенно неподвижно и только увидев, что сестры успокоились, стали потихоньку пятиться обратно к дороге — мы не хотели мешать им вновь подружиться. Но Мбили

проводила нас до самой Мулики, пока мы не перешли на ту сторону, за пределы ее территории.

Все три сестры теперь оказались на территории Мбили, и Пиппа тоже: ее отделяла от взрослых детей только затопленная Канава Ганса. В последний раз я встречала всех трех сестер девять месяцев и двадцать дней назад, у въезда в заповедник со стороны Муреры — это было в четырнадцать милях отсюда. С тех пор Уайти и Тату несколько раз видели вместе возле холма Мугвонго, примерно в двенадцати милях в противоположную сторону. Мбили всегда бродила одна между Пятой милей и Скалой Леопарда. Теперь все они стали гораздо крупнее матери и были в превосходном состоянии.

Не только по внешнему виду Уайти, но и по той ярости, с какой она встречала все заигрывания Мбили, я поняла, что она принесет котят в ближайшие двое суток. Но теперь я знала, что все три сестры сумели прекрасно перенести даже суровый период дождей, и поэтому сказала Локалю и Стенли, что кормить их мы больше не будем. Мы можем сделать исключение только для Уайти, если она с малышами окажется в безвыходном положении. Нельзя же сводить на нет все то, чему они научились, живя на свободе.

Стоило только один раз дать Мбили мяса — и она уже поджидала нас на следующее утро возле Пятой мили! Я почувствовала себя совершенно несчастной: мне нужно было проявить жестокость — ведь это ради нее, для ее же пользы. Но меня очень подвели Локаль и Стенли: несмотря на мои предупреждения, они все-таки позвали Мбили, и, разумеется, она пошла за нами. Они не поняли, что я поступаю так, стараясь предотвратить ее столкновение с Пиппой. Мне пришлось прибегнуть к самым разным уловкам и ухищрениям, чтобы избавиться от Мбили, которая доверчиво трусила за нами. В конце концов она куда-то исчезла, и мы прошли

дальше еще целую милю. Как только я разглядела наше семейство в бинокль — они были ярдах в пятистах от нас, — мы тут же принялись закладывать витаминную подкормку в небольшие кусочки мяса, чтобы все было готово к их приходу. Поглощенная этим делом, я и не заметила, что Мбили снова догнала нас и теперь сидит, не сводя с меня глаз, всего в нескольких ярдах!

Тут подошла Пиппа с детьми, но, увидев Мбили, все они мигом умчались. Это меня удивило, однако вскоре я поняла, как плохо знаю Пиппу: она убежала только для того, чтобы спрятать детей в безопасное место. Теперь она вернулась свести счеты с Мбили. С угрожающим рычанием она припала к земле, так что голова ее оказалась ниже, чем плечи, а глаза с убийственным упорством сверлили Мбили. Но Мбили вела себя точно так же. С мужеством отчаяния я пыталась предотвратить столкновение. У меня не было ни малейшего сомнения, что победит Мбили, на ее стороне было физическое преимущество — она стала гораздо крупнее Пиппы, — да и моральное тоже — ведь она защищала собственную территорию. Все мои попытки вмешаться ни к чему не привели — гепарды уже сошлись. Вот Пиппа приготовилась к прыжку, но тут Мбили внезапно перекатилась на спину и тихонько застонала, объявляя капитуляцию.

Пиппа немедленно повернулась и пошла к дереву, под которым я положила потроха. Обычно она к ним и не притрагивалась, но сейчас, на глазах у Мбили, которая была от нее всего в десяти ярдах, уплетала их с удовольствием. Я едва успела спасти кусочки мяса с витаминами — пусть хоть что-нибудь достанется малышам. К моему удивлению, Пиппа тотчас же вернулась к своим детям: им было приказано сидеть на месте, пока она выясняла отношения с Мбили. И теперь все они ждали, когда я принесу им мясо, которое было у меня припрятано в корзине, подвешенной на дереве.

Пока они расправлялись с мясом, Мбили подобрала все остатки от трапезы Пиппы, а потом спокойно отправилась к стаду газелей Гранта, показавшемуся на горизонте.

Тут я наконец перевела дыхание. Слава богу, драки, кажется, не будет. Но как мне хотелось узнать, что это: только временное перемирие или Пиппа и Мбили на моих глазах разошлись, чтобы никогда не встречаться? Я знала, что и львы, и волки «сдаются» на милость победителя в битвах за первенство: волк опрокидывается на спину, подставляя глотку — самое уязвимое место, а лев открывает незащищенное брюхо. Ни в том, ни в другом случае победитель никогда не пользуется выгодой своего положения — ему достаточно того, что противник признал себя побежденным. До сих пор мне никогда не приходило в голову, что точно такой же «закон чести» руководит и гепардами, матерью и дочерью, когда ни борьба за место вожака, ни само собой разумеющаяся власть матери над детенышем не могут толкнуть их на бой. Должно быть, то, чему я стала свидетельницей, было проявлением врожденного правила: детеныш не смеет вступать в борьбу со своим родителем, даже несмотря на бесспорное, как в данном случае, право защищать свои владения и невзирая на явный перевес в физической силе. Конечно, можно было рассуждать и так: Мбили уступила, почувствовав, что Пиппа будет защищать своих детенышей с решимостью, какую обычно не проявляют в сражениях с соперниками. Но ведь, с другой стороны, сама Мбили могла оказаться беременной, как Уайти, и тогда у нее тоже были бы две причины вступить в бой: защита детенышей и охрана территории.

Но как бы мы ни толковали поведение Мбили, интересно вот что: за все последующие дни мы ни разу не находили ее следов ближе чем в нескольких сотнях

ярдов от Пиппы, а некоторое время спустя рабочие видели ее примерно в миле от того места, где произошла стычка.

Пиппа оставалась на территории Мбили, на равнине Ганса. Это было самое сухое место во всей округе, и здесь собралось множество разных животных. Однажды мы видели, как Мбили подкрадывается к стаду из двадцати шести канн, где был маленький теленок; другой раз она решила попытать счастья и стащить детеныша газели Гранта, но всякий раз мать прогоняла ее прочь. Нам было все труднее добывать коз, и мы почти обрадовались, когда Джордж наткнулся на жирафа, увязшего в жидкой грязи, — должно быть, он погиб незадолго до того, как его нашли. И хотя жираф не входит в меню дикого гепарда, всем нашим его мясо очень понравилось, и они каждое утро ждали под тем же деревом, когда мы привезем новое лакомство.

Однажды нас встретила только Пиппа, и я почувствовала, что случилась беда. А когда немного погодя она позвала: «прр-прр» и малыши прибежали на зов, я заметила, что Сомба как-то странно принюхивается к следам и прислушивается к шороху травы, раздвигаемой другими малышами.

Когда она подошла поближе, я увидела, что оба глаза у нее закрыты и ужасно распухли. Нижние веки почернели, а глазные яблоки затянула толстая пленка, похожая на третье веко, оставив чистым только крохотное пятнышко в наружном углу правого глаза. Несчастная Сомба шла, как слепая, ловя звуки и запахи, но больше никаких повреждений я не заметила. Должно быть, кобра плюнула прямо ей в глаза. Я дала ей вдоволь мяса, и она охотно брала его у меня из рук. Потом она даже хотела поиграть вместе с остальными детенышами, но вскоре легла и закрыла глаза. И тут — только этого не хватало! — я увидела Мбили в нескольких сотнях ярдов возле дороги. К счастью, на

дороге показался лендровер, и Мбили исчезла. Я узнала директора заповедника и, остановив машину, сказала ему, что с Сомбой случилось несчастье. Он посоветовал промыть ей глаза слабым раствором марганцовки. Марганцовка у меня была, и мы пошли за ней в лагерь. Возвращаясь с лекарствами в послеобеденное время, мы увидели след Мбили возле Пятой мили. Очень обрадованные, что теперь их с Пиппой разделяет около двух миль, мы пошли дальше к равнине Ганса; наши гепарды оказались на прежнем месте.

Я захватила большой кусок ваты и побольше раствора марганцовки — вполне возможно, что почти все прольется впустую, пока я буду пытаться лечить Сомбу. Стоило мне подойти к ней, как она пришла в бешенство и стала яростно отбиваться от меня вслепую. Пришлось дожидаться, когда она примется пить молоко, — тут я быстро прижала к ее глазам пропитанную раствором вату, так что ей залило марганцовкой всю мордочку. Еще четыре дня подряд я повторяла этот трюк, пользуясь любой возможностью. За это время глаза у нее почти совсем очистились, и маленькая ведьма теперь прекрасно видела, куда «нацеливать» свои когти. По крайней мере эта успешная защита показала мне, что она совсем здорова, и я обрадовалась, что не пришлось пустить в ход снотворное, и уже не нужно тащить Сомбу в лагерь в большой сумке, которую я прихватила на тот случай, если придется поместить ее в вольер для лечения.

Я глубоко сочувствовала Сомбе, но все же не настолько, чтобы испытывать и на себе последствия встречи с коброй. А это едва не случилось. Я попросила Локаля починить пол в «ванной комнате», пристроенной к моей хижине. Только он ушел, как тут же прибежал обратно и показал мне ногу, забрызганную какой-то мутной жидкостью — это был яд плюющей кобры. Она пряталась под досками пола, и он заметил ее, как

только приподнял доску; за ту секунду, пока брошенная доска шлепнулась на место, кобра успела плюнуть; к счастью, из-за своей неудобной позиции она не попала ему в глаза (но все же кожа, пораженная ядом, сошла и по всей ноге остались светлые обесцвеченные шрамы). Мы с величайшими предосторожностями снова приподняли доску — и вот она, я ясно увидела ее в полумраке: серая кобра толщиной с мою руку, свернувшаяся в тугой клубок. Мне расхотелось выгнать ее оттуда палкой — убить такую огромную змею нам все равно было нечем, а вдруг она разозлится и начнет кусаться? Так что мы решили пойти за помощью к директору. Не успели мы отойти от лагеря, как он сам подъехал к нам на своем «волво» с двумя ведущими осями — только на этой мощной машине и не рискуешь застрять на наших грязных дорогах. Удивительно, что кобра осталась на месте после того, как Локаль открыл ее убежище, а потом прихлопнул упавшей доской; она все еще была там, и директор всадил полный заряд прямо в тугие кольца. Это было настоящее чудовище — семь футов четыре дюйма! А самая крупная плюющая кобра, по авторитетным источникам, превышала девять футов. Но с меня было вполне достаточно и семи, чтобы отбить охоту пользоваться ванной комнатой вместе с плюющей коброй. Под досками мы нашли много углублений и вмятин — должно быть, она довольно давно поселилась под полом.

В спальне у меня обитало еще одно пресмыкающееся — самка агамы длиной примерно фут. Была она тускло-бурого цвета — нищенское рубище по сравнению с броским нарядом самца, у которого бирюзовое тело и ярко-оранжевая голова. В нашем лагере поселилось несколько этих безобидных ящериц, но именно эта самочка почти совсем приручилась: много недель она спала в ямке у двери, прямо под

засовом; она нисколько не пугалась, если я задевала ее, запирая дверь.

Бок о бок с агамами ютились маленькие гекконы, они откладывали яйца в стенах из пальмовых стволов, устраивая детские в удобных ямках, хорошо защищенных от дождей и врагов. Эти мирные существа совсем меня не боялись, особенно в сумерках, когда я включала свет и к лампе устремлялось множество насекомых. Тут гекконы устраивали засаду и молниеносно ловили одно насекомое за другим, однако они никогда не подбирались чересчур близко к горячей лампе.

Раз уж я пишу о холоднокровных животных, то надо признаться, что раньше мне было невдомек, какую помощь хищникам оказывают лягушки. Я поняла это, наблюдая за Пиппой. Уже две недели она провела на равнине Ганса, и вот однажды утром мы с ней внимательно прислушивались к хору лягушек — они распевали в нескольких сотнях ярдов вверх по руслу.

Внезапно кваканье оборвалось. Пиппа бросила: «прр-прр», и семейство мгновенно скрылось из глаз. Потом мы нашли свежие следы льва, которые вели к канаве; лев, очевидно, напугал лягушек, а их внезапное молчание предупредило Пиппу об опасности.

Погода наконец улучшилась, и Пиппа отыскивала прекрасное место для встреч под большой терминалией, в миле от Мулики. Когда бы мы ни появились, стоило нам позвать — и гепарды не заставляли себя ждать, особенно если они успели проголодаться. Дважды они не приходили, но оба раза кружащиеся грифы приводили нас к туше только что добытой молодой газели Гранта. И каждый раз Пиппа сидела невдалеке и так долго позволяла малышам возиться с добычей, что я не сомневалась — она хочет, чтобы они научились вспарывать туше брюхо. Сомбе было не до того — она защищала добычу, стараясь

отогнать от нее Тайни, так что оставался один только Биг-Бой. Ему наконец удалось вытащить внутренности. Только после этого Пиппа приняла участие в общей трапезе.

Снова настало рождество. К этому празднику у меня в «кабинете» вывелось уже пятое поколение нитехвостых ласточек, и птенцам как раз пришла пора слетать с гнезда. Эти славные птички доверяли мне безгранично, не обращали ни малейшего внимания на мою постоянную возню прямо под их гнездышком, устроенным на стропилах. В пяти футах от гнезда я прикрепила насест, и теперь родители сидели на нем, приглашая птенчика расстаться с гнездом. Но слеток никак не мог набраться смелости и еле-еле удерживал равновесие на самом краю гнезда; ему было, должно быть, очень страшно, хотя родители старались подбодрить его оживленным щебетом. В конце концов они улетели из хижины, чтобы выманить птенца, и добились своего — он нырнул вниз и спланировал на насест, цепляясь за него, как утопающий за соломинку. Родители в тот же миг прилетели и уселись справа и слева от своего перепуганного дитяти, заливаясь веселым щебетом. И все это происходило в каких-нибудь двух ярдах от моего стола, пока я писала письма. Я очень полюбила это счастливое семейство — они жили рядом с нами уже два года и, очевидно, считали нас совсем безобидными существами.

Дождавшись успешного завершения этого эксперимента, я занялась новогодней елкой. Я нашла маленькое деревце баланитеса и развесила на его длинных шипах набор елочных украшений, который собрала за многолетнюю жизнь в зарослях; все игрушки присланы друзьями с разных концов света, так что это была поистине интернациональная коллекция.

Праздничный наряд довершила золотая мишура, и деревце выглядело хоть куда. В этом году у меня к

празднику был припасен сюрприз для наших работников — новогодняя песенка «Мирная ночь, святая ночь» на языке суахили. Эту запись мне подарили в австрийском посольстве, перевод был сделан для африканцев в честь столетия со дня создания этой знаменитой австрийской новогодней песенки. И вот, когда я зажгла свечи и раздала всем обычные подарки — сигареты, сласти и деньги, — мы поставили пластинку на проигрыватель, который Джордж преподнес мне к Новому году. Меня глубоко тронули эти минуты — я видела, как мои помощники слушают, а глаза их раскрываются все шире и наполняются мягким светом, потому что музыка находила отклик в их сердцах. Как много значило для меня, уроженки Австрии, это впечатление, произведенное музыкой на трех простых африканцев, не видевших ничего, кроме родных зарослей.

Впервые за много лет мы с Джорджем проводили рождественский вечер вдвоем, и когда свечи догорели, мы остались сидеть в темноте, глядя на мириады сверкающих звезд и слушая полную смысла тишину, окружавшую нас. Я подумала о людях, встречающих рождество в совершенно иных условиях — там, где неоновые огни и вспышки фейерверка озаряют темноту ночи, а громкоговорители не смолкая вопят новогодние песенки одну за другой, стараясь перекричать грохот уличного движения. Я думала о множестве проблем, над которыми приходится ломать голову нам, людям, с тех пор, как мы стали жить по собственным, чисто человеческим законам.

Как разительно отличаются они от первозданной естественной системы ценностей, сложившейся в процессе эволюции природы за миллионы лет!

Как же обитателю города, запертому в комнатах с кондиционированным воздухом, в бетонном лабиринте небоскребов, где чистый воздух и спокойствие стали

недоступной роскошью, как ему понять законы экологии, основанные на сотрудничестве и взаимопомощи всего живого на Земле? Ведь чувство уверенности он черпает из своего банковского счета, претендует на положение в обществе в зависимости от материальной обеспеченности, изобретает все новые синтетические лекарства и заменители пищи. Способен ли он постигнуть те вечные законы природы, которые поддерживают жизнь на нашей планете так долго, что мы и представить себе не можем? Может ли человек, непомерно раздувающий свое «я», человек, который устремил все силы своего интеллекта на уничтожение, может ли он понять, что все мы — только ничтожная часть «живой материи» и тоже входим в систему природного равновесия?

Чем дольше я живу рядом с дикими животными, тем больше убеждаюсь, как много мы можем перенять у них, точнее, как необходимо нам учиться у них, если мы хотим выжить. Нам нужно знать, как они решают проблемы территориальной принадлежности; как варьируют свое питание (в природе различные предпочтения и вкусы в выборе пищи обеспечивают возобновление растительности и сохраняют плодородие почв); как решают проблему регулирования рождаемости (ни львицы, ни самки гепарда не спариваются, пока дети нуждаются в их помощи); как воспитывают своих детей, не подавляя их своей властью, и как находят средства общения, позволяющие им лучше понять друг друга, не прибегая к насилию.

Негромкий рык льва вывел меня из задумчивости и напомнил о собственных проблемах. Одна из них: как пробудить живой интерес к охране дикой природы? Многие важные проекты удалось осуществить Фонду помощи диким животным в Англии, Фонду Эльсы, основанному в 1961 г. Но это общество существовало в

основном на гонорары, которые я получала за книги и кинофильмы, и я знала, что необходимо найти другие источники средств, когда мои заработки иссякнут. Поэтому я основала Фонд помощи диким животным и в США — не только с материальной целью. Я надеялась, что мы сможем воспитать молодое поколение, которое примет горячее участие в работе по охране природы. И та и другая организации были благотворительными и, таким образом, освобождались от налогов.

А теперь мы поставили перед собой другую цель: сделать так, чтобы африканская молодежь вступила в ряды защитников диких животных, ведь именно их помощь в этом деле важнее всего. Этот план мы начали проводить в жизнь семь месяцев назад, незадолго до того, как у Пиппы родились ее теперешние детеныши. Я решила воспользоваться временем, пока она беременна — после появления малышей мне придется быть при ней неотлучно, чтобы подкармливать ее, — и вместе с одним из своих друзей поехала в заповедник Самбуру. Там мы встретились с группой африканских студентов, которые получили премии за лучшие сочинения о живой природе; бесплатная поездка в заповедник и была им наградой. По просьбе директора я провела дружескую беседу с этой группой, и все они выразили желание организовать Клуб охраны природы для африканцев.

Потом студенты приезжали в мой лагерь со своими преподавателями, чтобы обсудить дальнейшие действия. В результате был проведен трехдневный семинар, а вслед за этим получено согласие правительства поддерживать создание клубов охраны природы по всей Кении, а такие организации, как Африканский фонд охраны природы, Восточноафриканское общество охраны природы и Фонд Эльсы, должны были нести необходимые расходы. Мы с огромной радостью согласились помогать в этом добром начинании, тем более что инициатива здесь

целиком исходила от африканцев, которые хотели привлечь и школы, и молодежные организации к делу охраны диких животных. Нам оставалось только убедиться, что их энтузиазм не остыл.

Все это было прекрасно, но меня ждал мой неотложный долг: узнать как можно больше о диких животных, ведь мне представилась единственная в своем роде возможность.

На другой день мы отыскиали гепардов возле Пятой мили. Моросил мелкий дождик. Пиппа была очень беспокойна и все время вытягивала шею, стараясь разглядеть что-то за высокой травой. К сожалению, на размытой дождем земле было невозможно разобрать следы, и нам не удалось узнать, что ее так взволновало. На следующее утро она опять не находила себе места и, едва успев проглотить мясо, увела детей далеко от нас, на равнину. Немного погодя на дороге нам попался след двух львов.

Внезапно у меня появилось необъяснимое чувство, что на нас кто-то смотрит, и почти в ту же секунду Локаль схватил меня за плечо и шепнул, что львы затаились в кустах у самой дороги. Как только мы остановились, львы поднялись и уставились на нас. Я узнала Боя и Сасву — двух львов из прайда Джорджа. Они повернулись и не торопясь пошли в сторону, противоположную той, куда ушла Пиппа. Должно быть, им стало нелегко охотиться в такой сырости около болота Мугвонго, хотя они и прожили там два года, и они решили отправиться на поиски новых охотничьих угодий. Из-за львов нам стало очень трудно разыскивать Пиппу — они отлично знали мой особый сигнал, потому что я так же сигналила, сообщая Джорджу о своем прибытии, и, кроме того, они могли почуять запах мяса, которое мы несли гепардам, и пойти следом за нами.

Вернувшись в лагерь, мы узнали, что к нам заходил Угас; хорошо еще, что своих спутников — дикого льва и львицу — он оставил ждать поблизости, пока сам обследовал наши хижины.

Теперь-то я вполне поняла беспокойство, мучавшее Пиппу: она оказалась в окружении множества львов, но вся местность кругом превратилась в сплошное болото, и деваться ей было некуда, приходилось оставаться на том небольшом участке, где мы видели ее в последний раз.

Бедная Пиппа! На следующее утро она опять была на прежнем месте, и ее все так же терзала тревога — ясно, что львы еще рыскали вокруг.

Покормив наше семейство, мы проводили гепардов к невысокому термитнику — оттуда им было удобно осматривать местность, зато и сами они оставались на виду. Потом мы отправились домой, но не успели отойти и на сто ярдов, как из высокой травы не больше чем в десяти ярдах от нас показалась голова льва. От страха я застыла на месте, но тут же узнала Угаса. Он посмотрел на меня своим единственным глазом (незадолго до этого ему удалили поврежденный глаз), как будто ничего особенного не произошло — почему бы нам и не повстречаться в этих местах? — и через несколько минут снова скрылся в траве. Только теперь я почувствовала, что сердце у меня опять начинает биться. Ведь мы совершенно точно знали, в каком месте прячется Угас, и все же не смогли заметить ни малейшего признака, который указывал бы на присутствие такого крупного животного.

Уповая на то, что он достаточно сыт и не станет интересоваться молодыми гепардами, мы увели все семейство ярдов на пятьдесят в сторону — дальше они не пошли. Наутро весь заповедник утопал в густом тумане, мы ничего не видели дальше нескольких ярдов. Такого тумана я не припомню за все десять лет,

проведенных в заповеднике. Оставалось только надеяться, что с Пиппой ничего не случится. Как я испугалась, увидев следы гепардов, перепутанные с львиными следами, на дороге к Канаве Ганса! Но возле сухого русла мы нашли все семейство в целости и сохранности. Они устроились на термитнике у дороги. Здесь рабочие недавно выкопали две глубокие осушительные канавы. Обе канавы соединяла бетонная труба, проложенная на глубине трех футов поперек дороги. Как только туман рассеялся, молодые гепарды сообразили, что труба — замечательное место для игр. Они гонялись друг за другом по длинному туннелю: один затаится в засаде на дальнем конце, а другой выскочит из темного отверстия или вдруг спрыгнет на противника сверху — не игра, а сплошное удовольствие! Меня это новое развлечение несколько удивило — совсем не в натуре гепардов забывать об опасности, они всегда оставляют свободным путь для отступления. Но, может быть, малыши вели себя так беззаботно потому, что знали: Пиппа здесь, рядом, она внимательно следит за любой опасностью и длинная дренажная труба не превратится для них в западню.

Потом игра в кошки-мышки им наскучила, и они перешли на кучи гравия, рассыпанные вдоль дороги. Не так-то просто было взбираться на сыпучий гравий, и малыши то и дело скатывались вниз, не успевая добраться до вершины. Но как только кто-нибудь становился «властелином горы гравия», он яростно защищал свои позиции, если соперники дерзали подкапываться под него или тянуть его вниз за хвост. А как здорово было играть в прятки среди этих искусственных гор — даже Пиппа вступила в игру! И я с огромным удовольствием смотрела, как гепарды носятся сломя голову и с невероятной скоростью лавируют среди куч.

Наконец все они в полном изнеможении, запыхавшись, бросились на землю под большой терминалией — дерево удивительно удобно росло почти на самой дороге: оно не только давало густую тень, но и могло служить отличной сторожевой вышкой, если забраться на нижние ветки. Я села рядом с Пиппой и, глядя шелковистую шерсть, слушала ее мурлыканье.

Немного погодя и мне захотелось подремать; я положила голову на удобное местечко — сразу за передней лапой Пиппы — и уснула, чувствуя, как дыхание ритмично опускает и приподнимает ее бок.

Нашему семейству так полюбилось это место, что они пробыли там много дней, пока не возобновились дорожные работы. Тогда они ушли на милю дальше, к дереву, на котором был огромный пологий сук. Мне представилась блестящая возможность поснимать гепардов, позирующих на фоне неба, или их сражения за самое удобное место. С тех пор мы так и звали это дерево Фотодеревом, и на несколько недель оно стало нашим излюбленным местом встреч. Мне только что прислали портативный магнитофон Норелко (Филипс), и я носила его с собой вместе с лейкой, кинокамерой Болекс и биноклем. Микрофон можно было поднести к гепардам на близкое расстояние — это их не беспокоило, и мне удалось сделать очень хорошие записи различных звуков и всех оттенков «чириканья». Но кое-что записать не удалось, в том числе «уа-уа-уа», которое Сомба иногда издавала, защищая свою пищу. В последнее время она стала очень неуравновешенной, и я не знала, чего от нее ждать: только что она удивляла меня своей приветливостью, и тут же, без малейшего повода, настроение у нее резко менялось.

Ежедневно разыскивая гепардов, мы иногда встречали семейство страусов. Страусята вылупились три месяца назад. Сначала их было тринадцать, теперь в живых осталось только пять. Крохотные страусята

были легкой добычей, и я своими глазами видела, как орел спикировал и схватил одного страусенка, прежде чем родители успели опомниться. (Пиппа не могла справиться со взрослым страусом, но в свое время добыла несколько страусят.) В тот день, когда детям Пиппы исполнилось двадцать четыре недели и пять дней, я выдавила из ее сосков последние капли молока. А ведь после второго окота молоко у нее пропало через четырнадцать недель. Я сравнила эти сроки: очевидно, более продолжительный период лактации связан с тем, что я давала ей ежедневно определенную дозу кальция, пока она кормила теперешних малышей.

До сих пор я неукоснительно соблюдала принятое мной правило: не разрешать чужим людям приближаться к гепардам, как бы одиноко мне ни было порой, как бы ни хотелось повидаться с людьми. Бывало очень досадно, когда машины с туристами объезжали мой лагерь — повсюду уже прошел слух, что я всех отваживаю. По характеру я вовсе не отшельница, и мне подчас было очень нелегко оставаться верной своим принципам, но все же они себя оправдали: мои гепарды были гораздо осторожнее, чем дикие гепарды в других национальных парках — те часто даже вскакивали в машины. Разумеется, я не могла запретить посетителям останавливаться и наблюдать за гепардами из машины, если уж им удавалось отыскать их в зарослях, — в конце концов, они приезжают сюда посмотреть на животных.

Но совсем другое дело, если бы я сама знакомила гепардов с чужими людьми, в этом случае они с моей легкой руки могли бы принять чужих в нашу большую семью. До тех пор пока эта привилегия сохранялась только за мной, Локалем и Стенли, ничто не угрожало гепардам — когда мы расстанемся с ними, их дикие инстинкты сохранятся в полной неприкосновенности.

Но теперь я была вынуждена трижды за две недели нарушить собственное правило. Прежде всего в заповедник приехал Френк Мино — он в сущности помог мне «удочерить» Пиппу. Френк не видел ее с тех пор, как появились первые малыши, так что я взяла его с собой посмотреть на гепардов; правда, он следил за ними, не выходя из машины. Так же поступила и У. Перси, которая всегда живо интересовалась и Эльсой и Пиппой с тех самых пор, как они вошли в мою жизнь. И наконец, мой издатель, Билли Коллинз, захотел взглянуть на всю семью за несколько месяцев до выхода в свет книги «Пятнистый сфинкс». И хотя мои друзья изо всех сил старались не беспокоить наше семейство, я-то прекрасно знала, что с их присутствием гепарды мирятся только благодаря моему посредничеству. 18 января я получила письмо от директора национальных парков Кении: мне предлагали двух маленьких леопардов, чтобы я приучила их к жизни на свободе в заповеднике Меру. Директор знал, что мне очень хотелось изучить леопардов и сравнить их со львами и гепардами. Я тут же с восторгом согласилась — я подумала, что Пиппа с ее теперешним выводком все равно будет по-прежнему держаться в стороне от нашего лагеря, и леопардов можно будет до поры до времени держать в вольере Уайти.

Несчастный случай и его последствия

22 января я выехала в Найроби в сопровождении Джона Баксендейла — он помогал Джорджу в работе со львами. Я в своем новом шестицилиндровом лендровере ехала впереди, в кузове у меня сидел один из рабочих Джорджа. Мы были уже на полпути в Найроби, когда дорога, недавно засыпанная гравием, пошла вверх по крутому длинному склону холма, а далеко внизу текла река. За поворотом я вдруг увидела, что прямо по середине дороги, в нескольких сотнях ярдов впереди, идут два африканца. Я сразу же стала сигналить, и у них было достаточно времени, чтобы отойти в сторону, но они как ни в чем не бывало шествовали вперед, взявшись за руки, и мне, чтобы не сбить их, оставался только один выход — свернуть к самой обочине дороги над обрывом. Гравий с краю еще не слежался, машина пошла юзом и налетела на километровый столб. Больше я ничего не помню — я пришла в себя на середине откоса в куче битого стекла, а в нескольких метрах валялась разбитая машина. Моей первой мыслью, было: что же случилось с нашим африканским помощником? Когда я окликнула его, он выбрался из машины — слава богу, отделался одной-единственной царапиной на лбу. Надо сказать, что ему сказочно повезло — машину так развернуло, что она теперь стояла задом наперед; наверное, она перекувырнулась, падая с откоса. И еще больше нам повезло, что машина застряла в кустах на середине откоса, иначе мы свалились бы прямо в речку, а она была далеко внизу. Я решила встать, но это оказалось не так-то просто: как только я пошевелинулась, меня всю с ног до головы пронзила

боль, а правая рука была покрыта сплошным месивом из крови и грязи. С помощью африканца я выбралась наверх, к дороге — до нее было восемьдесят ярдов — и села на землю. Кровь из моей руки хлестала так, что я могла вынести боль только подняв руку вверх. Через некоторое время показался автобус, в котором среди других африканцев ехал местный вождь. Добрый человек залил мне руку йодом из своей аптечки первой помощи. Я совершенно не почувствовала обычного в таких случаях жжения. Надо было готовиться к худшему. Вождь предложил доставить нас в ближайшую больницу. Когда мне помогали сесть в машину, нас нагнал Джон Баксендейл. Он моментально разобрался в том, что случилось, и тут же договорился, что вождь организует охрану нашей машины, пока полиция не займется расследованием этого происшествия. Потом он повез нас в районное управление, в Эмбу — это было в восьмидесяти милях по дороге в Найроби. Я была глубоко благодарна Джону за то, что он с величайшей осторожностью объезжал все выбоины на скверной дороге и в то же время старался ехать как можно быстрее — я никак не могла остановить кровотечение, и с моей руки натекали целые лужи крови.

В африканской больнице в Эмбу мне сделали перевязку, инъекцию от столбняка, дали несколько обезболивающих таблеток и одеяло — надо было согреться, у меня зуб на зуб не попадал от пережитого потрясения. Врач сказал, что мой африканский пассажир получил только несколько царапин и завтра же сможет вернуться домой. Мы оставили ему денег на еду и на обратный билет и поехали дальше, в Найроби, — нам оставалось проехать еще восемьдесят миль. К больнице мы подъехали в девять часов вечера — прошло уже шесть часов с тех пор, как случилось несчастье, и мне стало совсем плохо. Но мне повезло:

мой старый друг, хирург Джеральд Невилл, был поблизости и немедленно приступил к операции; она продолжалась три часа. Хотя тело у меня превратилось в сплошной синяк, расцвеченный всеми цветами радуги, но серьезно была повреждена только правая рука.

С тыльной стороны была содрана кожа, сухожилия порваны, а кости смещены примерно на сантиметр.

Сейчас можно было сделать только одно — натянуть на рану лоскут кожи. Когда же лоскут приживется, придется пересаживать новые сухожилия из моей ноги в руку — значит, примерно через полгода мне предстоит следующая операция. За месяц, который я провела в больнице, у меня хватило времени подумать о том, как мне повезло, что я вышла живой из этой катастрофы. И эта мысль утешала меня каждый раз, когда на меня нападала хандра, — ведь я знала, что пройдет не меньше двух лет и понадобится не одна операция, прежде чем я снова смогу пользоваться правой рукой, если вообще смогу...

Теперь, конечно, и думать было нечего о том, чтобы брать к себе двух маленьких леопардов (через несколько месяцев они станут слишком взрослыми для выпуска на свободу). Самая моя неотложная задача — найти кого-нибудь, кто помог бы кормить гепардов, да и мне понадобится помощь в самых простых делах, я не смогу сама ни одеться, ни умыться, ни нарезать еду, и со многими другими делами мне уже не справиться в одиночку. На мое счастье, в это время в Кению приехала молодая американка Мери, которая срочно искала работу. Больше всего ей хотелось работать с животными и жить в зарослях; это было как раз то, что мне нужно, и вдобавок она уже умела печатать на машинке и водить автомобиль. Так что мы выхлопотали ей разрешение поступить на работу — учитывая все обстоятельства, ей пошли навстречу, хотя она и не была гражданкой Кении.

Все это время Джордж и Джон по очереди возили Локаля и Стенли к нашим гепардам — они держались далеко от лагеря, возле Фотодерева.

Постепенно они переместились поближе и перешли к Охотничьей акации, в полумиле от нас, за рекой. Пиппа никогда еще не подходила так близко к нашему лагерю с теперешними детьми, хотя с Мбили, Уайти и Тату она часто бывала возле Охотничьей акации. Это было очень удобное дерево — гепарды отдыхали и ели в его густой тени, скрытые от грифов, которые могли бы выдать их присутствие другим хищникам. Кроме того, с нижних ветвей можно было отлично осматривать всю окружающую местность, так что гепарды легко замечали машины, подъезжающие к моему лагерю, и могли держаться подальше от чужих людей.

Пиппу с семьей наши помощники видели каждый день — за одним только исключением, — поэтому они были уверены, что, пока меня не было, она ни разу не убивала добычу.

Когда я с Мери вернулась — это было 22 февраля, ровно через месяц после происшествия, — Пиппа с утра увела детей к дороге примерно в миле от лагеря. Следующие дни она уходила все дальше, пока не отыскала недавно вырытый карьер, из которого брали гравий, возле Васоронги, в пяти милях вверх по течению. Директор заповедника решил перевести Управление заповедника из Скалы Леопарда в эти места, и гравий понадобился ему, чтобы засыпать строительную площадку. Дорожные работы были на время прекращены, и наши гепарды стали Властелинами Большой Ямы. Она оказалась волшебной страной для игр — сколько там было разных насыпей и закоулков!

Я не знала, как гепарды отнесутся к Мери. Она вела машину, и мы решили, что она не будет выходить из лендровера, пока они не привыкнут к ее присутствию. А

чтобы облегчить знакомство, мы захватили с собой целую овцу. Я прогудела знакомый сигнал, и гепарды очень скоро явились. Не обращая внимания на белые бинты у меня на руке и на ноге, малыши набросились на тушу, а Пиппа села рядом и смотрела, как они теребят и дергают шкуру, стараясь добраться до мяса. Я села рядом и гладила ее, а она, мурлыкая, лизала мне руку. Как часто я мечтала об этом, лежа в больнице! И теперь я была совершенно счастлива — я знала, что и она тоже радуется нашей встрече. Малыши выглядели отлично, хотя у них уже выпали все молочные зубы. Я разглядела, что постоянные клыки выросли на два миллиметра — малышам уже исполнилось семь месяцев и десять дней. Пока меняются зубы, им ужасно трудно жевать, а тем более вскрывать тушу, и я им очень сочувствовала, видя, как они отчаянно пляшут вокруг туши, непрерывно теребя ее.

Меня очень обрадовало, что, несмотря на мое долгое отсутствие, малыши по-прежнему мне доверяют. Сомба бросилась было на меня, но, услышав решительное «фу!», успокоилась и даже разрешила мне скормить ей из рук немного внутренностей. Биг-Бой в поощрении не нуждался и живо уплел все, от чего отказались остальные. Только Тайни все еще дожидался уговоров и предпочитал лучше остаться без еды, чем ввязываться в драку.

Внезапно вдалеке показались три страуса. Все гепарды тут же вскочили и с рычанием проводили злыми глазами птиц, которые неторопливо шествовали дальше. Гепарды снова начали есть только тогда, когда «поставили часового» наблюдать за страусами, пока те не скрылись из глаз. Вскоре я вздрогнула, услышав ярдах в пятистах от нас шум трактора. К моему удивлению, гепарды и ухом не повели; впрочем, они точно так же никогда не обращали внимания и на самолеты.

Мери все утро просидела в машине, и Пиппа, быстро познакомившись с ней, как будто бы приняла ее в компанию. На следующее утро гепардов нигде не удалось обнаружить. Мне это было даже на руку, потому что мясо у нас кончилось и я могла предложить гепардам только молоко.

Немного позже я повезла троих друзей осматривать парк. По дороге мы еще раз остановились у карьера и увидели гепардов на самом открытом месте — они явно нас поджидали. Мои друзья, разумеется, остались в машине, а я понесла тазик с молоком малышам. От жадности они сунулись к молоку все втроем, столкнувшись головами, и едва не пролили все на землю. Особенно трудно было удерживать тазик одной левой рукой, и мне очень хотелось, чтобы Мери поскорее подружилась с гепардами и помогала бы мне кормить их.

На другой день у меня оказалось для гепардов редкое лакомство — мясо буйвола, отстрелянного для контроля. Я часто задумывалась, отчего гепарды так любят мясо буйволов и зебр — ведь этих животных им почти никогда не удастся убить, разве что самых маленьких. Но они просто обезумели, когда мы дали им мясо, и наелись так, что животы у них чуть не лопались. Особенно поразила меня Сомба — я никак не ожидала, что она способна съесть столько мяса за раз, при этом так яростно вырывая у Пиппы все лакомые кусочки. Главной ее заботой было следить, чтобы никто другой не съел больше, но тем не менее она успела два раза броситься на меня, когда я доливала воду в тазик, и оба раза я остановила ее твердым «фу!». Когда она поняла, что не в силах больше проглотить ни кусочка, она уселась рядом со мной, не спуская с меня глаз. Нас разделяло всего несколько сантиметров, и хотя я рисковала — она могла порвать меня — я все же

выдержала ее долгий испытующий взгляд, в котором, казалось, был вызов: посмотрим, кто из нас главнее!

Я сидела совершенно неподвижно и только смотрела ей прямо в глаза, и это длилось долго-долго — пока наконец она не успокоилась и не улеглась. Теперь, больше чем когда-либо, я была убеждена в том, что Сомба злится лишь тогда, когда ее подстрекают инстинкты защиты еды или своей территории, а как только она поймет, что на ее права никто не посягает, она становится такой же мирной, как и ее братья. Биг-Боя ничто не могло вывести из равновесия, он был невероятно покладист и уверен в себе. И остальные двое почти никогда не пытались вырвать у него еду, а с Пиппой схватывались то и дело. Но теперь-то все семейство так наелось буйволиного мяса, что никому не хотелось ссориться, оставалось только лежать, отдуваясь, кверху животами.

Я решила, что сейчас самое время представить им Мери, и сделала ей знак, чтобы она подошла. Очень медленно она опустилась на землю рядом со мной, а с другой стороны дремала Пиппа. Я стала гладить Пиппу, и Мери потихоньку присоединилась ко мне, а потом она уже гладила Пиппу одна, без меня. Сомба следила за нами, полуоткрыв глаза, готовая броситься на защиту матери, но увидела, что та совершенно спокойна, и тоже успокоилась. Так мы все мирно проспали полуденную жару. Но вот Пиппа наконец решила, что пора двигаться. Она медленно пошла от нас с Биг-Боем и Тайни, ее набитое брюхо так и раскачивалось на ходу, а Сомба, которая слопала больше, чем все остальные, стала искать, нет ли еще мяса, наткнулась на кусок, слишком большой, чтобы можно было его взять в пасть, вцепилась в него и поволокла прочь. Трудно поверить, но на следующий день она опять проголодалась и, когда я давала мясо другим, ходила за мной по пятам, чтобы проверить, не обошли ли ее при дележе. А

вообще она стала очень приветливой и ни разу не пыталась на меня броситься — наверное, теперь она считала, что я главнее. Бедняга Тайни был не в своей тарелке. Он сидел с ужасно отвисшим брюхом и отказывался от еды, которую я ему протягивала, предпочитая есть траву.

Должно быть, Тайни просто перехватил буйволиного мяса, и этим объяснялось его неважное самочувствие — на другой день все снова было в порядке.

Вряд ли какой-нибудь другой матери приходилось воспитывать троих детей, которые бы сильнее различались по характеру и внешне, чем дети Пиппы, и я с каждым днем все больше поражалась, как это она умеет ладить с каждым из них, не раздувая соперничества и никого не подавляя. В течение нескольких дней она понемногу переходила к Фотодереву; там мы и обнаружили наших гепардов на следующее утро.

Должно быть, у Биг-Боя и Тайни болезненно резались зубы — они грызли кору и чесали их о разные палочки, пока Сомба, не теряя времени, расправлялась с принесенным нами мясом. Потом я фотографировала Тайни и Пиппу, когда они сидели на большом суку. Вдруг Тайни как-то странно зарычал — и все молодые в мгновение ока бросились спасаться от дрофы кори, которую Тайни приметил издалека. Пиппа тоже видела эту большую птицу, но и не подумала тронуться с места; успокоенные этим малыши вернулись обратно и снова принялись за еду.

Уже два дня у меня нарывали пальцы на ноге — их оперировали еще в больнице. Ходить я не могла, и поэтому Мери с помощниками отправились к гепардам без меня, и снова встретили их у Фотодерева. Потом они рассказывали, что во время еды Тайни опять поднял тревогу и все гепарды отбежали ярдов на пятьдесят; там они остановились и смотрели, как с другой стороны

к ним подходит Мбили. Когда Мбили подошла к нашей машине ярдов на сто, она стала пользоваться ею как прикрытием, но добилась только того, что все семейство сбежало и больше их никто не видел. Локаль, которому я дала строгие указания никогда не кормить никого из прежних детей Пиппы, разве что в случае болезни, собрал остатки мяса и привез их обратно. Мне не верилось, что на этот раз Пиппа признала себя побежденной (Фотодерево было в глубине территории Мбили, а почва в окрестностях уже достаточно просохла и Пиппе было куда уйти).

После обеда ко мне в лагерь приехала группа посетителей, и среди них оказался доктор. Я решила спросить его, как быть с моими пальцами, и он сказал, чтобы я как можно скорее отправлялась в больницу. На мое счастье, на завтра директор должен был лететь в Найроби и захватил меня, избавив от девятичасовой поездки в машине; но на этом мое везение и кончилось: в больнице меня продержали две недели.

Мери в мое отсутствие вела дневник, и в нем было записано, что гепарды оставались под Фотодеревом еще десять дней. Они позволяли ей держать тазик с молоком и все разом совали туда головы, но прошла неделя, прежде чем они стали друзьями. Пиппа первая подошла к Мери и легла у ее ног, а когда Мери стала ее гладить, она громко замурлыкала.

Сомба тем временем была поглощена «охотой» на Стенли, стараясь отвоевать у него пустую корзину из-под мяса; она вцепилась в корзину зубами, и некоторое время они тащили ее в разные стороны — кто кого перетянет. Наконец Сомба спасовала и тоже отправилась к Мери; внимательно осмотрев ее и обнюхав руки, она устроилась рядом. Тогда и Тайни решил познакомиться с Мери поближе. Кстати, он сразу же сообразил, что раз меня нет, то некому подносить ему кусочки, и стал свирепо сражаться с каждым, кто

осмеливался посягнуть на его мясо, и так научился защищать свою долю, что заставил даже Сомбу уважать себя.

Как-то утром Пиппа пришла к Фотодереву одна; немного погодя она позвала малышей низким стонущим звуком, но, не дождавшись ответа, повела Мери и африканцев к Мулике — на расстояние около полумили; по дороге она еще два раза взбиралась на деревья и звала детей; дети наконец нашлись на той стороне речушки. Тогда все вернулись обратно к мясу, которое было на всякий случай заперто в машине.

Десять дней подряд все шло отлично. Но вот однажды утром Мери приехала в лендровере к Фотодереву. Не успел Локаль выйти из машины, как навстречу ему из травы поднялись две львицы, которые тотчас убежали. Стоит ли говорить, что наше семейство скрылось из этих мест и не давало о себе знать целых пять дней.

Малыши подрастают

Когда я вернулась, гепардов все еще не было, но меня встретило известие, что несколько дней назад — это случилось девятого марта — Бой напал на сынишку директора. Бой — это один из львов Джорджа: и он, и его сестра Гэрл играли главные роли в фильме «Рожденная свободной».

Когда съемки закончились, владельцы подарили этих львов Джорджу, чтобы он приучил их к жизни на свободе. Позднее к ним присоединился Угас, а затем еще четыре львенка — лев и три львицы. Несмотря на разницу в возрасте и воспитании, они составили один прайд, только Бой и Гэрл никогда не расставались, и недавно у них родилось двое львят. Оба они с детства привыкли к людям и были самыми ручными из всего прайда.

Этот случай произошел всего в нескольких сотнях ярдов от Фотодерева. Джон Баксендейл встретил Боя на дороге и решил доставить его в лагерь Джорджа, до которого было двенадцать миль. Поэтому он разрешил Бою вспрыгнуть на крышу лендровера и поехал дальше. Тут навстречу им попался директор, он ехал в своей открытой машине с женой и двумя детишками, все они сидели рядом с ним на переднем сиденье.

Директор остановился в нескольких футах от машины Джона и вышел, чтобы поговорить с ним. Пока они разговаривали, Бой спрыгнул с крыши лендровера и стал неторопливо подходить к машине, где сидели дети и жена директора. Директор подумал, что Бой хочет вскочить в его машину, быстро сел за руль и включил мотор, собираясь отъехать. Но Бой уже был возле машины; мгновенно он поднялся на задние лапы, навалился на директора и схватил за руку

четырехлетнего мальчугана, который сидел между отцом и матерью. В эту минуту машина рванулась вперед и потащила за собой Боя, так он и шел на задних лапах, пока не выпустил из пасти руку малыша. Директор все время бил Боя кулаком, а мать крепко держала ребенка, прижимая к себе и маленькую дочку, сидевшую у нее на коленях.

Бой от начала до конца не проявил ни малейшей злобности, а он обязательно разозлился бы, если бы у него отнимали законную добычу, то есть если бы он считал ребенка своей добычей. И хотя Бой глубоко прокусил малышу предплечье, оказалось, что не разорвана ни одна мышца, не раздроблена ни одна косточка. Все это произошло в субботу вечером, а потому невозможно было достать самолет, чтобы доставить мальчика в Найроби. Пришлось отвезти его в больницу миссии — всего в часе езды от холма Джомбени, и там ему зашили и перевязали раны. Этого как раз и не следовало делать — раны, нанесенные хищниками, никогда не нужно завязывать, их всегда оставляют открытыми на случай нагноения. Наутро рука у малыша воспалилась, и доктор, прилетевший из Найроби, начал с того, что снова открыл раны. У всех у нас камень с души свалился, когда мальчик, пробыв шесть недель в больнице в Найроби, вернулся совершенно здоровым.

Этот случай привлек внимание прессы и вызвал горячие споры.

Правительство разрешило оставить Боя в заповеднике Меру при условии, если Джордж отныне не будет показывать своих львов посетителям и перестанет их подкармливать. К счастью, они уже стали вполне самостоятельными.

Примерно в это же время была составлена подробная программа действий и для меня: в ней было указано, какую работу с гепардами мне разрешают

проводить. Мы уже давно договорились с руководством, что я закончу свою работу к концу текущего года. Теперь в дополнение к этому соглашению я должна была убрать коз из Кенмер-Лоджа за пределы парка и постепенно уменьшать подкормку гепардов, а к 1 декабря совсем прекратить кормление.

Когда мы с Джорджем приступили к выпуску наших зверей на свободу — это было четыре года назад, — мы решили, что расстояния в двенадцать миль между нашими лагерями вполне достаточно, чтобы львы и гепарды не заходили на чужую территорию. Но в последнее время львы стали все чаще вторгаться во владения Пиппы и, конечно, мешали ей свободно передвигаться. Так что для меня было полнейшей неожиданностью, когда семейство в один прекрасный день явилось прямо ко мне в лагерь — впервые за все восемь месяцев жизни малышей. Они ужасно нервничали и подозрительно приглядывались к каждому движению моих помощников, хотя те и ушли в дальний конец лагеря. Я положила мясо с другой стороны, рядом с моей спальней и недалеко от дерева-мостика, чтобы семейство могло незаметно скрыться, если ко мне пожалуют гости. Малыши похудели, но были не так уж голодны — должно быть, Пиппа за эти пять дней хоть раз, но удачно поохотилась. Я стала обирать с нее клещей и гладить ее, а она ласково мурлыкала и лизала мою руку. Наверное, малыши, увидев это, почувствовали себя в безопасности, потому что вскоре принялись за еду. К сожалению, у нас не хватило мяса, чтобы накормить их досыта, да и то, что было, уже порядком подпортилось. Так что немного спустя Пиппа перевела детей по дереву-мостику на другую сторону реки, в равнины Гамбо, и вернулись они только на закате.

Тем временем мы привезли из Кенмера козью тушу, и гепарды с жадностью на нее набросились. Пока они

ели, я села поближе, охраняя семейство от хищников, которые могли оказаться поблизости. Кругом стояла тишина, нарушаемая только ритмическим стрекотанием сверчков и цикад — их стройный хор всегда начинает звучать с наступлением сумерек — да чавканьем гепардов. Гепарды, без сомнения, слышат гораздо больше разнообразных звуков, чем мы, люди, и они напряженно вслушивались в вечернюю тишину; наконец, уже после восьми часов вечера, они ушли за речку. А немного погодя мы услышали поблизости рычание двух львов.

Должно, быть, при таких обстоятельствах Пиппа считала наш лагерь самым безопасным местом, потому что на другой день после обеда пришла снова. Когда гепарды уже начали есть, подъехал Джон Баксендейл. Я тут же послала Мери остановить его, но малыши уже убежали по дереву на тот берег и решились вернуться обратно, только когда Пиппа позвала: «прр-прр».

Еще два дня семейство продолжало приходить в лагерь; малыши были напуганы и издерганы — такими я их еще не видела, — и меня несколько не удивило, что Пиппа в конце концов увела их на равнину Мулики. После недавних дождей трава там поднялась слишком высоко, и, чтобы избежать опасности или высмотреть добычу, Пиппе приходилось почти все время проводить на деревьях. Однажды она сидела на одном суку с большим коршуном, который все утро не трогался с места, надеясь поживиться остатками мяса, и не обращал на нашу возню внизу никакого внимания, Пиппа же его совершенно не замечала.

Однажды за мясом явились только малыши, а Пиппа осталась в стороне, ярдах в трехстах. Я отнесла ей немного еды и стала гладить ее, но так и не смогла заставить хоть что-нибудь съесть или выпить. Она все время не сводила глаз с равнины, а потом ушла, принюхиваясь к ветру. Я послала Локаля разведать, в

чем дело, но он не нашел ничего такого, что могло бы ее встревожить. Как только малыши обнаружили, что остались одни, они ужасно разволновались. Особенно встревожен был Биг-Бой, и я впервые услышала от него тот же негромкий стонущий зов, который всегда издавала Пиппа, когда волновалась за своих детей. Пока Биг-Бой и Тайни, принюхиваясь, шли в ту сторону, куда скрылась Пиппа, Сомба схватила в зубы самый большой кусок мяса, какой могла утащить, и только тогда рысцой побежала за ними.

Малыши росли как на дрожжах, и нам было нелегко доставать коз, чтобы накормить их досыта — аппетит у них рос с той же скоростью. До сих пор за стадом в Кенмер-Лодже присматривал мальчик, да еще там жили два сторожа с семьями. Но за последнее время дом так обветшал, что было решено оставить его, и сторожей отозвали. Было бы нехорошо оставлять мальчишку в одиночестве, я тут же наняла старика, которому уже случалось охранять стада с копьем в руках. Когда он приехал и привез жену, я объяснила ему, что он должен немедленно сообщать мне о нападении на коз любого хищника и по возможности представлять нам в доказательство следы животных или остатки жертвы. Несколько дней все шло хорошо, но вот однажды утром пастух доложил, что вечером лев утащил козу, однако ночью шел дождь, и поэтому ни выследить льва, ни найти остатки добычи не удалось.

Через три дня пастух сообщил, что два льва утащили двух коз, как только он выпустил их с утра попасись. Все козы разбежались и запутались в траве, а собрать их он не может — боится, что львы еще близко. Я поехала за Джорджем, и он до самой темноты осматривал местность, но ни следов разбежавшихся коз, ни следов львов не обнаружил.

Нужно было срочно раздобывать мясо для гепардов, и на следующее утро я поехала в Кенмер за новой

козой. Козы все еще сидели взаперти в давно не чищенном сарае, а пастух мирно спал. Наполовину проснувшись, он стал убирать грязь, а я пошла с его женой в хижину, стоявшую неподалеку. В хижине я увидела три козьих шкуры, распяленные на земле для просушки, котел, полный вареного мяса, и половину козьей туши, подвешенную про запас. Нетрудно догадаться, почему Джордж не сумел отыскать остатков львиной трапезы, не говоря уже о следах самих львов!

Как не понять праведного гнева этого человека, когда он узнал, что получает расчет, что ему придется распрощаться с праздной жизнью, — за это неплохо платили, да вдобавок он еще был полновластным хозяином полуразрушенного имения и через день получал даром целую козу, стоило только свалить всю вину на воображаемого льва. Пока я подыскивала пастуха понадежнее, присматривать за козами пришлось Стенли, а тут еще Мери понадобилось уехать на неделю в Найроби, чтобы утрясти какие-то домашние дела, которые накопились с ее приезда в Кению, так что мы опять остались вдвоем с Локалем, опять нам одним пришлось заботиться о гепардах.

Так мы и побрели к ним: я, увешанная камерами, биноклем, магнитофоном и мегафоном, и Локаль с корзиной мяса, бидоном воды и винтовкой; наконец мы нашли их далеко на равнине Мулики. За несколько следующих дней они прошли по большому кругу и вернулись обратно к нашему лагерю. Вот уж этого я меньше всего хотела — не хватало только, чтобы они привыкли к лагерю! Но все хитрости, на которые я пускалась, чтобы отвадить семейство, не помогли — гепарды только перешли через речку и на несколько дней обосновались под Охотничьей акацией.

Однажды мы видели, как Пиппа подкрадывается к стаду из двенадцати водяных козлов. Она едва не

схватила козленка, но мать его отбила, Я со страхом смотрела, как антилопа пытается ударить Пиппу копытами, защищая своего малыша. Ведь взрослый водяной козел весит до четырехсот фунтов, а Пиппа — никак не больше ста двадцати, так что перед нею был действительно серьезный противник.

Поскольку и на этот раз не удалось никого добыть, Пиппа решила на следующее утро прийти в лагерь в сопровождении Сомбы и Тайни. Биг-Боя нигде не было. Пока я кормила мать с детьми, Локаль пошел искать его и увидел далеко за Охотничьей акацией. Как ни старался Локаль подманить к себе Биг-Боя, ему пришлось возвратиться ни с чем. Тогда мы с помощью мяса заманили к Охотничьей акации всех остальных гепардов. Конечно, Биг-Бой видел и всех нас, и корзину с мясом, но не тронулся с места.

Только когда мы в полном составе подошли к нему, он соблаговолил последовать за нами к Охотничьей акации. Это внезапное проявление независимости удивило меня: ему ведь было всего-навсего восемь с половиной месяцев, и в таком раннем возрасте расставаться с матерью, да еще когда хочется есть... А он был ужасно голодный — стоило посмотреть, как он набросился на мясо!

В лагере Сомба вела себя за едой, как хорошая девочка, а тут вдруг снова вспомнила все кровожадные приемы защиты добычи и стала бросаться на меня с такой яростью, что, пока семейство обедало, я не смела пошевелинуться. Но вот наконец даже Сомба не могла проглотить больше ни кусочка мяса и пошла вместе со всеми под колючий куст, который виднелся поблизости, чтобы поспать после сытного обеда. По пути туда Сомба наткнулась на Локаля и Стенли — они преспокойно сидели на траве.

Я сделала им знак, чтобы они сидели, не двигаясь, а Сомба тем временем кружила совсем рядом и нахально

обнюхивала их головы. Да, положение было не из приятных — стоило кому-нибудь из мужчин сделать неверное движение, и это могло плохо кончиться, но они оба смотрели прямо в глаза Сомбе и не проявляли ни малейшего страха, как бы близко она ни подходила. Наконец она, видимо, удовлетворила свое любопытство и отправилась подремать.

К вечеру семейство опять явилось в лагерь. Я протянула малышам тазик с молоком, и Сомбу опять было не узнать — я даже отняла его у нее из-под носа, чтобы молоко досталось и остальным. И вот, как только я наклонилась, чтобы взять корзину с мясом и повесить на дерево, Сомба изо всех сил ударила меня когтями по голове. Просто счастье, что на мне был пробковый шлем, а то она сняла бы с меня скальп. Долго еще она подстерегала каждое наше движение, мы даже не могли покормить гепардов, потому что она тут же бросалась на нас. Наконец она сунула голову в тазик с молоком, а мы воспользовались этой минутой и быстро схватили мясо. Только когда Сомба поняла, что никто не собирается украсть у нее ее долю мяса, она опомнилась. Порой Сомба вела себя, как настоящая маленькая разбойница, но подчас она умиляла нас: стараясь разобраться в своих противоречивых побуждениях, она непременно бросалась на всех, кто осмеливался двигаться, когда она ела мясо на «своей территории», но когда она обедала в лагере, мы не замечали ни малейшего намека на враждебность. Она явно отличала еду на свободе от еды в лагере, и я подумала: наверное, она чувствует, что в жилище людей она не у себя дома. Но какие бы «соображения» на этот счет у нее ни были, мое решение оставалось неизменным: держать семейство подальше от лагеря, чтобы малыши не привыкали к людям, за исключением тех случаев, когда этого никак нельзя избежать.

В последнее время я записала на магнитофон разные звуки, издаваемые гепардами. Большинство из них поразительно походило на чириканье птиц.

Особенно похоже на птичьи крики было металлическое щебетание. Когда я разыскивала гепардов, то нередко ошибалась, принимая птичье чириканье за «щебетание» маленьких гепардов. Я много раз проигрывала гепардам свои записи, но их собственный визг в драке за еду, чириканье или мурлыканье оставляли их совершенно равнодушными; однако сегодня, когда я дала им послушать свирепое рычание, которое записала накануне, они тут же удрали. Почти также реагировала на записи и Эльса со львятами: они не обращали внимания на записи собственных голосов, но как только узнавали рычание своего смертельного врага — Свирепой львицы, мгновенно мчались прочь.

Джордж в это время воспитывал маленькую львицу, брата которой загрыз леопард. Они родились у одной из львиц, выпущенных Джорджем на свободу, и та была образцовой матерью, но после трагедии потеряла всякий интерес к оставшемуся в живых львенку. Джордж встретил маленькую львицу, голодную и неприкаянную; она обязательно погибла бы, если бы он не взял ее к себе. Он назвал львенка Сэнди и поместил у себя в лагере. Сэнди была совсем дикой и необщительной — она встречала в штыки все наши попытки подружиться с ней. Когда к ней подходили, она перебегала из одного укрытия в другое, а когда Джордж протягивал ей еду, встречала его рычанием и шипением. Я старалась как можно чаще выбрать свободную минуту, чтобы помочь ее кормить. Заползая под кровати и под машины, играя с ней в прятки среди баков с бензином, прокрадываясь сквозь кукурузу, посаженную поваром Джорджа возле кухонного навеса, я упорно протягивала ей миску с молоком и кусок мяса.

Постепенно мне удалось завоевать ее доверие — она даже разрешала иногда вытащить у нее одного-другого клеща, но приходилось следить за собой, чтобы не напугать ее излишней фамильярностью. Сэнди радовалась и забывала о страхе только тогда, когда слышала вдалеке львиное рычание или когда в лагерь заходил один из львов Джорджа. Тут она начинала носиться взад-вперед вдоль решетки и звала, звала своих, пытаясь просунуть лапку сквозь решетку, чтобы дотянуться до сородича.

Но было бы недопустимым риском пустить ее в прайд, пока она достаточно не подрастет, чтобы поспевать за взрослыми. Мать, увидев Сэнди за решеткой, не обратила на нее особого внимания, но и враждебности тоже не проявила. Поэтому через несколько недель Джордж решил выпустить Сэнди из вольера в присутствии матери — он надеялся, что они узнают друг друга и снова будут вместе. Как только дверь отворилась, Сэнди со всех ног бросилась к матери, но ее встретили не лаской, а свирепым укусом. Бедный маленький зверь — она уползла и спряталась в густой траве за лагерем, так что Джордж еле-еле отыскал ее и опять привел в вольер. Теперь ей нужно было лечиться не только от укуса, но и от травмы — ведь ее прогнала собственная мать. У меня сердце разрывалось, когда я видела, как она следит за матерью из-за решетки, притихнув, не трогаясь с места — она уже никогда не радовалась, как раньше. Но не подумайте, что Сэнди смирилась с неволей. Вскоре две львицы из прайда Джорджа стали ею интересоваться, и как чудесно было видеть, что эта дружба крепнет день ото дня, невзирая на разделявшую их решетку.

Наконец Сэнди взяла свою судьбу в собственные лапы и совершила побег — к вольной жизни и к своим друзьям.

Это упорное нежелание Сэнди превращаться в ручное существо и то, как относились к моему лагерю дети Пиппы, позволяют мне утверждать, что мы можем спасти от вымирания и львов, и гепардов — надо выращивать молодых животных в естественных условиях до тех пор, пока они не станут взрослыми и у них не появятся дикие детеныши.

А тем временем Сомба стала даже более дикой, чем мне хотелось бы, и однажды выплеснула весь тазик с молоком прямо мне в лицо. Она была полна неистовой злобы, и порой я боялась, что она не совсем нормальна.

Все почему-то думают, что гепарды робки и неопасны по сравнению со львами и леопардами; это верно только отчасти — гепарды никогда не становятся людоедами, но если их разозлить, они очень опасны. Я сама оказалась свидетельницей одного несчастного случая, когда ездила в ущелье Олдувай в Серенгети. Выезжая из ущелья, мы увидели старика-масаи — он поддерживал мальчика, который был весь в крови и едва мог двигаться. С трудом разбирая возбужденный и сбивчивый рассказ старика, мы выслушали довольно жуткую историю. Молодой пастух вдруг увидел, что гепард подкрадывается к одной из его коз. Он бросился защищать своих подопечных и метнул в гепарда копье, но промахнулся и остался безоружным как раз в момент, когда гепард напал на него.

Мальчик вытащил нож и несколько раз ударил гепарда, а тот терзал его все сильнее. Нож застрял в теле зверя, и он бросился бежать, оставляя кровавый след. Услышав крики мальчика, старый масаи кинулся на помощь.

Он успел заметить, как гепард скрылся в глубине зарослей. Мы отвезли мальчика в лагерь Олдувай, там ему промыли и перевязали раны, а потом отправили в больницу. Конечно, мне очень хотелось узнать, что произошло с гепардом, и я поехала обратно. Там уже

собрались несколько масаи — они прочесывали заросли с копьями наперевес и кидали в самую чащу камни, чтобы выгнать гепарда. Люди попросили у меня спичек, чтобы поджечь кустарник, но я сказала им, что не курю и поэтому спичек у меня с собой нет. Впрочем, это их не смутило, и они принялись добывать огонь древним способом — трением палочки о кусок сухого дерева. Пока они были поглощены этим занятием, я обошла густой кустарник кругом и с радостью заметила, что нигде поблизости нет ни одного следа гепарда.

Последнее время Пиппа держалась как-то более отчужденно и проводила вместе со мной ровно столько времени, сколько было нужно, чтобы поесть. До того как появилась Мери, Пиппа всегда старалась выказать мне свою любовь — неожиданно терлась головой и прижималась ко мне, ловила мои ноги, игриво прикусывала руку, а когда она бывала довольна, как она мурлыкала, какими ласковыми глазами смотрела на меня! Что говорить — мы обе знали, что это настоящая дружба. А теперь кругом все время сновали какие-то люди, ни на минуту не оставляя нас в покое, — какие уж тут нежности! Куда бы Пиппа ни повернулась, ей тут же или совали в самую морду микрофон, или нацеливали на нее камеру, или глазели на нее в бинокли.

Как и Эльса, Пиппа терпеть не могла фотографироваться и просто не выносила, чтобы ее рисовали. Казалось, обе они благодаря обостренной чувствительности всегда знали, рассматривают их «субъективно» или «объективно», они понимали, когда я смотрю на них просто так, ради них самих, а когда вижу в них всего-навсего модель, хотя вела я себя всегда совершенно одинаково.

Теперь я с болью заметила, что наши близкие отношения очень пострадали. Конечно, мне пришлось ежедневно брать с собой Мери, но только потому, что я хотела, чтобы они подружились, ведь я знала, что скоро

мне нужно будет уехать в Лондон — предстояла вторая операция, И мне очень хотелось, чтобы к тому времени Мери завоевала полное доверие гепардов и могла бы заботиться о них, пока я не вернусь. Я рассказала Мери, что Пиппа в последнее время стала отдаляться от меня, и мы решили, что теперь Мери будет подходить к гепардам только на время кормления, а потом посидит, почитает в машине. Я же буду оставаться рядом с Пиппой до тех пор, пока не вернется наша прежняя дружба. Я была тронута до глубины души, увидев, как на следующий день Пиппа сразу же заметила, что мы наконец-то остались одни. Наевшись, гепарды ушли подальше от Мери и от моих помощников. Я пошла за ними и легла на землю между Пиппой и малышами, которые мохнатой кучкой улеглись в тени под кустиком. Я погладила Пиппу — и вдруг она прижалась головой к моей голове и замурлыкала так громко, что я почувствовала, как это мурлыканье отдается у нее во всем теле. Я поняла, что путь в ее таинственный мир снова открыт для меня, и дала себе слово, что отныне буду строго охранять наше уединение, чего бы мне это ни стоило.

По-моему, Пиппа разделяла мои чувства — она превратила эти моменты наедине со мной в своего рода ритуал и каждый день всеми правдами и неправдами ухитрялась урвать время на это удовольствие, которое считала своей особой привилегией.

Последнее время семейство не отходило от Фотодерева дальше чем на милю, и Пиппа стала забираться на крышу лендровера, чтобы избавиться от бурной возни своих детей. Они никогда не преследовали ее в этом надежном убежище, но, набегавшись до изнеможения и собираясь передохнуть, они резким металлическим чириканьем звали ее спуститься вниз. Сомба кричала громче всех, и никакие слова не могли бы яснее выразить обиду малышей,

когда Пиппа не обращала внимания на их дружный чирикающий зов.

Как-то утром малыши заметили в траве что-то невероятно интересное.

Видя, как они осторожно подкрадываются, а потом отскакивают, я решила, что это змея. Я схватила палку и (с не меньшей осторожностью) стала подбираться к «змее», как вдруг оказалось, что это всего-навсего монитор. Эта большая безобидная ящерица попала в окружение, и, чтобы отпугнуть маленьких гепардов, ей оставалось только угрожающе раздуваться — она сделалась похожей на маленького дракона, при этом она так била хвостом и так страшно шипела, что даже я перепугалась, а уж я-то прекрасно знала, что это чистейшее представление. Но, должно быть, увидев рядом с гепардами еще и меня, ящерица не выдержала: собравшись с духом, она громко зашипела и молнией пронеслась мимо ошеломленных малышей. Они не погнались за ней, а просто не торопясь ушли с этого места, как будто ничего не произошло.

Потом они подошли к Фотодереву, где уже ждала Пиппа. В этот день Сомба проявила такое дружелюбие, какого мне еще не приходилось видеть, и это несмотря на то, что у нее, как и у Биг-Боя, текла кровь из десен между нижними клыками и коренными зубами. Тайни чувствовал себя неважно и держался в сторонке. Когда Пиппа ласково подтолкнула его, словно приглашая поиграть вместе со всеми, он тихонечко отошел подальше и с безопасного расстояния смотрел на всех большими грустными глазами. Как он напоминал мне Мбили в таком же возрасте, и тревожилась я за него так же, как за нее... Может быть, у малышей просто болезненно резались зубы? Им исполнилось уже девять месяцев, и если судить по предыдущему помету Пиппы, к этому времени у них уже должны были прорезаться постоянные зубы.

Через несколько дней Локаль отыскал гепардов возле Канавы Ганса, там, где пять месяцев назад Мбили капитулировала перед Пиппой. Пиппа решительно завладела теперь территорией своей дочери. Но ведь болота в ее собственных владениях уже просохли и никакой уважительной причины для оккупации территории Мбили у нее не было. Вскоре после этого Локаль заметил Мбили в четырехстах ярдах от Фотодерева — оно тоже находилось в ее владениях. Она подпустила его достаточно близко, и он хорошо рассмотрел ее, но когда стал подходить ближе, она убежала.

Чтобы не спугнуть, он оставил ее в покое и пошел за мной, но когда мы вернулись, Мбили уже не было. По следам мы узнали, что она перешла через дорогу раньше, чем Пиппа с детенышами прошла по ней к Фотодереву, где они ежедневно играли. И теперь они уже поджидали нас там.

Мбили, Уайти и Тату исполнилось уже два года восемь месяцев, и четырнадцать с половиной месяцев минуло с тех пор, как я в последний раз покормила, всех троих вместе. После этого, когда бы я их ни встречала, они выглядели великолепно и все были крупнее матери.

Однажды вечером я нашла в своей спальне птенца птицы-мыши. Он еще не умел летать и, трепыхаясь, неловко прыгал по хижине, как вдруг я увидела, что он опирается на одну лапку — вместо другой осталась только култышка. Я быстро взяла картонную коробку, постелила в нее травки, посадила туда перепуганного птенца и поставила на ночь поближе к себе. Перед рассветом птенец стал кричать. Я тщетно старалась подкормить его хлебными крошками и коноплей, но тут из кустов поблизости раздался крик его матери. Тогда я поднесла Стампи (Култышку) поближе к кустам; слеток неуверенно вспорхнул, полез было в колючий лабиринт,

но тут же потерял равновесие и повис на единственной лапке, беспомощно болтаясь вниз головой. Я пришла на выручку Стампи, и меня поразило, что он принял мою помощь как нечто само собой разумеющееся. Когда я положила птенца обратно на траву, мать уже улетела. Я немного подождала, не вернется ли она, но, как видно, она отказалась от своего птенчика. Тогда я решила попытаться счастья и покормить голодную пичугу бананом — это ей очень понравилось, и она с жадностью хватала кусочки прямо у меня из рук. Вечером птенец снова сидел в картонной коробке возле моей кровати, и я видела, как энергично он расклевывает очередной банан; значит, можно радоваться — по крайней мере Стампи не угрожает голодная смерть. На другое утро он отправился напрямик к кустам, откуда слышался крик его матери. Отныне так и повелось — мать взяла на себя прокорм младенца, а мне предоставлялось спасать его, когда я замечала, что он снова болтается на ветке вниз головой. Так мы вместе заботились о Стампи несколько дней, а на ночь я уносила птенца в дом, но на четвертое утро он на моих глазах взлетел ввысь, на тамариндовое дерево, и прекрасно устроился там, опираясь на одну лапку. Днем, увидев, что он с матерью куда-то летит, я почувствовала себя счастливой: теперь у маленького Стампи достаточно сил, чтобы бороться за жизнь.

Но вовсе не так удачно сошло мое знакомство с крохотными, не больше булавочной головки, насекомыми, которые внезапно напали на мой лагерь.

Они не жалили, не кусались, но покрыли толстым слоем всю растительность вдоль речки и слопали все до последнего листочка, до последней травинки, даже великолепные тамаринды превратились в объеденные скелеты. Когда мы проходили под деревьями, казалось, что идет снег: тли сыпались на голову, застревали в волосах, лезли в глаза, забивались в пишущую машинку

и фотоаппараты и отвратительно пахли, если их раздавишь. И мы, несмотря на привычку постоянно находиться на свежем воздухе, превратились в затворников в своих хижинах из пальмовых стволов; для всех дел нам оставалось только раннее утро и конец дня, когда эти зловонные существа были менее активны. В Кении не так уж часто случаются вспышки размножения этих насекомых, но меня предупреждали, что их нашествие может продлиться и три месяца кряду, если не обработать растения инсектицидами. Мне вовсе не хотелось травить птиц и безобидных насекомых вместе с вредителями, и я решила примириться с этой напастью в надежде, что они утонут после первого же дождя.

Дома у Мери назревал какой-то кризис, и она решила вернуться обратно в Штаты, через несколько дней мы должны были расстаться.

Положение складывалось неважное — ведь и мне пора было собираться в Лондон.

А до тех пор пока не отыщется новый помощник, я решила как можно полнее использовать возможность остаться наедине с гепардами и опять провела с ними целый день. Малышам было уже девять с половиной месяцев, а десны у них все еще кровоточили; очевидно, оттого, что постоянные зубы не прорезались окончательно. Должно быть, поэтому Пиппа не разрешила им вместе с ней охотиться на газелей Гранта. Они дрожали от возбуждения, но все же удерживались и сидели не двигаясь, но тут вдруг Тайни сорвался с места и испортил всю охоту!

Во время полуденного отдыха все молодые, кроме Тайни, вместе с Пиппой по очереди стояли на часах. А Тайни даже головы не поднимал — он примостился поближе к Биг-Бою и смотрел вокруг большими ласковыми глазами в полной уверенности, что все спокойно. Ему больше нравилось хватать Сомбу за

хвост, когда она проходила мимо, а она расхаживала взад-вперед, охраняя свою семью, и подмечала малейшее движение в окрестностях прищуренными строгими глазами, крепко сжав губы. Конечно, Пиппа была все время начеку.

Через несколько дней Пиппа снова привела молодых в наш лагерь. Двое суток они где-то пропадали и ужасно изголодались. Хорошо, что я с утра послала за козой, и теперь попросила своих помощников убить ее внутри хижины, прежде чем Пиппа до нее доберется. Я и не знала, что хижина уже была битком набита: там сидела жена Локаля с сестрой и его младший ребенок — Локаль прятал их там с самого утра. Так что когда козу впихнули в хижину, ее немедленно приветствовали возмущенные вопли женщин, а коза ответила им отчаянным блеянием. Заслышав шум, молодые гепарды стали сломя голову носиться вокруг хижины, а Пиппа попыталась вскочить на крышу, но только сдернула часть пальмовых листьев, которые ее покрывали. Все это привело к тому, что безумные крики внутри хижины стали душераздирающими, а Локаль старался перекричать весь этот бедлам и вопил снаружи, чтобы успокоить свое перепуганное семейство. Я от души посмеялась, тем более что Локаль прекрасно знал, что ему строго-настрого запрещено приводить сюда своих домашних, и никакие внушения не могли подействовать на него лучше, чем этот переполох.

Потом я как следует отчитала его за то, что он приволок сюда чуть ли не всю свою родню, и приказала сию же минуту отправить их домой. В конце концов ему удалось отвлечь гепардов, и козью тушу без приключений перенесли в тихое место, где они спокойно могли ее съесть.

Наевшись, гепарды пошли за речку по дереву-мостику. Сомба, как всегда, прихватила с собой порядочную кость. Пытаясь взять ее поудобнее, она

уронила кость в воду. Ошеломленная, она смотрела вслед исчезнувшей кости, а потом понеслась вниз по течению и стала проделывать на берегу разлившейся речки самые рискованные акробатические трюки, пытаясь выловить пропавшую драгоценность. Два раза она возвращалась на мостик и, наклоняясь то так, то эдак, пыталась рассмотреть косточку, но в конце концов ей пришлось смириться с потерей.

Уже несколько дней, как начались дожди, и небо везде, куда ни глянь, угрожающе чернело. В эту ночь дождь лил не переставая с девяти часов вечера до рассвета. К утру дерево-мостик наполовину скрылось под водой. Когда рассвело, я увидела, что гепарды осторожно перебираются по дереву на наш берег, чтобы получить остатки козы. Я думала, что они останутся на нашей стороне — иначе их отрежет от источника пропитания, но, как только они поели, Пиппа увела молодых за реку, на равнину Гамбо. К полудню вода в речке спала, а дороги подсохли, так что опять можно было ездить на машине.

Через некоторое время в лагерь приехал Джон Баксендейл, он привез моего нового помощника — Бена. Я познакомилась с ним не так давно — он приезжал в заповедник со своими родителями. Они попросили меня помочь юному Бену устроиться на некоторое время в заповеднике, он хотел жить в зарослях и наблюдать за птицами, Я решила, что он вполне сможет совмещать это занятие с той работой, которую нужно будет делать у меня, и предложила ему место помощника. Приступить к работе Бен мог немедленно — как гражданину Кении ему не требовалось разрешение на работу. Джон съездил за ним на ферму за несколько сотен миль от заповедника.

Пока мы болтали, гепарды снова пришли в лагерь. Пиппа придирчиво осмотрела незнакомца. Немного спустя она разрешила ему погладить себя.

Чтобы окончательно испытать его, она подержала в зубах его руку и, убедившись таким образом, что Бен «свой», позвала детей: «прр-прр».

Меня очень обрадовал такой дружеский прием: у нас оставалась всего неделя, чтобы дать возможность Бену и гепардам освоиться друг с другом. Гепарды как ни в чем не бывало резвились возле нас около часа, а потом Пиппа повела их по дереву-мостику. Дойдя как раз до середины, она уселась на тонком стволе, не давая прохода молодым. Они то подталкивали ее, то напирали, а она и не думала уступать. По стволу можно было пройти только гуськом, и молодым гепардам пришлось по очереди проделать множество хорошо рассчитанных трюков, как гимнастам под куполом цирка, чтобы перелезть через собственную маму и при этом не поскользнуться и не свалиться с мостика в воду. И только когда все они благополучно перебрались через нее, Пиппа сошла со своего опасного места и пошла за детьми на противоположный берег. Я никак не могла понять, зачем ей понадобилось становиться поперек дороги своим детям на таком узком мостике; возможно, она хотела приучить их как можно лучше рассчитывать свои движения.

На следующее утро Локаль нашел семейство под Охотничьей акацией.

Они пришли за ним в лагерь, но я не хотела, чтобы молодые животные привыкали к человеческому жилью, и поэтому мы заманили их с помощью мяса обратно на равнину Гамбо и там накормили. Судя по всему, гепарды признали Бена — но только не Сомба! Она припадала к земле и пыталась ударить его каждый раз, когда ей казалось, что он забывает свое место.

Чтобы не терять времени — нам оставалось пробыть вместе всего несколько дней, — мы снова вернулись к гепардам около пяти часов. Они были на старом месте. Потом мы все прошли около мили, и тут нам на глаза

попались несколько зебр Гриви — они паслись вместе со стадом водяных козлов, в котором были два маленьких детеныша. Как только Пиппа начала к ним подкрадываться, мы постарались уйти подальше и сделали огромный крюк, чтобы не помешать охоте. Прорываясь сквозь колючие заросли, мы добрались до лагеря уже затемно — и что же?

Гепарды уже сидели там и поджидали нас. Мы чувствовали себя полными идиотами. Я дала молодым молока, надеясь, что Пиппа поймет намек и отправится за добычей. Вскоре все они скрылись в ночной темноте. Я твердо решила заставить Пиппу охотиться, но она столь же твердо решила добывать пищу в нашем лагере и с рассветом была тут как тут. И снова мы потащили мясо за реку на равнину Гамбо, где и оставили гепардов за едой. Но наше торжество длилось недолго — сразу же после полудня гепарды снова пожаловали в лагерь. Теперь это стало азартной игрой: кто из нас упрямее, Пиппа или я? И вот мы снова отправились все вместе, чтобы предоставить Пиппе возможность попытаться счастья: стадо зебр и водяных козлов все еще паслось на том же месте, что и вчера. По какой-то неизвестной причине молодые оставались сзади ярдах в шестистах, пока Пиппа подкрадывалась к детенышам антилоп. К одному из них она подобралась совсем близко. Она все еще продолжала выслеживать добычу, но стало темно, и мы ничего больше не видели.

Очевидно, Пиппа так и не добралась до детеныша, потому что на следующее утро голодное семейство опять пришло в лагерь. Я была в отчаянии. Ну что я могу поделать с этой новой привычкой являться в лагерь, как в столовую, а ведь почти десять месяцев Пиппа нарочно сюда не заходила! Решив настоять на своем, мы опять понесли мясо на равнину Гамбо, но Пиппа упрямо засела в лагере. До моего отъезда в Лондон оставалось всего четыре дня, и мне хотелось

оставить по себе хорошую память, так что я сдалась и накормила гепардов в лагере. Пиппа выиграла.

После этого гепарды прошли полмили по дороге к куче гравия — это был идеальный наблюдательный пункт и отличное место для игр в прохладное время дня. Пока молодые веселились, скатываясь по скользящему гравию, Пиппа отдыхала ярдах в трехстах от них. После пяти мы вернулись и застали гепардов там же, где они оставались утром: все разлеглись на вершине кучи, которая успела уже зарости пентанезией.

Какое это было великолепное зрелище — золотые гепарды на фоне ярко-синего неба в окружении небесно-голубых цветов! Я не могла бороться с искушением, подошла к ним и стала гладить Пиппу; малыши тоже ласкались друг к другу и к матери, а ко мне отнеслись как к законному члену семьи. Потом я сделала множество снимков и со стесненным сердцем стала рисовать Пиппу — я боялась, что мне долго-долго не придется больше делать портреты моих четвероногих друзей... Я все никак не могла оторваться от них, пока совсем не стемнело; пора было идти домой. Почти у самого лагеря я почувствовала, как Пиппа потерялась о мое колено — она шла за нами, одна. Мы немного подождали молодых, потом вернулись к куче гравия и стали их искать, но на мой зов никто не откликнулся. Пиппа нерешительно бродила кругом в полном молчании, а потом скрылась в темноте. Хотя мы были всего в полумиле от лагеря, все-таки нас удивило, что она бросила детей одних в темноте, они были слишком малы для этого. Но до утра мы ничего не могли предпринять, а с рассветом снова вышли на поиски.

Мы разыскали гепардов на расстоянии мили вверх по речке, все они были очень голодны. Моросил дождь, и Сомбе не понравился мой новый плащ — конечно, она

тут же на меня бросилась. Но когда я сняла плащ, она занялась едой и долго старалась вырвать у Пиппы кусок мяса, припав к земле и свирепо рыча. Разумеется, Пиппе ничего не стоило поставить ее на место, но, видимо, она таким образом приучала детей защищать свою добычу.

Несколько дней подряд Пиппа приводила детей в лагерь, хотя я не жалела сил, чтобы кормить их вне его. И в последнее утро, которое нам оставалось провести вместе, 10 мая, они всей компанией явились в лагерь на рассвете, и нам порядком досталось — попробуйте-ка тащить козью тушу через реку, когда гепарды все как один пляшут вокруг!

Наконец мы добрались до Охотничьей акации и дали им поесть. Все шло, как обычно, но мне на этот раз было очень грустно. Я знала, что уезжаю не меньше чем на три месяца. Немудрено, что у меня болело сердце.

Когда семейство покончило с едой, мы пошли все вместе к небольшому лесочку, и вскоре гепарды скрылись в его густой тени; отстала только Сомба — она копалась дольше всех, подбирая остатки мяса, и теперь потерялась. Взобравшись на поваленное дерево, она звала своих резкими криками, которые я записала на пленку. Потом она спрыгнула и понеслась прочь, к своей семье... Мне было очень больно расставаться с гепардами, хотя я знала, что Бен не пожалеет сил и не бросит моих друзей, а они уже удивительно быстро признали его. Мы договорились, что он будет два раза в неделю посылать мне подробные отчеты. Я оставила ему побольше денег, чтобы и ему самому хватило на еду, и можно было постоянно покупать коз; дала ему адреса двух ветеринаров (на тот случай, если одного из них не удастся вызвать); я оставляла ему и свой лендровер; Локаль со Стенли должны были помогать Бену кормить гепардов, а повару была поручена вся работа по лагерю. И вот, уповая на лучшее, я отправилась в Лондон.

Гепарды-подкидыши

Меня заранее записали на операцию — и самую серьезную: мне должны были пересадить сухожилия из ноги в поврежденную руку. Операция должна была состояться, как только я приеду. Но, осмотрев мою руку, хирург предписал мне не только предварительную физиотерапию на несколько недель перед операцией, но и настаивал на продолжении лечения в послеоперационный период. А это значило, что я не увижу своих гепардов целых пять месяцев. Стоит ли говорить, как это меня огорчило.

За все эти тягостные месяцы, проведенные в Лондоне, у меня становилось легче на душе только тогда, когда приходили письма от Бена; он писал, что все идет хорошо.

Он сообщал, что Пиппа перестала приходить в лагерь сразу же после моего отъезда и переселилась выше по реке, на равнину Гамбо. Он отыскал там молодых двенадцатого мая, однако они не обратили на его крики никакого внимания. Но все-таки немного погодя Сомба к нему подошла и очень дружелюбно приняла предложенное ей молоко. А Биг-Бой и Тайни ушли дальше на несколько сотен ярдов — туда, где была Пиппа.

Вслед за Сомбой наши мужчины тоже подошли к этому месту, и оказалось, что там лежит недавно убитая самка газели Гранта. Тут Сомбу словно подменили: она немедленно стала отгонять Бена. Пиппа только что начала есть, и она с Биг-Боем занялись передней частью, а остальные стали грызть мясо сзади, возле хвоста. За полтора часа с тушей молодой газели было покончено — остались лишь кости ног и часть головы.

Через несколько дней, разыскивая гепардов, Бен услышал, что Пиппа зовет молодых, и увидел, как они к ней примчались. Когда он подошел поближе, Пиппа оставила детей, приблизилась к нему и очень придирчиво его осмотрела. В этот раз на нем была новая рубашка. Когда Пиппа убедилась, что это все-таки он, она подозвала молодых. Такие же случаи происходили, когда Пиппа воспитывала свой второй помет, и у Эльсы с детьми я наблюдала то же самое. Есть достоверные сведения о том, что два служителя были убиты львами и тиграми только потому, что вошли в клетку в незнакомой одежде. Меня всегда удивляло то, что кошачьи не принимают во внимание более постоянные признаки, например запах, внешний вид или характерные движения близких к ним людей. Но, может быть, они так подозрительно относятся к незнакомой одежде просто потому, что сами-то никогда не меняют шкуру, не то что мы с нашими переодеваниями.

В следующие несколько недель Пиппа расширяла свою территорию. Бен обратил внимание на то, что теперь она заявила права на другие участки, избегая тех, которые назначила во владение своим детям из предыдущего помета. Это было последовательное поведение: ведь она никогда не приводила теперешних детей в те места, где любили играть прежние (за исключением Охотничьей акации).

Теперь Пиппа держалась возле Ройоверу, там, где четыре ее притока текли по равнине среди холмов, позади новой конторы заповедника. Она сумела воспользоваться новой взлетной полосой не хуже, чем старой, возле Скалы Леопарда, когда еще воспитывала прежний помет. Бен писал, что наше семейство частенько бывает там по утрам — гепарды вовсю гоняются за страусами, газелями Гранта и цесарками. Однажды, когда Пиппа наметила себе в добычу

бородавочника, Тайни сделал вид, что подкрадывается к нему, при этом он издавал какие-то совершенно новые звуки — как человек, напевающий сквозь зубы.

Дикие животные всегда собираются на аэродромах в любом заповеднике — или для охоты, или для игр, — но мне не хотелось, чтобы Пиппа с семейством слишком привыкала к людям, обслуживающим взлетную полосу, и я тут же написала Бену, чтобы он как-нибудь попытался отвлечь гепардов подальше.

Через несколько дней он нашел их в пяти милях от аэродрома, у Канавы Ганса, и сразу заметил, что они только что расправились с добычей: у всех животы были битком набиты, а у Биг-Боя на мордочке виднелись следы крови. Бен налил молодым молока, а Сомба, напившись, подошла к нему, стала лизать его колени, а потом, усевшись рядом, дала ему лапу! Через несколько минут Сомба и Пиппа стали уходить, а Биг-Бой и Тайни пошли за ними на некотором расстоянии. Теперь гепарды большей частью двигались именно в таком порядке.

Однажды на Сомбу набросились муравьи; она, должно быть, решила, что их на нее напустил кусочек мяса, которое она ест, и, фыркая, стала бить его лапами; потом, однако, она разобралась, что к чему, и успокоилась.

В другой раз гепарды играли на взлетной полосе, и к ним совсем близко подошел бородавочник. Биг-Бой немедленно бросился за ним в погоню, но, пробежав ярдов двадцать, оба остановились. Бородавочник повернулся к Биг-Бою, а тот сразу же сел на землю и только смотрел вслед удалявшемуся рысцой бородавочнику. Точно такой же случай с бородавочником произошел и у предыдущих детей Пиппы, когда они были в таком же возрасте — около одиннадцати месяцев.

Через шесть недель семейство снова пришло в лагерь и осталось на два дня. На следующее утро Бен поехал в Кенмер за козой, а Локаль отправился искать гепардов в окрестностях. Внезапно на него налетела Сомба — она выскочила из густых зарослей. Потом Бен нашел все семейство в нескольких сотнях ярдов от этого места, возле добычи.

Большая часть туши была съедена — оставались только задние ноги и голова, но Бен сумел определить, что это был молодой самец водяного козла, рожки у него были совсем маленькие. Впоследствии Бен присоединил эти остатки к моей коллекции голов и нижних челюстей — я давно начала собирать эти «трофеи» наших гепардов. Но когда он приблизился к добыче на двадцать ярдов, Сомба на него бросилась. Как всегда, Бен дал молодым молока, и после этого Сомба уgomонилась, но на всякий случай уселась прямо на голову добыче — целее будет. Потом мужчины пошли завтракать в лагерь. Возвращаясь, они заметили, что вместе с ними в ту же сторону летят сотни грифов и где-то недалеко снижаются к добыче. Они подошли поближе и увидели, что Сомба самоотверженно защищает от налетающих птиц обглоданные дочиста кости.

Но, увидев людей, она предоставила им охрану добычи и пошла к своему семейству — после сытного завтрака надо хорошенько поспать.

Этой ночью возле лагеря бродили две львицы, и, конечно, гепарды ушли подальше. На пятую ночь Бой и Сасва (еще один из львов Джорджа) прошли прямо через лагерь и перешли речку по мостику возле кухни.

Утром наши помощники нашли гепардов в восьми милях от лагеря, у Ройоверу, они успели добыть еще одного водяного козла, на этот раз самочку. Сомба, как всегда, бросилась защищать добычу и напала на незваных гостей, но потом все-таки позволила Бену

подойти на десять футов и сфотографировать остатки добычи. Когда мужчины вернулись еще раз, чтобы собрать остатки туши, Сомба никого и близко не подпустила, хотя защищать-то, по правде говоря, было уже нечего. За полтора месяца с тех пор, как я покинула Меру, гепарды в четвертый раз сами добыли себе пищу.

До конца июня все шло отлично, и я была глубоко благодарна за это Бену; одно только было плохо — он стал слишком часто и без всякой необходимости возиться с гепардами. Я всегда старалась особенно не приучать гепардов к прикосновению человека — так им будет легче забыть о нас, когда они станут совсем самостоятельными. Меня удивило и то, что родители Бена, приехавшие в заповедник, устроились в ста пятидесяти ярдах от моего лагеря, и мне пришлось попросить его выбрать для них другое место, подальше. Директор заповедника недавно попросил Бена заняться отстрелом птиц для коллекции. Хотя Бен старался не стрелять ближе чем в ста ярдах от нашего лагеря, но мне пришлось попросить его и о том, чтобы он увеличил эту зону покоя не менее чем в пять раз: ведь я так долго старалась завоевать доверие всех животных, обитавших вблизи лагеря, дать им понять, что при нас им нечего бояться. Как радостно и как удивительно интересно было наблюдать вблизи их естественное поведение! А они позволяли мне это с тех пор, как убедились, что мы не только не причиняем им вреда, но даже берем под защиту. Каждое утро, перед завтраком, я кормила птиц: сначала на просо слетались крохотные красноклювые огненные ткачики и «голубые ленточки» — им приходилось поторапливаться, пока не налетали черноголовые ткачи, вспыхивающие, как золотые блики, в этой радужной толпе. А их в свой черед прогоняли задиристые красноглазые горлицы, которые разгоняли всю птичью мелочь ударами клюва, но сами отступали

перед единственным зеленым сорокопутом, который всегда оставался победителем. Эта красивая птица с зеленой спинкой и золотым брюшком явно не пользовалась популярностью среди своих сородичей. Пока у порога разыгрывалась маленькая война, внутрь хижины, где я обычно завтракала, набивалось штук пятнадцать блестящих скворцов — они ждали кусочка жира от бекона и сырных крошек — только успевай подавать! Один из этих действительно великолепно расцвеченных скворцов стал почти ручным — он бесстрашно вспрыгивал мне на ногу, если я осмеливалась не обращать внимания на громкие требования добавки. Частенько это приводило к тому, что мой завтрак доставался скворцам, а мне приходилось довольствоваться фруктами и яйцом.

Теперь все эти птицы стали почти совершенно ручными, как и нитехвостые ласточки, которые уже в шестой раз выводили птенцов в моем «кабинете». Я очень любила своих пернатых друзей — каждое утро они будили меня сонным щебетанием, которое постепенно переходило в торжественный хор, приветствующий новый день, — и теперь я очень испугалась, что их доверие навсегда будет потеряно, мне оставалось только надеяться, что ничего непоправимого еще не произошло.

Меня всегда занимал вопрос, как Пиппе удастся не сталкиваться со львами, которые охотятся в тех же угодьях, что и она. Теперь я узнала, что недавно у нас в лагере ночевал Угас, а взлетную полосу захватила львица. Должно быть, Пиппа следила за ней исподтишка — она сразу же вернулась на свою любимую площадку, когда львица ушла оттуда. Там Бен и нашел все семейство — животы у них чуть не лопались после недавней трапезы. С тех пор как Пиппа добыла мясо в последний раз, прошло меньше недели. Никаких остатков добычи мужчины не нашли, но

решили, что это бородавочник, потому что на следующий день на взлетной полосе вместо четырех бородавочников осталось только три. Тогда они стали подгонять этих троих поближе к гепардам, пока до них не осталось всего тридцать метров. Внезапно бородавочники остановились — они не знали, куда деваться: с одной стороны были люди, с другой — гепарды. Видимо, они решили, что гепарды лучше, и, конечно, нарвались на Тайни и Сомбу — Сомба недолго гналась за ними, а Тайни не отставал и едва не словил свинку; Пиппа следила за этой игрой, а когда Тайни вернулся, она налетела на него и опрокинула.

Тайни рос очень быстро и уже почти сравнялся с Биг-Боем. Он прекрасно научился защищать свою долю в добыче и умел постоять за себя в любой потасовке, так что теперь уже Сомба нуждалась в защите от своих воинственных братцев. Однажды, когда все они играли возле лендровера, Сомба, обнаружив боковое зеркальце, несколько раз вспрыгивала на капот: она никак не могла сообразить, кто это там, в зеркале.

Пять дней Бен приносил гепардам еду на взлетную полосу, а потом они снова исчезли. Он пошел по следу до Ройоверу, но в этом месте река была очень глубокой и перепрыгнуть ее гепарды не могли. Они пошли сквозь густые заросли по равнине, спускавшейся на протяжении пяти миль к большому болоту возле лагеря Джорджа. На этой равнине примерно в миле от того места, где гепарды перебрались через Ройоверу, мужчины нашли остатки туши взрослой самки газели Гранта. Вокруг было много следов гепардов, но самих гепардов нигде не было.

Целую неделю люди возвращались на это место и часто видели следы гепардов, но ни разу не встречали их самих. В конце концов гепарды снова перешли Ройоверу и вернулись в прежние охотничьи угодья, и наши мужчины нашли их примерно в трех милях от

конторы заповедника. Гепарды проголодались, но оказались в таком отличном состоянии, что можно было не сомневаться — за эту неделю Пиппа по крайней мере один раз удачно поохотилась.

Молодым исполнился ровно год; судя по тому, как часто гепарды убивали добычу, они теперь помогали Пиппе на охоте. Я уехала из Меру три месяца назад, и уже тогда молодые время от времени отдыхали в стороне от Пиппы. Теперь это расстояние увеличилось до четверти мили, и зачастую семейство собиралось только возле еды. Поэтому мужчины не очень удивились, когда наутро Пиппа встретила их в одиночестве, но никак не могли понять, почему она не ведет их к молодым. Целых полчаса они лазили по всем кустарникам и непрерывно звали, а Пиппа тем временем лежала себе в тени и дремала, как будто ее все это вовсе не касается; наконец мужчины нашли молодых ярдах в четырехстах от Пиппы, и те тоже проявили к ней полнейшее безразличие; впрочем, довольно скоро они собрались все вместе, чтобы поесть.

Я смеялась, читая, как Тайни стянул у своего большого брата кусок мяса и оставил того с носом. Мне даже не верилось, что Тайни — уже не тот робкий тихоня, уже не прежний «заморыш»; теперь он готов был помериться силами с кем угодно, причем просто так, чтобы поразмяться и поразвлечься. Меня удивило то, что оба брата в последнее время начали поддаваться очарованию самочки и наперебой ухаживали за Сомбой. Ей, по всей видимости, очень нравилось, когда ее нежно облизывали и заигрывали с ней, но, как только эти приставания становились чересчур дерзкими, она удирала к Пиппе, которая спокойно следила за своими повзрослевшими детьми.

Пиппа все больше слагала с себя материнские заботы, но если молодым грозила хоть малейшая опасность, она никогда не оставляла их в беде.

Так что на следующее утро, обнаружив среди отпечатков лап семейства следы леопарда, да еще и след Угаса — они узнали его по искривленному пальцу, — наши мужчины поняли, что надо готовиться к долгим поискам.

Несколько дней гепарды то появлялись, то исчезали, и почти каждый раз их приходилось разыскивать по следам. Однажды след пролег через небольшой пояс растительности по широкой равнине и дальше, к реке Мурера. Совсем недавно эта красивейшая речка стала доступной для посетителей — туда провели дорогу от Скалы Леопарда. Примерно десять миль дорога шла вдоль заросшего пальмами берега, а потом пересекала сухую равнину с редким кустарником, где было видимо-невидимо антилоп геренук, носорогов, буйволов, жирафов, канн, зебр и газелей Гранта, а дикдиков было больше, чем во всем парке. Дальше дорога выходила к Ройоверу и через несколько миль приводила в Кенмер. Вместе с дорогой, соединившей Кенмер-Лодж со Скалой Леопарда — той, что проходила мимо моего лагеря, — получался круг длиной тридцать пять миль. Гепарды в последнее время все чаще и чаще бывали в этих местах — уж очень тут было много мелких антилоп, вроде дикдиков, дукеров или газелей Гранта.

Когда мужчины пошли по следу, они нисколько не удивились, увидев, что над дорогой кружат грифы. Пошли в ту сторону, чтобы посмотреть, что там такое, и вдруг в нескольких сотнях ярдов впереди них с земли поднялся черногривый лев; не подозревая, что следом за ним идут люди, он пошел в ту же сторону и подобрался к месту пиршества на пятьдесят ярдов. Бен увидел, что Пиппа с молодыми вскочила и бросилась в сторону. Тогда он закричал: лев, напуганный криком, взвился и задал стрекача. Пиппа тут же понеслась за ним следом — чтобы больше не лез.

Через несколько минут семейство уже снова уплетало остатки жеребенка зебры Греви. Жеребенку было никак не больше месяца, но все же интересно то, что гепарды рискнули охотиться на детеныша такого крупного животного и не побоялись сокрушительных ударов копыт его матери. От добычи почти ничего не осталось, и беречь на следующий день было нечего, поэтому мужчины просто пошли домой, предоставив гепардам спокойно поспать после сытного обеда.

Но несмотря на такое пиршество — а за неделю это была уже третья добыча, — на следующее утро мужчины застали гепардов за охотой. Пиппа залезла на дерево и обнаружила стадо газелей Гранта. Чтобы получше их разглядеть, она вскарабкалась на другое дерево и долго смотрела оттуда на газелей. Потом она спрыгнула вниз, позвала молодых и все вместе — Сомба рядом с Пиппой, Тайни в пятидесяти ярдах позади, а еще дальше за ним Биг-Бой — стали ползком пробираться в траве, стараясь укрыться за каждой былинкой. Вот наконец они подкрались совсем близко. Но тут, как назло, Сомба не вовремя высунулась, и охоте пришел конец. Чтобы утешить голодное семейство, Бен отдал им принесенное мясо, а потом Пиппа ушла в тень под дерево. Молодые немного поиграли и подошли к ней, но она немедленно встала и легла в другом месте. Немного погодя Сомба и Тайни снова попытались к ней присоседиться — и снова не успели они сесть рядом, как Пиппа тут же ушла. Тем временем Биг-Бой, оставленный в одиночестве, стал звать остальных. Голос у него все еще ломался, и казалось, что он совсем охрип. Тайни со всех ног бросился к нему, а Сомба все же ухитрилась прилечь рядом с Пиппой.

Через два дня гепардам повезло больше — они затравили молодого водяного козла. Когда я узнала, что Пиппа с детьми стала так часто убивать добычу, я

почувствовала облегчение и гордость за них, но в какой ужас привело меня известие, что в заповеднике объявилась банда браконьеров и они уже убили носорога, леопарда и трех гепардов! Мы давно потеряли след Уайти, Мбили и Тату, и меня преследовал мучительный страх — а вдруг кто-нибудь из них пал жертвой браконьеров?

Тут мог очень пригодиться мой метод определения детей Пиппы по пятнышкам у основания хвоста, и я попросила Бена достать, если это окажется возможным, шкуры убитых гепардов. Но вскоре я узнала, что перед самым арестом браконьеры изрезали шкуры.

А о Пиппе и ее теперешних детях приходили, как и прежде, только утешительные сообщения. Братья души не чаяли друг в друге, казалось, их водой не разольешь; Тайни был теперь на равных с Биг-Боем и почти все время лазил по деревьям — в этом он превзошел даже Сомбу: она забиралась на деревья не так уж часто, а Биг-Бой вообще недолюбливал это развлечение. Биг-Бой стал уже выше Пиппы в холке, Тайни немного до нее не дорос, а Сомба по-прежнему была меньше всех.

Семейство проходило в среднем по две мили в день и ни разу не оставалось ночевать на одном и том же месте. Несмотря на то что Пиппа почти все время отдыхала в стороне от молодых, она никогда не бросала их на целый день, насколько можно было судить по следам.

Двадцать четвертого августа мужчины нашли молодых гепардов возле дороги, на полпути между нашим лагерем и Пятой милей. Через несколько минут показалась Пиппа, а следом за ней шла самка конгони. Порой антилопа подходила к Пиппе на пять ярдов, тогда Пиппа ложилась на землю, а конгони останавливалась. Но стоило Пиппе встать и двинуться навстречу антилопе, как та сразу же отступала на несколько шагов. Это странное церемониальное

шествие продолжалось до тех пор, пока вдруг в траве ярдах в тридцати от Пиппы не появился маленький теленок конгони. Пиппа мгновенно бросилась за ним и шагов через шестьдесят свалила его ударом лапы по спине. Потом она схватила его за горло и стала душить. На помощь своему малышу пришла мать, и на минуту Бену показалось, что Пиппа вот-вот выпустит теленка, но Сомбе удалось отогнать конгони. Она еще гналась за антилопой ярдов триста, а с теленком за это время было покончено. Вернувшись, мать поняла, что случилось непоправимое, и не стала вступать в бой, а когда Сомба прогнала ее второй раз, она больше не вернулась. Пиппа задушила теленка всего за две минуты, вместе с Тайни и Биг-Боем она начала пожирать еще трепещущую добычу.

Впервые за все время кому-то из нас довелось увидеть, как Пиппа убивает добычу, а молодые помогают ей добиться успеха. Бен потом измерил расстояние, на котором происходила охота. Оказалось, что Пиппа, догоняя теленка, сделала со своего места шестьдесят прыжков, теленок сделал тридцать. Эта добыча была шестой по счету за двадцать четыре дня. Прошло еще девять дней, и за это время гепарды четыре раза добывали пищу; это были два молодых водяных козла и антилопа геренук, о четвертой же добыче говорили только окровавленные морды гепардов да их набитые до отказа животы.

Но несмотря на все эти чудесные новости, я чувствовала себя в Англии все хуже и хуже. Я готова была вынести что угодно, но только не лондонскую суету, да еще в летние месяцы. Я ведь привыкла к безграничному простору, к жизни на свежем воздухе... К счастью, потом я поехала в гости к своим близким друзьям в Серрей. Они приняли меня с чудесным гостеприимством, и сад у них оказался великолепный, так что самое тяжелое время они помогли мне перенести

спокойно. Мне приходилось каждый день целый час добираться набитым пригородным поездом до Лондона, а там в еще более душном метро до Кенсингтона — где я принимала физиотерапевтические процедуры. Последнюю часть пути до больницы я шла пешком через Гайд-парк, нередко напевая свою маленькую песенку — я всегда так манила за собой гепардов: «Пиппа-Пиппа-Пиппаланка и смешные малыши, идем, идем, идем, идем, идем...» — и мне казалось, что под звуки этой песенки гибкие, стройные животные бегут за мной по пятам. Часто, цепляясь за что попало в набитом до отказа автобусе, я уносилась в мечтах туда, где были мои гепарды, и мне казалось, что я снова чувствую, как их тела дрожат от довольного мурлыканья.

Мне было очень интересно узнать, как удалось добиться размножения гепардов в Уипснейдском зоопарке, в Бедфордшире, и я поехала туда в первый же свободный день. Животные там содержатся без клеток. Директор зоопарка любезно познакомил меня с записями истории гепарда Хуаниты — она принесла уже два помета. Из этих записей я узнала, что в первом помете, появившемся в 1967 году, два малыша вскоре погибли от рахита, а оставшийся в живых до сих пор тяжело болен.

Второй помет появился на свет в июле 1968 года, теперь им как раз исполнился год, и все они были в прекрасном состоянии. Я видела этих гепардов — они сбились в кучку посередине довольно тесного загончика, где росло развесистое дерево, только сучки у него были слишком хлипкие и не могли выдержать вес гепарда. В дальнем углу был деревянный навес и маленький вольер, в котором лежал больной гепард из предыдущего помета. И кроме этой загородки, здесь нельзя было найти ни единого местечка, где удалось бы затаиться или полазить вволю. В этот загон их перевели из более просторного вольера для того, чтобы

посетители могли в любое время увидеть гепардов. Я хорошо знала, как много значила для детей Пиппы возможность играть, спокойно отдыхать, укрывшись от чужих глаз, и поэтому задала себе вопрос: будут ли эти маленькие гепарды впоследствии способны к нормальному размножению?

Но тройке гепардов в зоопарке Риджент-парк, в самом центре Лондона, пришлось гораздо хуже. Каждый из них сидел в крохотном вольере с деревянной конурой в углу, а земля была засыпана гравием, — конечно, так легче поддерживать чистоту, но ведь для гепарда это совершенно неестественная обстановка. Они могли разве что потереться носами через проволочную сетку или им оставалось разглядывать леопардов, львов и тигров, рассаженных по клеткам напротив, — их разделяла только узкая дорожка, с которой посетителям были видны сразу несколько видов кошачьих. Я заметила, что гепарды с полным равнодушием смотрят на львов и леопардов, и еще раз подумала, какие страдания приходится претерпевать диким животным, чтобы хоть как-то приспособиться к этой неестественной жизни, которая заставила их потерять страх даже перед своими природными врагами.

Вечерело, моросил холодный дождь, и одного из гепардов била такая дрожь, что мне стало ясно — дело тут не только в холодной и ненастной погоде. Когда новая туча разразилась ливнем, несчастный гепард продолжал сидеть неподвижно с самым жалким видом, вместо того чтобы спрятаться в конуру по примеру своих родичей. Я позвала служителя и спросила, не болен ли этот гепард, но он ответил, что ничего ему не сделается — просто он не желает заходить в конуру, потому что, видите ли, ему не по нутру запах прежнего обитателя. Я взглянула на небо — дождь, конечно, будет лить до утра — и предложила заменить конуру,

но мне объяснили, что ничего нельзя сделать до завтра, пока не придет заведующий. Но я настаивала, чтобы устроили хотя бы временный навес — пусть больное животное по крайней мере укроется от проливного дождя, — и не ушла, пока навес не сделали.

Как может гепард чувствовать себя нормально в таких условиях? Где уж тут говорить о спаривании и размножении! Я очень долго беседовала с директором, стараясь особенно подчеркнуть, что свобода передвижения и возможность уединиться для гепардов гораздо важнее, чем для остальных кошачьих. Я сказала ему, что территория Пиппы в заповеднике Меру занимает шестьдесят три квадратные мили и она бродит повсюду, как ей вздумается, вместе со своими детьми. Ни один зоопарк не сможет предоставить гепарду достаточно просторный вольер, а скрывать зверей от посетителей — это уж никак не вяжется с назначением зоопарка, так стоит ли терять время, средства и труды, пытаясь разводить гепардов в неволе (ведь в любом случае это будут только новые экспонаты или живые игрушки), если эти животные, которых так легко травмировать, прекрасно размножаются в естественных условиях? Пиппа доказала, что это вполне реально — к этому времени она уже принесла за четыре раза пятнадцать детенышей, и шестеро из них выжили. А Пиппе было всего пять лет, и если учесть, что средняя продолжительность жизни гепарда пятнадцать лет, можно предполагать, что число ее выживших детенышей будет в три раза больше — восемнадцать, и все они тоже будут размножаться, так что заросли будут населены новыми, рожденными на свободе гепардами. И еще я внушала ему, что медлить нельзя: в списке животных, которым угрожает вымирание, гепард стоит на втором месте и совершенно необходимо, не теряя времени, обеспечить разведение гепардов там, где они еще могут размножаться.

Я побывала и в Норфолкском парке дикой природы, где Питеру Уэйру удалось добиться размножения фазанов, европейской рыси и других животных. Он занимает пост председателя Комитета охраны природы и размножения диких животных Великобритании и Ирландии и с интересом относится к любому методу, который обеспечил бы спасение исчезающих видов. От него я узнала, что, хотя Общество и поставило своей целью разводить исчезающие виды животных в их естественных местообитаниях, пока удачный результат получен только с обыкновенным филином. Этих птиц реакклиматизировали в ФРГ и Швеции, где они уже перестали встречаться. Он считал, что все попытки размножать в естественных условиях хищных млекопитающих, в особенности крупных африканских кошачьих, пока относятся к разряду утопий. Тогда я напомнила ему, что Эльса и Пиппа уже доказали, что такой утопический идеал вполне может превратиться в действительность, и добавила, что если самых крупных кошек можно сохранить таким путем, то спасти остальных животных, находящихся на грани вымирания, будет не так уж трудно, конечно, если найти необходимые средства и людей, готовых посвятить себя этому делу.

Я все больше убеждалась в том, что этот новый метод разведения животных, которым угрожает истребление в естественных условиях, нужно широко распространить и как можно скорее ввести в практику. Тем более обидно мне было терять столько времени в Англии: ведь из моей жизни выпадали самые важные месяцы из тех, которые я могла провести рядом с Пиппой и ее детьми. Мне было особенно интересно узнать, уйдут ли оба самца от Пиппы раньше, чем Сомба, и будут ли они привлекать друг друга как партнеры для спаривания.

Мне предстояла чрезвычайно серьезная операция — тут требовалось виртуозное мастерство самого блестящего хирурга в этой области. А пока что я лежала в больнице, и однажды сиделка принесла мне каталог рекламу выставки моих рисунков, изображающих африканцев Кении в народных костюмах. Для меня это было приятным сюрпризом. Как только мне разрешили выходить, я побывала на выставке и весь месяц, пока она была открыта, по мере сил участвовала в работе, чтобы обеспечить ей успех.

Одновременно с выставкой увидела свет и моя книга о Пиппе «Пятнистый сфинкс», и я с радостью помогала организовать ее распространение, хотя мне почти ежедневно приходилось давать интервью, выступать по радио или по телевидению. Я работала также над книгой для детей «Гепард Пиппа и ее дети» и вела переговоры с разными кинокомпаниями — нужно было составить телевизионную программу из того огромного киноматериала, который скопился у меня за четыре года, проведенные рядом с гепардами. Единственное, что заставило меня заниматься всем этим, — необходимость поддержать Фонд Эльсы по охране диких животных: все мои заработки предназначались на это. Кроме того, я встречалась с моими поверенными в Лондоне и вела переписку с дирекцией Фонда Эльсы в США; дел было по горло — вполне достаточно, чтобы загрузить меня до самого октября, до тех пор, пока, по планам врача, мое лечение не будет закончено.

Пиппа между жизнью и смертью

Бурная деятельность не помогала: грызущее беспокойство о Пиппе и ее детях стало в конце концов совершенно непереносимым, и я, махнув рукой на всякое лечение и отменив все назначенные встречи, первым попавшимся самолетом вылетела в Кению. 7 сентября я была уже в Найроби.

Мне пришлось прождать там еще три дня, и я вся извелась, пока наконец Бен не приехал за мной. Он сказал, что гепарды куда-то пропали и, судя по следам, Пиппа бросила своих детей, так что, прежде чем ехать в Найроби, ему хотелось разыскать все семейство.

Как только мы добрались до лагеря — это было 11 сентября, — мы тут же без промедления выехали на поиски гепардов. Локаль видел их в это утро. Но мне пришлось набраться терпения до следующего утра — только тогда я увидела Пиппу. Она шла со стороны равнины Гамбо, к дороге возле новой конторы. Когда я подошла к ней поближе, она сразу же замурлыкала, стала лизать мне руки, тереться о меня своей шелковистой головой — я чувствовала, что она счастлива не меньше, чем я.

Тем временем подросли и молодые. Они так выросли, что я даже не сразу разобралась, где кто. Все они выглядели великолепно: Биг-Бой и Тайни стали намного крупнее Пиппы и Сомбы, а Сомба сравнялась с Пиппой. Все они проявляли интерес ко мне, но держались поодаль и немедленно ускользали, когда замечали малейшее движение в их сторону.

Я попросила Бена доставить из лагеря мясо и молоко и пошла вместе с гепардами к поваленному

дереву в нескольких сотнях ярдов от дороги.

Молодые немедленно взяли дерево штурмом, пытаясь столкнуть друг друга с самых удобных сучьев, а мы с Пиппой уселись рядом внизу. Я ласкала ее, а она все мурлыкала и мурлыкала, и мы обе позабыли четыре долгих месяца нашей разлуки. Но зато Сомба ничего не забыла. Украдкой она стала подбираться к нам поближе и наконец села рядом с Пиппой с другой стороны — так же близко, как сидела я. Я гладила Пиппу отчасти для того, чтобы Сомба поняла, что я не опасна для ее матери — мурлыканье Пиппы должно было убедить ее в этом. Мало-помалу Сомба придвинулась так близко, что, глядя Пиппу, я не могла не гладить и ее; она делала вид, что я ей совершенно безразлична, но вместе с тем все-таки старалась подружиться со мной. Биг-Бой и Тайни тоже улеглись рядом.

Тайни мурлыкал и долго смотрел на меня своими темными ласковыми глазами, однако стоило мне протянуть руку, как он тут же откатился подальше, чтобы я не смогла до него достать. Биг-Бой принимал мои ласки довольно равнодушно — мурлыкать он не собирался. Так мы и сидели все вместе, довольные и счастливые. Меня переполняла глубокая радость — о такой чудесной встрече можно было только мечтать.

Пришел Бен с припасами. Молодые чуть не вышибли у меня из рук бидон, когда я собиралась налить в миску молока: должно быть, они ужасно хотели пить. Сомба и Тайни моментально засунули головы в самую миску и оттерли Пиппу и Биг-Боя, так что им пришлось лакать из другой миски. От последней козы осталось очень мало мяса, да и то сильно пахло, но это не остановило гепардов — они съели все до последнего кусочка и недвусмысленно требовали добавки. Так что Бену пришлось отправиться за новой козой. Он предупредил меня, что вернется нескоро: с 1 октября он по настоянию директора заповедника перевел наше

стадо из Кенмера к дому Локаля, за пределами парка. Это было от нас в двадцати двух милях, так что доставать мясо в то время, когда оно было нужно, стало непросто.

Когда Бен ушел, молодые начали резвиться. Они носились друг за другом по недавно выжженной равнине и поднимали такие тучи пыли и пепла, что фотографировать их было невозможно. Мне захотелось посидеть рядом с Пиппой — она лежала невдалеке под деревом, но при моем приближении она встала, позвала детей и вместе с ними пошла обратно, в ту сторону, откуда они пришли. Я провожала их взглядом и вдруг заметила, что Пиппа слегка прихрамывает.

Бен уехал за козой на нашем лендровере, так что нам с Локалем оставалось только пройти три мили до дому пешком. Близился полдень, стало очень жарко. Когда мы протащились примерно с милею, я увидела в бинокль наше семейство: гепарды разлеглись под кустом, время от времени облизывая друг друга, они перекатывались на спину, раскинув лапы, чтобы не упустить ни малейшего дуновения ветерка в этом палящем зное. Мне до смерти хотелось остаться с ними на весь день, но я боялась рисковать — а вдруг, если мы подойдем, они увяжутся за нами в лагерь? Пришлось поступить так, как было лучше для гепардов, и мы сделали солидный крюк, непрерывно оглядываясь — не крадутся ли за нами гепарды, но, к счастью, их совершенно разморило, и они предпочли подремать на месте. К ленчу мы добрались до лагеря, там меня ждал с печальными новостями Джордж. Он уже писал мне, что у него произошло несколько столкновений с администрацией парка из-за львов, и вот теперь ему приказали ликвидировать свой лагерь. Само по себе это было достаточно неприятно, но нас очень тревожила судьба Сэнди. Несколько раз малышку видели вместе с прайдом Джорджа, но время от времени она,

изголодавшись, приходила в лагерь. Сэнди было всего полгода; в таком возрасте, если ее бросить на произвол судьбы, она обязательно погибнет. Джордж хотел хотя бы издали следить за ней и попросил разрешения у директора переехать в мой лагерь, чтобы оставаться в парке на правах туриста. И вот теперь он ждал ответа директора. Он так тревожился за Сэнди, что даже не встретил меня в Найроби, да и сейчас сидел как на иголках — ему нужно было поскорее вернуться домой на тот случай, если Сэнди опять зайдет в лагерь.

Сразу же после отъезда Джорджа появился Бен — он привез козу и еще одну новость: жена Локаля, которая обычно пасла коз, серьезно заболела, и ее нужно доставить в больницу. Кроме Бена, отвезти ее туда было некому, так что я позволила ему и Локалю немедленно отправиться с ней в больницу миссии, чтобы успеть обратно до темноты — больница была высоко в холмах Джомбени. Как ни печально, но это значило, что сегодня Пиппа с детьми останется голодной — слишком уж рискованно нам со Стенли бродить по зарослям без винтовки, а разрешение на пользование оружием было только у Бена и Локаля. Но по дороге к лагерю мы видели несколько стад газелей Гранта и водяных козлов, и можно было надеяться, что гепарды найдут себе добычу, если очень проголодаются.

Ранним утром на следующий день мы вернулись туда, где оставили гепардов, но не нашли никаких следов; грифов, которые могли бы привести нас к их добыче, тоже нигде не было. Еще два дня мы продолжали безуспешные поиски, но наше семейство как в воду кануло.

Пятнадцатого сентября Бен поехал ремонтировать лендровер в Меру, и я снова осталась одна в лагере. Я окончательно вымоталась после долгой ходьбы по жаре в поисках гепардов и налила себе немного вермута,

чтобы отметить этот день — день выхода в свет книги о Пиппе. Но где же мой Пятнистый сфинкс? Как будто бы не было особых причин расстраиваться — не так уже редко наше семейство пропадало на несколько дней, — но на этот раз меня не оставляло предчувствие беды.

Как только Бен вернулся, мы разбились на две пары, чтобы обыскать как можно большую территорию; Бен с винтовкой сопровождал Стенли, а вооруженный Локаль пошел на поиски со мной. С рассвета до темноты мы обшаривали все места, где могли оказаться гепарды, и не находили даже их следов — только один раз Бен увидел очень темного гепарда на дороге между лагерем и Пятой милей. По описанию он был похож на супруга Пиппы. Он не появлялся в этих краях с тех пор, как стал отцом теперешних детей Пиппы, и я подумала, что, может быть, они с Пиппой снова вместе.

Джордж обещал помочь нам выследить гепардов, и на следующий день к ленчу мы поехали в его лагерь. По дороге мы заметили несколько павианов — забравшись на верхушку сухого дерева, они что-то разглядывали внизу, на земле. Мне это показалось подозрительным: с чего бы им сидеть в самую жару на дереве без единого листочка? Я подвела машину поближе и увидела под деревом львицу с мертвым павианом в когтях. Должно быть, она только что убила его и даже не успела начать есть. Чтобы избавить попавших в безвыходное положение павианов от мрачного зрелища — вряд ли им приятно видеть, как у них на глазах пожирают их товарища, — я направила машину прямо на львицу. Львица тут же схватила добычу и, пропустив ее между передними лапами, поволокла к реке. Павианы моментально скатились с дерева и помчались прочь, а там к ним присоединились остальные, взиравшие на происходящее издали.

На следующий день к вечеру мы наткнулись на след одинокого гепарда на дороге в Кенмер, в полумиле от

моего лагеря; возможно, что это был след Пиппы. Он повернул к реке, и тут мы снова потеряли его в дремучих прибрежных зарослях. С рассветом на другой день Бен и Локаль пошли по этому следу; я на всякий случай осталась в лагере — а вдруг придет Пиппа? Вскоре Бен прибежал обратно, едва переводя дыхание. Он нашел Пиппу всего в трехстах ярдах от лагеря — она лежала под деревом со сломанной лапой. Я поспешила за ним и увидела, что Пиппа ковыляет в сторону на трех ногах, а левая передняя лапа от самого плеча болтается, как тряпичная. Она падала на землю через каждые несколько ярдов, с трудом поднималась и снова тащилась дальше, а потом снова падала. Так она доползла до дерева, под которым был зарыт ее погибший детеныш. Там она и свалилась, совершенно обессиленная. Я сразу же дала ей молока — единственное, что было у нас в лагере, — и она выпила все, не отрываясь. Она ужасно отощала, и было сразу видно, что ей очень худо. Я послала Бена за козой, попросила его по дороге заехать в Скалу Леопарда и попытаться вызвать по радио ветеринара. Харторны были в отъезде, в Южной Африке, но оставалось еще два ветеринара, которых мне рекомендовал Тони, и я надеялась, что кто-нибудь из них согласится приехать, несмотря на то что все это случилось в воскресенье.

Потом я попробовала заманить Пиппу в вольер Уайти, показав ей корзинку с мясом. Она доверчиво заковыляла следом. Прибегать к такому трюку мне было невыносимо тяжело, но было совершенно необходимо как можно скорее поместить ее в безопасное место. Мне хотелось утешить Пиппу, и я начала ее гладить, но на каждое мое прикосновение она отвечала рычанием — я видела, что ее мучает сильная боль. Она пропадала целых девять дней, и, наверное, по крайней мере неделю у нее крошки во рту не было, иначе она не дошла бы до такого истощения. Если бы несчастье

случилось с ней неподалеку от лагеря, мы обязательно встретили бы следы молодых; мне страшно было подумать, что Пиппа попала в беду далеко отсюда и — бедняга — какие ужасные мучения она перенесла, пока добралась до лагеря, чтобы мы ей помогли.

Тут подоспел Бен с козой, и мы дали Пиппе грудинку. Она проглотила мясо с такой жадностью, что тут же снова все отрыгнула. Силы ее были исчерпаны; она была так разбита и измучена, что сразу же заснула.

Добиться связи по радио Бену не удалось; поэтому мы решили, что он немедленно поедет в Найроби и привезет ветеринара. Мне не хотелось посылать его на своей единственной машине — она могла срочно понадобиться; я надеялась, что Джордж одолжит нам один лендровер, у него их было три. Мы договорились, что за то время, пока я съезжу к Джорджу за машиной, Бен и Локаль отправятся искать молодых и пройдут по следу Пиппы. Следов молодых они, к несчастью, не нашли, а след Пиппы шел с той равнины, где она некогда произвела на свет Уайти, Мбили и Тату — это было милях в трех от лагеря, — а потом он вел еще дальше, к кольцевой дороге вдоль Муреры.

Около пяти Бен выехал в Найроби, и я рассчитала, что он будет там к полуночи, если ничто не помешает. Весь конец дня я провела возле Пиппы, все время давая ей маленькие кусочки мяса, но она очень ослабела и почти непрерывно спала. Вечером приехал директор, и мы стали думать, как лучше поступить. Еще какое-то время Пиппа будет нуждаться в помощи. Я знала, что Тони Харторн принципиально против того, чтобы дикое животное лишали привычной обстановки, разве что в самом крайнем случае; уже не один раз мы убеждались, что необходимость приспособливаться к незнакомой обстановке настолько подрывает силы животного, что никакая врачебная помощь не сможет это компенсировать.

Но директор и слышать не хотел о том, чтобы больное животное оставалось в заповеднике — безразлично, на какой срок. Ну, что же мне было делать?

Я не спала всю ночь, прислушиваясь к малейшему шороху в вольере, где лежала Пиппа. Вдруг кто-то фыркнул. Я выбежала из хижины с фонарем и увидела, что на противоположном берегу речки пасется буйвол; яркий свет ударил ему в глаза, и он с громким топотом убежал в темноту.

Вскоре я услышала тихий стон Пиппы — она издавала эти звуки, когда беспокоилась за детенышей. Мне хотелось увидеть их хоть краешком глаза, и я снова выскочила и стала обшаривать все вокруг лучом фонаря, но никого не было. Как только рассвело, я послала Локаля разыскивать следы гепардов. Он обнаружил, что они ночевали совсем недалеко от того места, где пасся буйвол. Их следы вели к Охотничьей акации и дальше на равнину, а потом потерялись. Очевидно, Пиппа позвала молодых, когда их напугал буйвол, которого я спугнула ярким лучом фонаря.

Локаль снова отправился искать молодых, а я сидела с Пиппой в ожидании ветеринара. Я подумала, что, возможно, ему придется осматривать ее под наркозом, и поэтому почти не кормила ее, хотя она была очень голодна. Она не хотела, чтобы я садилась слишком близко, — еще один признак того, что она серьезно больна. Я поняла, что она хочет, чтобы ее оставили в покое, устроилась по другую сторону сетки вольера и печатала письма, чтобы у меня был предлог оставаться все время поблизости и при этом не беспокоить ее своим вниманием.

Вспоминая, что Пиппа немного хромала девять дней назад, я ругала себя за то, что не отнесла ей мясо вечером в тот же день, ведь этим я вынудила ее отправиться на охоту за дичью, быть может, слишком

для нее сильной. Повыше локтя кожа у нее на лапе была содрана — вероятно, это след от удара копытом. Меня уже давно беспокоило ее пристрастие к водяным козлам; их полным-полно в наших местах, но взрослые животные — слишком крупная дичь для гепарда. И вот теперь — хватит ли сил вынести это — Пиппа лежала передо мной, так страшно искалеченная, а мысли о том, что ждет ее несчастных детенышей, мучили меня неотступно.

С каким облегчением я встретила Джорджа — он приехал, чтобы утешить меня и помочь Локалю найти молодых гепардов. В три часа дня в Кенмере приземлился самолет с летчиком, Беном и ветеринаром на борту. Я поехала за ними, а тем временем Джордж возвратился в лагерь, так и не разыскав гепардов.

Я видела, что Пиппа с самого утра очень раздражена, и сомневалась, что доктору удастся осмотреть ее без наркоза, но тревоги мои оказались напрасными — она позволила ему осматривать себя без малейшего сопротивления. Точно так же она отнеслась к ветеринару два года назад — она разрешила ему проделывать с ней все что угодно, хотя видела его впервые. Я убеждена: и в том и в другом случае она понимала, что эти незнакомые люди хотят ей помочь.

Врач изрек суровый приговор. Очевидно, лапа была сломана ниже локтя и перелом был таким тяжелым, что ветеринар хотел немедленно усыпить Пиппу. Я умоляла его дать мне возможность попытаться спасти ее. С большим трудом он согласился на мои уговоры, но потребовал, чтобы ее тут же отправили в Найроби — сделать рентгеновский снимок и, может быть, провести лечение. Готовясь ввести Пиппе снотворное перед полетом, он попросил меня подписать документ, в котором оговаривалось его право уничтожить ее, если он сочтет это нужным.

Выхода у меня не было — речь шла о спасении жизни Пиппы, но я едва не потеряла сознание. Врач впрыснул снотворное из расчета на вес в сто фунтов; оно мгновенно подействовало. Затем он связал ей лапы и надел такой тугой намордник, что у Пиппы начались судороги. Я боялась, что в припадке она может прикусить язык, и умоляла ветеринара хоть чуть-чуть ослабить веревку, но он оставался непреклонным — однажды гепард уже вцепился в него и как раз при таких же обстоятельствах... Я собиралась лететь с Пиппой в Найроби, но врач распорядился, чтобы я осталась, и взял Бена.

Самолет вылетел обратно в пять часов вечера, но мы успели договориться, что я с Джорджем сразу же поеду в Найроби и останусь там с Пиппой, а Бен на лендровере Джорджа вернется на следующее утро и будет заботиться о молодых гепардах, пока я не вернусь.

У меня всегда щемило сердце, когда я смотрела, как самолет с больным животным на борту исчезает в бескрайнем небе; на этот раз мне показалось, что я теряю последние капли крови, по нельзя было медлить ни минуты, и я стала собираться, чтобы выехать как можно скорее.

Однако Джордж беспокоился о Сэнди и не хотел выезжать до завтрашнего утра. Я переночевала в его лагере, и с рассветом мы отправились в путь. По дороге мы встретили Бена — он ехал обратно. Он сказал нам, что Пиппу привезли в очень плохом состоянии, и врач сам не знал, выживет ли она. Он взвесил ее, и оказалось, что она весит всего семьдесят один фунт, а не сто, как положено здоровому гепарду. Не удивительно, что Пиппа так резко реагировала на слишком сильную дозу лекарства. В больнице ветеринар сделал ей прививку от кошачьей чумки и положил сломанную лапу в гипс. Пиппу устроили на

подстилке из сена, она отлежалась и немного пришла в себя. Бен видел ее утром, и ему показалось, что ей стало лучше. Я очень обрадовалась и на прощание попросила его писать мне о наших гепардах все новости каждый день.

В три часа дня я уже была рядом с Пиппой в больничном отделении приюта для животных. Она еще не очнулась от наркоза, и лапа у нее до самого плеча была в гипсе. Она занимала клетку размером примерно пять на восемь футов; рядом в такой же клетке сидели четыре гепарда, а в другой — молодой дукер. Напротив была клетка побольше, в которой сидели еще пять маленьких гепардов. Эти девять детенышей остались без родителей, люди их подобрали и поместили сюда для наблюдения, предварительно сделав прививку от кошачьей чумки. Было там еще пятеро львят с вылезшей шерстью — их тоже, видимо, бросила мать. Все животные находились в старом помещении приюта, который превратили в больницу для животных после постройки нового, более комфортабельного здания. И больница, и приют принадлежали Управлению национальными парками Кении; здания находились по обе стороны от ворот. Посетителям охотно разрешали посещать новый приют, где держали животных перед тем, как их выпустить, но им было строго запрещено беспокоить больных животных на открытых выгулах за старой территорией приюта или тем более переступить порог больницы.

Мы зашли к директору национальных парков Кении — это был Перес Олиндо, мой старый друг. Узнав о беде, которая случилась с Пиппой, он выразил глубокое сочувствие и предложил нам свою помощь. Мы были достаточно хорошо знакомы и с директором приюта Джулианом Тонгом, и я решилась попросить его и его жену принять меня в свой дом с уплатой за пансион, чтобы я могла жить как можно ближе к Пиппе. Они

любезно согласились на это, и, прежде чем Джордж уехал обратно в Меру, я уже устроилась в их доме, в нескольких милях от приюта. На следующее утро Пиппа все еще была сонной, но не настолько, чтобы ее не выводил из себя гипсовый «чулок». Пытаясь стряхнуть с себя этот сковывающий груз, она резко бросалась из стороны в сторону, прыгала на стену, а потом летела с высоты и грохалась на пол так неловко, что я приходила в ужас: казалось, она вот-вот сломает себе шею. В этой крохотной клетке я не могла ее успокоить, особенно когда она впала в такое неистовство, и меня очень обрадовал ветеринар: он сказал, что Пиппу переведут в более просторную клетку — в ту, где сидели пять маленьких гепардов.

Джулиан был так добр, что помог начисто выскрести все помещение, и договорился, что не будет недостатка в сене, чтобы Пиппа всегда была удобно устроена. Ветеринар предупредил, что ей придется лежать в гипсе самое меньшее три недели, а еще три недели придется провести в клетке, чтобы лапа окрепла. Все это время с нее нельзя спускать глаз: каждые два часа ее нужно переворачивать, чтобы у нее не развилось воспаление легких, а кроме того, кто-то должен заботиться о том, чтобы она была укрыта в прохладные ночи, и о том, чтобы клетка содержалась в безукоризненной чистоте. Принимая во внимание все это, мы решили, что я буду спать возле Пиппы не только для того, чтобы ухаживать за ней днем и ночью, но и потому, что ей было очень важно, чтобы в эти тревожные дни в незнакомом месте с ней рядом был кто-то из своих.

Мы обеспечили доставку мяса, яиц, молока, достали глюкозы и витаминов, не считая лекарств, которые ежедневно приносил ветеринар.

Джулиан был очень внимателен: он принес мне тюфяк и постель, сказал, что будет каждое утро

доставлять завтрак, и предложил мне в середине дня, когда Пиппа спала, принимать ванну у него в доме.

Приходилось все время давать ей снотворное, чтобы она не металась и чтобы хоть немного облегчить боль. Температура у нее все еще держалась, а нос был холодный, как лед, и питалась она только глюкозой, яйцами и молоком. Я купила для нее две полотняные простыни и стирала каждую простыню, как только она пачкалась, а сено меняла, чтобы в клетке Пиппы не было ни блох, ни тяжелого запаха. Еще я купила маленький складной столик и стул и печатала письма, сидя рядом с ее клеткой, когда она спала. В первые дни я почти постоянно следила, чтобы она не начала рваться, стараясь освободиться от докучливого гипса, и то и дело мне приходилось держать ее. Каждый раз, когда эта «борьба» кончалась, Пиппа лизала мне руки — те самые руки, которые только что крепко прижимали ее к земле, чтобы она себе не повредила; казалось, она благодарит меня за помощь. Иногда она даже мурлыкала, когда доктор возился с ней; он приходил два раза в день. Как только ей сделалось чуть легче, она стала откликаться на «чириканье» маленьких гепардов, которые все еще звали свою мать. Я отдала бы что угодно, только бы знать, о чем они там переговариваются. Было совершенно очевидно, что они утешают друг друга, хотя малыши не могли видеть Пиппу. Однажды она встала лапами на подоконник и увидела за стеклом пару медведей, которых держали на выгоне напротив больницы. Это были единственные «чужаки» среди африканских животных, и она наблюдала за ними с живейшим интересом. С тех пор мне пришлось каждое утро помогать ей вставать на задние лапы, чтобы она не повредила больную переднюю, и она подолгу не сводила глаз с мишек.

Через четыре дня температура у нее упала, ела она отлично, мурлыкала, когда я ее кормила, и часто

тихонечко приговаривала «нъям-нъям-нъям». Раньше эти звуки произносила только Уайти, когда ей уж очень нравилась еда. И это было как раз тогда, когда она тоже сидела в клетке со сломанной лапой. Состояние Пиппы настолько изменилось к лучшему, что врач решил спокойно уехать на два выходных дня, хотя на всякий случай дал мне адрес другого ветеринара.

На следующее утро Пиппа беспокойно металась. Она непрерывно лизала верхний край гипсовой повязки, и мне никак не удавалось перевернуть ее — она хотела, чтобы сломанная лапа обязательно была сверху. Я измерила ей температуру — 40°. Я встревожилась и вызвала ветеринара. Он в десять часов утра впрыснул ей антибиотик и сказал, чтобы я вызвала его, если температура поднимется, однако он предупредил, что будет свободен только до ленча.

В три часа дня температура у Пиппы подскочила до 41°. Но на наше счастье как раз в это время в больницу пришел навестить больных животных ветеринарный фармаколог, которого я хорошо знала. Он понюхал лапу Пиппы — запах был тяжелый. Потом он надавил на гипс, и из-под него стал просачиваться гной. Он был так добр, что принялся обзванивать всех ветеринаров в округе, но было воскресенье, и только в пять часов он наконец застал одного из врачей дома. Этот ветеринар приехал одновременно с нашим лечащим врачом — тот вернулся из своей воскресной поездки раньше назначенного времени. Усыпив Пиппу, ветеринары сняли гипс. От локтя до кончиков пальцев вся нога была поражена гангреной, и в том месте, где край гипса врезался Пиппе в плечо, когда она старалась его сбросить, зияла большая дыра, полная гноя. Кое-где лапа была еще покрыта шерстью, но она отставала, как вата, при самом легком прикосновении. Оба врача считали, что положение безнадежное — кровообращение нарушено, лапа омертвела: не пройдет

и трех дней, как мясо отвалится, а кости начнут гнить. Оба считали, что ее нужно немедленно усыпить. В ужасе я потребовала, чтобы вызвали для консультации еще одного ветеринара. А он мог прийти только утром на другой день.

Все время Пиппу держали под наркозом и вводили ей антибиотики. Но несмотря на это, ночь прошла очень плохо, и я четыре раза меняла повязку.

Все мои надежды были связаны теперь с четвертым ветеринаром. Он появился около полудня, внимательно осмотрел Пиппу и сказал, что лапу, пожалуй, можно спасти, но предупредил меня, что Пиппа может навсегда остаться калекой. Мне приходилось видеть некоторых животных, в том числе и хищников, которые выживали на свободе потеряв одну лапу или глаз. Что же, пусть Пиппа никогда больше не сможет охотиться — она окажет мне неоценимую помощь в работе: станет посредницей между мной и гепардами, которых я собираюсь выпускать на свободу, и, может быть, она проживет почти на свободе еще лет десять.

Посоветовавшись с первым ветеринаром, двое из них условились, что будут работать вместе: самый первый будет приходить по утрам, а четвертый и последний — поближе к вечеру; они решили обмениваться записками, чтобы знать, какое проводится лечение. Четвертый ветеринар приступил после этого к перевязке, наложил повязку с фуруоциновой мазью и прописал каолиновые компрессы, чтобы прекратить распространение гангрены.

Все это превратилось в мрачный ритуал. Первый врач приходил утром, осматривал рану и давал Пиппе снотворное на весь день. Я была очень благодарна ему за помощь: оставлять в живых такое искалеченное животное, как Пиппа, не входило в его правила. Но все же его пессимизм очень меня угнетал. После его посещения я начинала кормить Пиппу сырым мясом,

яйцами и молоком; каждые десять минут согревать компрессы и менять повязку; то и дело вводила ей при помощи шприца или клизм раствор глюкозы с солью — надо было бороться с обезвоживанием организма; кипятила шприц, непрерывно стирала простыни и чистила клетку. В недолгие перерывы я сидела возле Пиппы, гладила ее или чистила щеткой — это ей всегда очень нравилось. Иногда у нее внезапно вырывался душераздирающий стон — она звала своих детей; иногда ее глаза с расширенными зрачками впивались в меня, но и в этом полубессознательном состоянии она узнавала меня и успокаивалась.

После пяти часов приходил четвертый ветеринар, делал ей перевязку, проверял, как работает сердце, и давал снотворное на ночь. Он так же, как и я, верил, что Пиппа выздоровеет. Мы оба надеялись, что сумеем вытащить ее из этого тяжелого кризиса, нам помогут и ее изумительная выносливость, и лучшие современные лекарства.

Но иногда выпадали очень тяжелые ночи. Моя постель была на полу, как и ложе Пиппы, и до меня доносился даже самый слабый стон; после этого часто наступали конвульсии, сотрясавшие ее тело до полного изнеможения. Несмотря на то, что я придерживала ее, стараясь противодействовать судороге, пробегавшей по всему телу от головы до хвоста, — я чувствовала эту волну под своими руками, — она все-таки часто во время припадков срывала повязку, и мне нужно было как можно скорее продезинфицировать раны и снова сделать перевязку. Когда же ей выпадали такие редкие теперь часы спокойствия, уснуть было все равно совершенно невозможно — больные животные в соседних клетках жалобно кричали. Я лежала без сна, дожидаясь крика петуха — он звучал обычно в пять утра, и немного спустя я слышала стук в дверь —

работники госпиталя готовы были приступить к обычному труду.

Долгими бессонными ночами я думала о том, как выразить благодарность всем этим людям, которые так много помогали Пиппе, как мне отблагодарить их за то, что они позволили мне оставаться рядом с ней и днем, и ночью. Мне пришлось пользоваться здешней аптечкой, и я заметила, насколько она скудна, поэтому я решила основать фонд и дать ему имя Пиппы, чтобы на эти средства обеспечить лекарствами больницу и лечение зверей в зарослях, если это понадобится. Нужно было обсудить этот вопрос с доверенными лицами, ответственными за Фонд Эльсы, и я заранее решила заняться этим, как только представится возможность.

Видеть страдания животных всегда было для меня настоящей пыткой, но сейчас эта мука стала невыносимой — страх за жизнь Пиппы как будто обнажил все мои нервы, и они были напряжены до предела. Особенно тяжело было слышать, как кричал от боли один маленький львенок; мне казалось, что еще немного, и я не выдержу. Ночь за ночью я видела, как он все кружится и кружится по клетке с опущенной головой, пока не свалится, не зароется мордочкой в сено, да так, что едва не задыхается. В те редкие минуты, когда Пиппе становилось легче, я брала несчастного малыша на колени и старалась хоть как-то утешить его.

Четыре ночи бедное маленькое существо мучилось, борясь со смертью, а потом его не стало. С какой горечью я смотрела вслед людям, выносившим мертвого львенка, а вместе с ним дукера, антилопу-пала и двух гепардов — все они погибли в эту же ночь. Но хотя эти ужасные случаи переворачивали мне душу, я все больше и больше верила в то, что Пиппа выживет. Я видела, что она ест с аппетитом, рана ее становилась все чище и больше не пахла, и даже кровообращение

восстановилось почти во всей лапе. Видеть, как день ото дня ей становится лучше, — это было похоже на чудо! Только бы кости остались здоровыми, только бы сердце выдержало огромные дозы снотворного — и она спасена.

И чем лучше она себя чувствовала, тем труднее мне было понять нашего первого ветеринара. Он, как и раньше, считал, что я не имею права настаивать на том, чтобы Пиппа оставалась в живых, что это чистейший эгоизм, если не проявление садизма и жестокости... Он был уверен, что всякое лечение — напрасная потеря времени, и недавно наотрез отказался мерить Пиппе температуру — все равно, мол, она скоро подохнет. Но как ни тягостны были для меня его визиты, он все же заходил по утрам, потому что второй ветеринар был слишком занят, чтобы дважды в день ездить в больницу за восемь миль и давать Пиппе снотворное по утрам. Тем временем известие о несчастье с Пиппой уже распространилось, и нас стали навещать друзья, они предлагали посидеть с Пиппой, чтобы я могла лишний раз принять ванну; они одолжили мне свою машину, и теперь можно было ездить на ней в дом Джулиана, и вообще они старались скрасить мое существование; навезли мне посуды и все время приносили всякие вкусные вещи.

У меня появилось множество новых друзей и среди них — Лью Хэркстал, студент-зоолог из США. Он приехал поблагодарить меня за стипендию, которую ему назначил Фонд Эльсы, чтобы дать ему возможность изучать страусов в национальном парке Найроби. Занятия в университете еще не начинались, и он предложил мне бегать, когда надо, за покупками и вообще готов был выполнять любые поручения.

Однажды меня навестил мой друг, доктор Джеральд Невилл. Его очень беспокоила моя рука, и он требовал, чтобы тут же, в больнице, я проходила

физиотерапевтические процедуры. Операция, сделанная в Лондоне, прошла хорошо, но теперь рука сделалась малоподвижной, а пальцы плохо разгибались — кожа и кости стали срастаться с пересаженными сухожилиями. Поэтому пальцы у меня скрючились. Доктор настаивал, чтобы я надевала шину хотя бы по ночам, надо было выправить руку, но я никак не могла пойти на это: я и так несла предельную нагрузку, и хорошо, если мне удавалось урывками поспать в общей сложности хоть пять часов, не хватало еще этой сковывающей движения шины!

А тем временем лапа у Пиппы подживала, и теперь ей угрожала уже не сама рана, а чрезмерные дозы успокаивающих лекарств, которые ей приходилось вводить ежедневно. Долго ли еще ее сердце сможет выдержать натиск этих сильнодействующих средств? Тот ветеринар, который приезжал вечером, ввел ей лекарства, поддерживающие сердце и печень, соответственно уменьшив дозу снотворного, и посоветовал мне дать ей еще дозу, только в случае крайней необходимости.

Ночью в одиннадцать часов Пиппа начала рычать, а потом ее тело стали сводить судороги, такие долгие и сильные, что мне пришлось впрыснуть ей остатки снотворного; после этого она спокойно уснула.

Наутро температура у нее упала ниже нормальной. Вечерний доктор очень беспокоился за ее сердце и решил попробовать другое снотворное, которое, как он считал, не имеет такого серьезного побочного действия.

Он снова ввел минимальную дозу, а остальное велел ввести в случае необходимости.

И я тоже чуть не попала в число его пациентов. В этот день я обварила правую руку кипятком, и теперь пузыри стали лопаться. Он волновался, что в эти открытые раны попадет инфекция, когда я буду

перевязывать лапу Пиппы, и потребовал вызвать врача, чтобы сделать мне уколы пенициллина и противостолбнячной сыворотки. Врач появился в восемь часов вечера, и к тому времени мы оказались во тьме в самом прямом смысле слова: в больнице не хватало электроэнергии. Так что сначала нужно было найти сторожа, чтобы он отпер контору Национального парка, и там врач принялся за лечение. Получив оба укола, я сразу же вернулась к Пиппе, чтобы рядом с ней снова нести в темноте свою бессонную вахту.

Пиппа ослабела и дышала очень медленно, но ночь прошла спокойно и дополнительного снотворного не понадобилось. Тревожно вслушиваясь в ее дыхание, я вдруг уловила слабое чириканье, похожее на зов маленького детеныша гепарда. Больница все еще была погружена во тьму, и я не могла понять, откуда исходит этот звук. Он показался мне тем более загадочным, что всех молодых гепардов уже несколько дней как перевели в новое помещение. Но я ни с чем не могла спутать зов маленького гепарда — должно быть, новичка принесли, пока я уходила делать уколы.

Я прижимала Пиппу к себе, чувствовала, как слабо бьется ее сердце, и призывы маленького гепарда вселяли в меня тревогу.

На другое утро Пиппа дышала нормально, но температура все еще была пониженной: 37,5°. Я сказала об этом утреннему доктору — именно сегодня он был необычайно любезен. Глядя, как я скармливаю Пиппе полуфунтовый кусок мяса, он ввел ей снотворное и полную дозу сернилана. Я хотела дать Пиппе еще мяса, но она закрыла глаза и опустила голову на подстилку. Я спросила, почему она перестала есть, ветеринар ответил, что она, должно быть, устала, и с этими словами ушел.

Больше Пиппа не проснулась. Это было 7 октября.

Немного позже пришел Лью Хэркстал. Он проявил глубокое участие и предложил отвезти нас в Меру, чтобы можно было похоронить Пиппу там, в ее лагере. Потом он пошел делать деревянный ящик для Пиппы, купил сухого льда, чтобы выложить его изнутри, и нанял лендровер, потому что тяжелый громоздкий ящик не поместился бы на багажнике легковой машины.

А я тем временем послала радиogramму Джорджу с просьбой встретить нас в лагере Пиппы и приготовить лопаты.

Когда мы выносили Пиппу из больницы, меня преследовало чириканье маленького гепарда — он все звал, звал, звал, пока шум мотора не заглушил его голос.

Дорога в Меру была долгой, и у меня было достаточно времени, чтобы вспомнить все, что произошло за эти семнадцать дней. Я знала теперь, что Пиппу можно было бы спасти, если бы ей наложили легкую, металлическую или, еще лучше, пластмассовую лангету, тогда можно было бы каждый день осматривать ее лапу. Если бы мы применили такую съемную лангету, Пиппа могла бы остаться в Меру — в вольере Уайти, в знакомой обстановке, и все неудобства вынужденного заточения были бы сведены к минимуму.

Мне не терпелось узнать, как там Биг-Бой, Тайни и Сомба. Бен писал мне, что 23 сентября, в тот день, когда я уехала из Меру, директор видел их на взлетной полосе; они были в полном здравии и с полными животами. На следующей неделе мужчины несколько раз находили следы гепардов, а один раз наткнулись на кости молодого водяного козла, окруженные следами гепардов. Но только через девять дней они нашли молодых на скалистой гряде примерно в двух милях от конторы. Гриф навел их на остатки туши дукера, и тут они заметили наших гепардов под кустом в нескольких ярдах от добычи. Когда Бен подошел, они замурлыкали

и, судя по всему, были страшно рады снова с ним повидаться спустя двадцать дней после того, как все мы были вместе в последний раз.

Через полчаса Тайни встал, за ним поднялся Биг-Бой, а потом и Сомба, и все стали очень медленно пробираться через дремучие заросли.

Стоило Тайни остановиться — и все останавливались; когда он трогался дальше, они шли следом. Очевидно, он оттеснил Биг-Боя с места вожака, но тем не менее оставался самым недоверчивым — двое других легко позволили Бену дотронуться до себя. Так они брели и брели, пока не стало слишком жарко, тогда они устроились на отдых. Немного спустя мужчины пошли домой перекусить и вернулись после пяти, захватив молоко. Вся тройка по-прежнему была под тем же деревом. Сомба разрешила Бену возиться с ней, пока не стемнело. И с тех пор ни одного следа молодых не попадалось целых восемь дней.

Мы приехали в лагерь под вечер. Джордж с помощниками уже приготовил могилу для Пиппы — рядом с каменным холмиком, под которым лежал ее сын. Над ними обоими простиралась тень дерева — как часто она с детьми играла здесь, внимательно следя за всем, что творилось у нас в лагере.

Мужчины встретили Пиппу молчанием, и по этому молчанию я поняла, как много значила для них ее смерть.

Мы опустили ее в яму, но прежде чем ее гроб начали засыпать землей, я положила на него три камешка — как символы Тайни, Биг-Боя и Сомбы.

Пусть Пиппа спит мирно. Удивительный покой внезапно снизошел на меня.

Важнее всего для меня было то, что Пиппа покоится здесь, в родном для нее мире, Я знала: отныне она навсегда останется рядом с нами и это придаст мне силы выполнить все, что я задумала сделать ради нее.

Я снова встречаю детей Пиппы

Нам предстояло самое важное и неотложное дело — найти детей Пиппы.

Наши мужчины с утра пошли по их следу; от моста через Ройоверу он тянулся две мили вдоль дороги, а возле взлетной полосы затерялся.

Мы не хотели тратить время даром, и поэтому мужчины на следующее утро вышли пораньше, пока я распаковывала чемоданы. Но не успела я разложить вещи, как к нам пожаловала группа американских туристов — все хотели получить мой автограф и непременно сфотографироваться вместе со мной. Мне не привыкать к налетам совершенно незнакомых людей, которые думают, что моя жизнь в лагере — нечто вроде общедоступного аттракциона, и не считают нужным хоть сколько-нибудь считаться со мной. Обычно я старалась по мере возможности идти навстречу таким непрошеным гостям, но на сей раз я почувствовала, что это мне не под силу, и объяснила их гиду, в чем дело. Они видели мои распухшие, покрасневшие веки, видели свежую могилу — ну что им стоило оставить меня в покое? Так нет — они уселись и, треща без умолку, то и дело нацеливали в упор мне в лицо свои фотоаппараты и выжимали из меня «улыбочку»!

В полдень мужчины вернулись — никаких новостей о гепардах! После ленча Локаль и Стенли начали искать с того места, где они бросили след, а мы с Джорджем отправились в другую сторону. Тем временем Бен повез Лью Хэркстала к водопаду Адамсона на реке Тана. Мы давно уже заметили там большие гранитные плиты, они громоздились по краю стремнины, и течение отполировало их до блеска. Я решила, что из них получится хорошее надгробие на могиле Пиппы.

Еще несколько дней мы продолжали поиски, разделившись на два отряда, но наши гепарды словно сквозь землю провалились. За это время мы сделали высокое надгробие из крупных камней и обложили его плитами гранита с Таны. Лью нужно было возвращаться в Найроби, и он захватил с собой самую красивую плиту, чтобы высечь на ней имя Пиппы и даты ее жизни. Позднее мы поместили эту плиту в центре надгробия и залили все промежутки цементом, так что даже слону не под силу его разрушить, и в довершение всего выкололи всю траву вокруг могил Пиппы и ее сына. Его маленький холмик словно прижался к большому надгробию Пиппы. Почему я воздвигла такие торжественные гробницы для Эльсы и для Пиппы? Ведь меня, чего доброго, могут обвинить в склонности к мрачным переживаниям. Пусть обвиняют — я все же хотела выразить свою признательность этим животным за то, что они позволили мне принять такое близкое участие в их жизни.

Джорджу только что дали разрешение остаться в заповеднике и переехать в мой лагерь. Когда он приехал к нам со всем своим имуществом, мы увидели вдалеке облако дыма: оно поднималось оттуда, где он прожил четыре года и где всего час назад был его дом. Мы ничего не сказали друг другу — слова здесь помочь не могли. Как мне было жаль Джорджа...

Бен уехал с Лью Хэрксталом на две недели — он заявил, что «пора отдохнуть». Но это, к сожалению, означало, что нам уже не под силу будет обыскать такую территорию, как раньше, когда мы выходили двумя отрядами. Стояла страшная жара, и разыскивать следы с утра до вечера было невероятно утомительно. Чтобы не разболелась голова, я применяла единственное доступное средство: прямо в одежде бросалась в каждую речонку, около которой нам случалось проходить; к этой системе охлаждения я

прибегала каждый раз, как только успевала обсохнуть на ходу. Лишь теперь я по-настоящему поняла, что именно Пиппа служила связующим звеном между нами и молодыми гепардами: они терпели наше присутствие только потому, что так хотела Пиппа. Я не сомневалась, что очень часто они нас прекрасно слышали, но ни разу не откликнулись на мои призывы, хотя я звала их все время, бродя по зарослям день за днем.

Два раза мы находили след одинокого гепарда, и однажды невдалеке от него увидели очень темного самца. Может быть, это был супруг Пиппы? Он перешел через дорогу в миле от лагеря и скрылся возле Мулики. Мы надеялись, что он поможет нам найти молодых, и пошли по его следу, но тут мы наткнулись на пару львов, а это означало, что искать гепардов в этих местах совершенно бесполезно.

Во время поисков мы нашли мертвую слониху. Туша еще была покрыта в некоторых местах затвердевшей, высохшей кожей, а оба клыка лежали в нескольких сантиметрах от головы. Судя по этим признакам, она умерла естественной смертью. А вот жираф, которого мы нашли примерно в миле от границы заповедника, вряд ли встретил такой мирный конец. Хвост у него был отрезан (может быть, на опахало от мух?) и шкура кое-где вырезана ножом — тут явно поработали браконьеры.

Однажды мы шли по зарослям, как всегда поглощенные поисками следов, и наскочили на двух львов, расправлявшихся с тушей буйвола; и они тоже ни на что не обращали внимания, кроме своей добычи. Всех нас эта встреча застала врасплох, но, на наше счастье, львы убежали. Мы подумали, что Джорджу будет интересно узнать, не из его ли подопечных эти два льва, и поэтому вернулись за ним в лагерь. Путь туда и обратно занял у нас пять часов — львы за это время успели набить себе животы так, что чуть не

лопались, и теперь отдыхали возле остатков добычи. Но один лев, помоложе, несколько раз бросался к туше, чтобы отогнать падальщиков, облепивших все деревья поблизости, — они ждали, когда придет их черед. Среди них были грифы Рюппелля с бело-розовыми шеями и, конечно, вездесущие марабу. Когда Джордж подъехал достаточно близко, он увидел, что эти львы не из его прайда, и мы предоставили им пировать на свободе, а сами отправились на поиски детей Пиппы. Час спустя мы снова проезжали мимо буйволиной туши. Львов уже не было, зато грифы сбились в одну кучу, наступая друг на друга, чтобы урвать последние съедобные волоконца с почти начисто обглоданных костей.

Интересно, что на этот раз горловые мешки марабу были раздуты, а я точно помнила, что, пока они сидели на деревьях, эти мешки были нормального размера. Существует масса теорий относительно того, по какой причине и в каких именно случаях эти мешки, находящиеся спереди на шее марабу, наполняются воздухом, только до сих пор все эти теории остаются неубедительными.

Близились время дождей, и снова пора было жечь траву. У директора не хватало людей для этой работы, особенно в отдаленных районах, и он был очень рад, когда мы предложили поджечь траву на нескольких равнинах — все равно мы заезжали туда в поисках гепардов. Особенно хорошо мы изучили к тому времени местность, расположенную между притоками Ройоверу. Однажды, предусмотрительно определив направление ветра, мы бросили несколько спичек в траву между двумя речушками, и высохшая, как солома, трава вспыхнула и занялась огнем с такой неопишуемой скоростью, что нам пришлось сломя голову нестись к ближайшей речушке. Мы добежали до нее в последнюю

минуту и бросились в воду, не разбирая пути, жаркое пламя уже бушевало у нас за спиной.

Выбравшись на другой берег, мы оказались в густейшем колючем кустарнике, обильно унавоженном слонами и носорогами; мы слышали, как животные фыркают и ломаются сквозь чащу, казалось, со всех сторон. Да, положение было хуже не придумаешь: если бы мы встретили один из этих живых танков, податься нам все равно было бы некуда. Но в этом и без того мало приятном положении я еще обнаружила, что у меня на ноге глубокая царапина — я очень неловко прыгнула в реку, и теперь кровь противно хлюпала у меня в ботинке. Но мне было не до царапины, надо было как можно скорее выбираться из этого колючего сплетения ветвей: если огонь перекинется через реку, мы окажемся в западне. Выбравшись наконец на относительно открытую местность, мы едва не наткнулись на спящего носорога. Он был потрясюще похож на термитник, так что мы почти наступили на него, но тут он вскочил, развернулся и со сварливым фырканием скрылся в колючем аду, из которого мы только что выбрались.

Разглядывая многочисленные кровавые царапины, я позавидовала толстокожему зверю, хотя его излюбленное местообитание никакой зависти у меня не вызывало.

Когда возвратился Бен, мы снова разбились на пары и выходили на поиски в разные стороны. Но дни шли за днями, а нашей тройки не было и в помине. Словно специально, чтобы досадить нам, на территории Пиппы появились два одиноких гепарда: один — возле Кенмера, а второй — на Ройоверу, поблизости от взлетной полосы. Их следы ввели нас в заблуждение, и, только увидев этих гепардов, мы поняли, что попусту потратили несколько дней.

Хлынули дожди, и не всегда удавалось разыскать след. В довершение всех неприятностей у Бена разболелась поврежденная раньше коленная чашечка, ему нужно было срочно ехать лечиться в Найроби. Мы поехали в управление заповедника заправиться бензином на дорогу, и там нам сказали, что рано утром детей Пиппы видели возле водокачки, примерно в полумиле от конторы. И что же — там оказались отпечатки лап всех троих. Не сводя глаз с каменистой почвы, мы продвигались по следам шаг за шагом и шли так целый час, выкрикивая имя Пиппы. Вдруг я увидела, что мимо бежит малый куду. Глядя в бинокль на эту прелестную антилопу, я внезапно почувствовала, что и меня тоже разглядывают. Обернулась — и увидела Тайни, Сомбу и Биг-Боя: они высунулись из травы в нескольких ярдах от меня. Может быть, они гнались за этим куду? Было сразу видно, что они голодны. Мы дали им молока — молоко мы носили с собой постоянно, — и они с жадностью вылакали его, все одновременно засунув головы в небольшую миску; так они пили, когда были совсем маленькими.

Теперь я увидела, как они выросли за последние недели и как прекрасно выглядят. Бен вызвался сходить со Стенли за козой, так что мне можно было остаться с гепардами и отпраздновать эту новую встречу.

Гепарды пошли к тенистому дереву, я — за ними, а Локаль — немного поодаль; вскоре все мы уселись в тени. Тайни и Биг-Боя быстро сморила полуденная жара, но Сомба не пропускала ни малейшего моего движения и моментально отшатывалась, когда я пробовала чуть-чуть подвинуться к ней. Конечно, малыши не видели меня больше полугода, если не считать то утро 46 дней назад, когда Пиппа была вместе с нами в последний раз.

С тех пор как Бен видел наших гепардов возле убитого дукера, прошло 25 дней. И хотя я знала, что они уже умеют самостоятельно охотиться, в эти последние недели я все время мучилась неизвестностью: что с ними, живы ли они? Всего час назад я молилась, чтобы мы нашли их здоровыми, — и вот мои надежды сбылись.

Нас окружал теперь мир и покой; меня переполняло чудесное чувство освобождения от страха и напряжения прошедших недель. Не знаю, почему только рядом с животными меня охватывает ощущение бесконечного покоя...

Я была бы совершенно счастлива, если бы Пиппа сейчас была вместе с нами. Но пусть физически ее больше нет, я чувствовала ее присутствие здесь, рядом, и мне хотелось верить, что это она помогла нам найти наших малышей, которые прибежали, услышав ее имя. Это было полно глубокого значения, и я решила, что отныне имя Пиппы всегда будет связывать меня с ее детьми. Ведь в каждом из них осталась жить какая-то ее милая черта. Биг-Бой вместо нее стал с любовью заботиться о своем семействе: ласково вылизывая брата и сестренку, он успокаивал их. Они ложились рядом и прижимались к нему, как раньше к Пиппе. Тайни сохранил все присущее ей обаяние и доверчивую серьезность, а Сомба бдительно ловила малейшие признаки опасности, охраняя семью с материнской заботой.

Внезапно все трое вскочили и стали смотреть в одну сторону — и вскоре оттуда появились Бен и Стенли с козьей тушей. Малыши тут же вцепились в нее и поволокли под куст — а то налетят крылатые падальщики. Через полчаса от туши осталось только несколько клочков шкуры, немного костей и голова. Я хотела раздробить череп, чтобы малыши могли съесть и мозг, но Сомба тут же бросилась на защиту — опустила морду и так молниеносно замахнулась на меня

передними лапами, что я поскорее бросила козью голову. Я попыталась отвлечь ее и протянула ей на кусочке шкуры мозг, который Локаль достал из костей.

Она понятия не имела, что с ним делать, зато Тайни сразу насторожился.

Он всегда считал, что имеет особое право на костный мозг, и мигом бросился к своему любимому лакомству, но в ту же минуту за ним погнался Биг-Бой — он ни за что не хотел пропускать такое развлечение.

Они вцепились в шкуру и, свирепо рыча, дергали ее в разные стороны, разбрасывая мозг, пока Тайни наконец не прошествовал триумфальным маршем с большим куском шкуры, а Биг-Бой унес крохотный кусочек — все, что ему досталось. Этот кусочек он утопил в миске с молоком и уселся рядом охранять свою добычу; потом ему стало скучно, он вылакал все молоко и ушел. Тайни тут же сцапал кусочек шкуры и проглотил. Я не могла глаз отвести от наших малышей, так что потеряла всякое представление о времени и засиделась возле них до самой темноты, когда ничего уже не было видно и пришлось уйти домой.

Гепарды помогают спасти Боя

На следующий день рано утром Бен выехал в Найроби, а мы с Локалем нашли гепардов на каменистой гряде примерно в миле от управления заповедника, неподалеку от того места, где расстались с ними накануне.

Мы накормили всех троих, и они отправились к тенистой акации, чтобы подремать в полуденную жару. Я уже знала, что немного попозже они с удовольствием съедят и добавку, и поэтому пошла за ними, захватив остатки мяса. Я села совсем близко к гепардам и успела сделать множество фотографий.

Но вот снова у меня появилось ощущение, что на меня кто-то смотрит, и я стала разглядывать местность в бинокль, пока не заметила льва — он лежал в траве ярдах в ста от нас. Лев смотрел прямо на меня и не шевелился. Трава почти скрывала его, но, насколько я могла рассмотреть, он был так чудовищно худ, что выпирали ребра. Потом я заметила, что у льва под глазом, дюймов на пять ниже, торчит игла дикобраза. Я хорошо знаю, какую смертельную опасность таят в себе эти иглы для любого хищника, который не прочь полакомиться вкусным мясом дикобраза, и сразу поняла, что этот отощавший лев серьезно пострадал.

Должно быть, у него и в лапах полно игл, так что каждое движение причиняет зверю мучительную боль, если только он вообще в силах двигаться.

А наши гепарды совершенно не замечали этого соседства и преспокойно ели мясо. Как же мне заставить их уйти отсюда и не напугать при этом?

Я сделала знак Локалю подойти поближе ко мне — он еще не заметил льва.

Мы с ним устроились между львом и гепардами и наблюдали за их поведением. Наконец Тайни что-то заподозрил. Уставившись на льва, он вдруг с каким-то странным стонущим рычанием бросился прочь, а за ним понеслись Биг-Бой и Сомба. Я облегченно вздохнула: хорошо, что они сами заметили льва, мне совсем не хотелось нарочно пугать их, ведь разрушить установившуюся между нами хрупкую связь было так легко.

Я принялась звать льва, повторяя имена львов Джорджа — Бой и Сасва, но лев даже ухом не повел, хотя смотрел на меня, не отрываясь. Его поведение меня совершенно озадачило: невероятно, чтобы так вел себя любой лев — все равно, дикий или принадлежащий к прайду Джорджа.

Оставлять раненого льва в такой близости от управления заповедника было нельзя, и я послала Локаля в обход к нашей машине, а сама пошла в контору — до нее было около мили, — чтобы поговорить с директором.

Каково же было мое удивление, когда в кабинете директора я увидела Джорджа — они как раз обсуждали, что делать с Боем дальше. Выслушав мой рассказ, Джордж очень встревожился: три недели назад, когда Боя видели в последний раз в пяти милях отсюда, он сильно хромал, а с тех пор его не могли найти. Когда я сказала, что лев, как видно, ранен иглами дикобраза, директор заметил, что девяносто процентов львов, которых ему пришлось пристрелить, были искалечены таким образом. Из одной львицы он вытащил шестьдесят игл! Он всегда старается при малейшей возможности спасти жизнь несчастным животным и этому льву тоже попытается помочь, но все же возьмет с собой крупнокалиберную винтовку на тот случай, если наша помощь подоспеет слишком поздно...

Мы поехали к акации — лев оставался на том же месте. Но как только директор вышел из машины, лев заворчал и проковылял несколько ярдов до куста, стараясь спрятаться подальше. Теперь мы увидели, что его правая передняя лапа невероятно распухла, рядом с ней особенно жутко выглядели выпирающие позвонки и тазовые кости; мы видели, что несчастный зверь почти подыхает с голоду. Джордж тихонько подвел машину поближе. Чуть погодя он вышел, налил воды в старый стальной шлем — эта не поддающаяся никаким зубам поилка служила еще Эльсе — и протянул воду льву. Дверь лендровера оставалась открытой. Не успели мы и глазом моргнуть, как лев забрался в кабину и растянулся на сиденье.

Джордж налил ему еще воды, выманил обратно и помог улечься рядом со знакомой поилкой. Потом он выдернул иглу и вернулся к нам. Держа в руке иглу, Джордж произнес одно только слово: «Бой». Я очень хорошо знала, о чем думают Джордж и директор, хотя оба они молчали. После того как Бой напал на сынишку директора, тот, отбросив в сторону все свои личные чувства, все же разрешил оставить Боя в заповеднике, но если ему случалось встретить Боя поблизости от управления, он всегда отгонял его взрывами небольших шашек. И вот теперь представилась реальная возможность покончить со львом, который причинил ему столько неприятностей. Молчание затянулось. Потом директор заговорил — он был согласен помочь Бою. Он сказал, что радирует в Найроби, вызовет ветеринара — пусть впрыснет Бою снотворное и поставит диагноз. Я отправилась в лагерь за мясом и сульфатиазолом, а Джордж остался рядом с Боем.

Когда я вернулась, директор уже успел узнать, что врач сможет прилететь только на следующий день. Но оставлять Боя было нельзя, он стал бы легкой добычей для хищников, и поэтому Джордж решил дежурить

около него всю ночь. Он поехал за необходимыми вещами, а я пока охраняла Боя. За последние годы мы почти не виделись, и все же Бой признал во мне друга и разрешил сидеть в нескольких ярдах от него. Он глядел на меня немигающими глазами — все это утро он не сводил с меня глаз, но я видела, что он мне доверяет.

Животные гораздо лучше, чем мы, люди, чувствуют, как относятся к ним другие существа, и никогда не ошибаются; только людям можно заморочить голову словами. Я искренне удивлялась, когда первый ветеринар в приюте для животных каждый день задавал мне вопрос: неужели Пиппа еще не укусила меня? Я видела его удивление, когда рассказывала, что Пиппа всегда лижет мне руки и неизменно мурлыкает во время лечения. А ведь нередко мои перевязки причиняли ей боль, но она знала, что я хочу помочь, и не просто терпела, а еще и благодарила меня. Вот и сегодня Бой с таким же доверием отнесся к Джорджу — позволил ему выдернуть иглу и потрогать распухшую лапу. Других игл Джорджу найти не удалось, но он считал, что они могли впиться очень глубоко и из-за них лапа так раздулась.

Сидя рядом с Боем, я думала о том, какая невероятная цепь совпадений привела меня сюда. Вначале мы в течение сорока шести дней искали наших гепардов, чтобы успеть найти их до начала дождей — тогда уж идти по следу станет почти невозможно. Потом у Бена разболелось колено, нам пришлось ехать за бензином в управление заповедника — и это было в то самое утро, когда поблизости видели наших гепардов.

Потом гепарды привели меня к тому месту, где лежал Бой, а если бы я не нашла его именно в этот момент, он, безусловно, был бы обречен на гибель. Ведь он был ранен по крайней мере три недели назад и притащился к ближайшему жилищу людей, когда

понял, что ему не справиться со своими ранами. И наконец, еще одно совпадение во времени — директор и Джордж встретились как раз тогда, когда они оба были совершенно необходимы, чтобы спасти жизнь Боя и когда любое промедление погубило бы его.

Джордж провел ночь возле Боя — все обошлось спокойно — и дождался ветеринара. Усыпив Боя, ветеринар установил перелом правой плечевой кости и смещение в плечевом суставе. Вряд ли что-нибудь хуже этого могло случиться с хищником, который пользуется по преимуществу правой лапой. Директор, Джордж и ветеринар условились, что Бою сделают операцию в разоренном лагере Джорджа: проволоочная сетка там уцелела и можно было устроить хороший вольер. Три дня Бой проведет в вольере, а потом Джордж выпустит его и две недели будет следить за выздоровлением. Если по истечении этого срока Бой сможет снова совершенно самостоятельно жить на свободе, Джордж предоставит его самому себе; если же он к тому времени не поправится, Джордж обязан удалить льва из заповедника, иначе его придется уничтожить.

После этого разговора ветеринар вернулся в Найроби за необходимыми для такой серьезной операции инструментами, а Джордж отвез Боя в свой прежний лагерь. Там он устроил его в палатке, а сам ночевал рядом, в лендровере. Так прошло четыре дня. На пятое утро вернулся врач с ассистентом. До сих пор никто не отваживался оперировать льва прямо в полевых условиях, да еще в такой первобытной обстановке. Джордж натянул полотняный тент, под ним поставили в ряд три походных столика — они должны были изображать операционный стол. Бою ввели наркотик, взвалили его на эти столики, потом выбрили и хорошенько продезинфицировали поврежденные места вокруг перелома. Чтобы дать возможность врачу спокойно оперировать, кто-то должен был держать

голову Боя в определенном положении — надо было следить за дыханием и зрачковыми рефлексам, — тогда как другой помощник должен был в течение всей операции вводить многочисленные дозы снотворного. Еще один помощник вводил в вену на хвосте Боя раствор соли с глюкозой — так предотвращалось обезвоживание организма и шоковое состояние. Хвост закрепили веревкой, чтобы Бой им не дернул не вовремя. Затем сломанную лапу поместили в такое положение, чтобы при помощи специального блока совместить кости. Когда все было подготовлено, ветеринар сделал в разможенной ткани разрез длиной в пять с половиной дюймов, вскрыв место перелома. Но у него не было даже рентгеновского снимка, и пришлось срезать довольно много уже сросшейся ткани, чтобы добраться до кости. В костях он просверлил дырочки и продел сквозь них две спицы из нержавеющей стали. Пока удаляли ткани, Бой потерял много крови, и эту кровь нужно было постоянно убирать тампонами; кроме того, приходилось то и дело закреплять разные расширители и зажимы, чтобы кожа не закрывала рану и хирург мог спокойно работать. Когда наконец все было готово и врач уже собирался фиксировать обе стальные спицы, оказалось, что в плечевой кости очень узкая костномозговая полость, да и та почти не отличается от самой кости. Это чрезвычайно усложнило закрепление спиц, и только спустя три часа — хирург ни на минуту не прерывал напряженную работу — рану заполнили антибиотиком и зашили.

Но врачу показалось мало этой изнурительной работы — он взялся еще оперировать недавно появившуюся у Боя грыжу; Джордж смотрел на это с особым интересом и сочувствием — только что ему самому пришлось перенести подобную операцию. Ветеринар сделал небольшой разрез — ровно

настолько, чтобы вытащить наружу раздувшуюся кишку, вскрыл ее, затем удалил лишние ткани и, аккуратно зашив края стальной проволочкой, засунул обратно в брюхо Боя.

Наконец-то мы все могли передохнуть и выпить по чашке чаю. Я была восхищена ветеринаром — с каким искусством он сделал операцию при таком сложном переломе и в таких неподходящих условиях! Обычно ему ассистировали четыре ветеринара, а тут мы все помогали по мере сил — иного выхода не было.

Вскоре мы расстались, и я отправилась искать гепардов. Своей непрерывной возней в последние несколько дней мы выжили их из привычных мест, но все же в конце концов мы отыскивали их на лавовом плато между реками Муликой и Васоронги, в нескольких милях от того места, где они привели меня к Бою. Почва здесь была бесплодная, и на обнаженной земле не было никакой живности, если не считать пары носорогов. Не знаю, чем эта местность привлекла гепардов, но они бродили взад и вперед по каменистой пустыне, а мы тащились за ними с тяжелой корзиной, полной мяса, спотыкаясь о раскаленные лавовые глыбы, — и нигде ни клочка тени, куда можно было бы спрятаться, чтобы накормить гепардов.

Но нам повезло — мы нашли их на песчаном островке, где так любили играть Уайти, Мбили и Тату. У дерева, о грубую кору которого они часто точили свои когти, теперь точно так же точил когти Тайни. Как непохожи были эти великолепные молодые звери на беднягу Боя! Я молила судьбу, чтобы им никогда не пришлось испытать несчастий, постигших Боя и Пиппу. Но что я могла успеть сделать в тот короткий промежуток времени, который мне разрешили провести с ними рядом? Оставалось только напоследок как можно лучше кормить их — пусть у них будут крепкие

кости и острые зубы, когда им придется встать лицом к лицу с опасностями, подстерегающими их впереди.

Биг-Бой стал самым жадным из всех: правда, он и раньше не привередничал, а лопал все, что дадут, лишь бы побольше досталось. Он изобрел трюк — бросал свое мясо в молоко: так уж Сомба и Тайни не доберутся ни до того, ни до другого. Сомба теперь безоговорочно мне доверяла, понимая, что я всегда стараюсь ей помочь, и я держалась поодаль, только пока она ела. А Тайни до сих пор шалил со мной: он мчался ко мне за лишним лакомым кусочком, а когда я подталкивала куски потрохов палочкой прямо у него перед носом, смотрел мимо, как будто там ничего и не было, — настоящий клоун!

Через несколько дней гепарды убили молодого страуса, и мы увидели их среди разбросанных перьев птицы — морды у них были испачканы кровью, а животы набиты до отказа. Я особенно радовалась тому, что они могут прокормиться без моей помощи, — проливные дожди очень мешали нам передвигаться. Пока Бена не было, я не только разыскивала гепардов и следила, чтобы мясо всегда было наготове, если окажется, что они проголодались, ведь мне еще приходилось снабжать Джорджа и Боя всем необходимым, потому что Джордж не мог ни на минуту отойти от Боя. А они были в тридцати милях от того места, где я брала коз. Иногда мне случалось делать два конца по невероятно скользкой дороге; то и дело приходилось вытаскивать лендровер из какой-нибудь канавы, а потом снова тащиться черепахой по непролазной грязи.

Бедняга Бой — ему нужно было восстанавливать силы, и он все ел и ел, но никак не мог насытиться. С болью в сердце мы смотрели, как он торопится нам навстречу — еле-еле ковыляет к воротам своего вольера и падает без сил даже после короткого перехода. Должно быть, весть о возвращении Боя и

Джорджа облетела заросли очень быстро, и я очень часто заставляла лагерь на осадном положении — все львицы, за которыми присматривал Джордж, собирались сюда вместе со своим потомством. Они явно были озадачены, увидев Боя в столь плачевном состоянии да еще сидящего за решеткой, а он созерцал оттуда свой обширный гарем с очень грустной миной.

Маленькая Сэнди теперь не отставала от прайда, и, судя по ее шалостям и отличному виду, она снова стала полноправным членом львиной семьи. Видимо, она взяла на себя заботу о крошечных львятах другой львицы своего прайда и чрезвычайно серьезно относилась к обязанностям «тетки».

Нам было совершенно ясно, что Бой не успеет поправиться к тому сроку, который назначил нам директор, и не сможет жить на свободе, поэтому я посоветовала Джорджу поставить большой вольер возле нашего нового дома на озере Наиваша, конечно, как можно дальше от нашего жилья, чтобы Бою никто не мешал спокойно выздоравливать. Кроме того, мы решили поставить сборный домик возле вольера, тогда Джордж сможет ночевать рядом с Боем и вообще быть с ним как можно больше. Все наши решения мы обсудили с директором, и он согласился оставить Боя в заповеднике до конца ноября — до того времени, когда все постройки будут закончены.

А дождь все лил и лил, не переставая, так что вскоре большая часть заповедника превратилась в болото. Однажды утром мы нашли утонувшего новорожденного буйволена — его прибило течением к мостику возле кухни. Мы поскорее убрали его, чтобы не привлекать крокодилов, которые, как правило, держались подальше от лагеря.

Мы снова на несколько дней потеряли детей Пиппы, но потом отыскали их возле Скалы Леопарда, в пятнадцати милях от тех мест, где видели гепардов в

последний раз. Очевидно, их спугнули львы, которых мы несколько раз встречали в тех местах. Участники охотничьей экспедиции, проводившие отстрел животных за пределами парка, подарили нам немного слонового мяса, и я попробовала дать его гепардам. Тайни и Сомба не пожелали к нему прикоснуться, зато Биг-Бой до отвала налопался жесткого мяса. Через два дня мне подарили мясо буйвола — его любили все наши гепарды, они мигом растащили все до последнего кусочка, и каждый старался урвать себе побольше.

На следующий день гепарды ушли за четыре мили к повороту кольцевой дороги; здесь росла огромная акация, и вскоре мы стали встречаться под ней ежедневно. Я сняла на киноплёнку, как молодые гепарды едят в позиции «звезды», это очень характерная для гепардов привычка: каждый старается держаться на равном расстоянии от других, чтобы не «толкали под локоть». Как раз в момент, когда я перезаряжала камеру, появился носорог, он шел прямехонько на нас. В мгновение ока все гепарды припали к земле, не спуская глаз с толстокожего, который двигался к ним сквозь траву. Но вот, видимо, до него долетел наш запах, он остановился, крутанулся на месте, подозрительно принюхался, но все же опять пошел в нашу сторону. Это было похоже на танец — толстое животное подвигалось короткими шажками и вдруг снова остановилось. Тут Сомба молнией бросилась на носорога, и он с шумом помчался прочь, а она понеслась за ним, едва не повисая у него на хвосте. Я успела зарядить камеру и могла бы запечатлеть эту уморительную сцену, да на беду прикатила машина с посетителями, и все было испорчено.

На другой день мы обнаружили Сомбу на дереве: взобравшись повыше, она наблюдала за стадом газелей Гранта. Потом она погналась за ними, но вернулась ни с чем и занялась мясом, которое принесли мы; оба ее

брatца уже успели сцапать по куску. Биг-Бой, как всегда, отхватил «львиную долю» и все еще искал, чем бы поживиться, хотя живот у него уже был тугой, как барабан. Он стал великолепным животным редкостной красоты, гораздо крупнее остальных, держался очень независимо, и наладить контакт с ним мне было труднее, чем с его братом и сестрой.

Когда же наконец и он наелся досыта, гепарды стали гоняться друг за другом вокруг маленьких пальм — там было очень здорово устраивать засады. Как изумительно вписывались их элегантные движения в рощицу стройных молодых пальм на фоне ярчайшего синего неба, обрамленного белыми облаками, — в Кении облака почти всегда украшают небо.

Некоторое время молодые гепарды оставались возле Скалы Леопарда.

Там же находились и шесть белых носорогов — по ночам их держали в огороженном загоне, а днем они бродили на свободе, и два егеря пасли их, как обыкновенный скот.

Однажды утром, едва только мы покормили гепардов и они улеглись поспать, как мимо прошествовали эти носороги. Гепарды молнией умчались прочь. Они уже видели ручных белых носорогов и не раз чувствовали их запах, и меня очень удивило, что теперь они удрали от них, как от опаснейших врагов, а ведь всего несколько дней назад они гонялись за диким черным носорогом просто так, из озорства. Неужели они понимали, что белые носороги — «чужаки», и только по этой причине отнеслись к ним так же, как в свое время и Пиппа?

Все дороги в парке во время дождей пришли в полную негодность, и мы были вынуждены вызвать трактор, чтобы попытаться исправить дорогу к лагерю Джорджа. Но он пробился только до полдороги, а потом сломался, увязнув гусеницами в грязи глубиной по

колени. Пытаясь добраться до Джорджа, я часто вела лендровер, как по канату, по узкому краю глубокой колеи, но стоило соскользнуть с него — пиши пропало! — я часами не могла выбраться из жидкой грязи. Дорога к Скале Леопарда была ненамного лучше, и однажды мне пришлось прождать семь часов, пока меня не вытащили на буксире из этой жижи. На мое счастье, это случилось недалеко от места, где были гепарды, и мне по крайней мере удалось провести с ними этот день.

Гепарды нашли полоску песчаной земли, которая быстро просыхала после дождя, и, когда кончился очередной ливень, я легла рядом с ними. Поначалу Сомба заподозрила какой-то подвох, когда наши головы почти соприкоснулись, и была готова дать мне отпор при малейшем движении. Но я молча глядела ей прямо в глаза, и она, наверное, почувствовала, что я друг, и успокоилась. А ее братцы меня вообще не замечали. Мокрая земля исходила паром под горячими лучами солнца, и мне было слышно только дыхание гепардов да чириканье каких-то сонных птичек — кругом стояла полная тишина. Как я любила этот прекрасный заповедник и всех здешних животных! Я ведь провела здесь больше двадцати семи лет с тех пор, как Джордж занял должность главного инспектора. Двенадцать лет назад этот заповедник стал домом Эльсы, а потом и Пиппы, все пережитое с ними заставило нас полюбить эти места еще больше, и теперь нам казалось, что здесь и наш родной дом.

Мы оба с самого начала знали, что нам придется расстаться с этими местами, как только наши животные смогут сами о себе позаботиться — ведь именно такова была цель наших экспериментов. Но хотя Тайни, Биг-Бой и Сомба могли жить самостоятельно и обходились без нашей помощи уже в возрасте четырнадцати месяцев (Уайти, Мбили и Тату оставались под

покровительством Пиппы до семнадцати с половиной месяцев!), мне хотелось побыть с ними по крайней мере до тех пор, пока они не достигнут того же возраста, как и предыдущий помет. Особенно важно было узнать, как сложатся их отношения, когда они станут взрослыми и будут готовы дать потомство.

Я прервала курс лечения в Лондоне, чтобы быть вместе с ними в этот важнейший период их жизни. Наблюдать за ними было тем более интересно, что рядом уже нет матери и некому показать им охотничьи угодья. И вот меня постиг неожиданный удар — я получила письмо от администрации, в котором меня просили покинуть заповедник вместе с Джорджем и Боем в конце ноября. Но я не знала за собой никакой вины, которая повлекла бы сокращение сроков, обусловленных раньше, и тут же написала письмо администрации. К несказанному моему облегчению, мне ответили, что я могу пробить здесь до конца года, как мы и договаривались раньше.

А Джордж тем временем прилагал все усилия, чтобы вывезти Боя. Но невиданно бурные дожди зачастую нарушали даже радиосвязь — что уж говорить о приземлении самолетов! А о перевозке машиной и речи быть не могло. Джордж теперь ютился вместе с Боем в маленькой палатке. Рана Боя все время сильно гноилась, и нужно было то и дело менять повязки.

Три раза летчик пытался пробиться в просветы между опасными грозами и доставить в Меру ветеринара, но каждый раз ему приходилось отступать и возвращаться в Найроби — приземлиться на размытых посадочных полосах было невозможно.

Но в конце концов он добился своего. Меня попросили помочь, и когда летчик с удивительным искусством сумел проскочить между двух ливней и посадить самолет на скользкую землю, я уже ждала, чтобы немедленно отвезти ветеринара к Джорджу, а

директор заповедника с летчиком и шестью егерями должны были подъехать немного позже. По счастливому — хотя и неожиданному — совпадению этим же самолетом прилетел Бен, и в трудном деле, которое нам предстояло, у нас появился еще один помощник. Бен предложил помогать мне до самого конца, пока я не покину заповедник.

Пропетляв по грязи десять миль, мы застали Джорджа врасплох. Но времени терять было нельзя — черные тучи стеной обступили нас, готовые разразиться очередным ливнем. Пока врач усыплял Боя, я побросала вещи Джорджа в большую сумку и помогла погрузить в машину его лагерное оборудование. А остальные тем временем готовились к погрузке Боя на лендровер, ожидая, когда он уснет.

И вдруг среди всей этой суеты появилась Гэрл. Она вспрыгнула на крышу лендровера, который стоял снаружи, и смотрела через ограду, как ее брата взваливают на машину и навсегда увозят от его прайда.

Директор взялся подвезти нас всех, оставался только один Бен, которому было поручено ехать сзади с оборудованием. Но мы напрасно забыли про Гэрл. Она упрямо сидела на крыше лендровера и ни за что не соглашалась слезать. Казалось, она знает, что никогда больше не увидит ни Джорджа, ни Боя... Бену ничего не оставалось, как отправиться в путь с львицей на крыше; так они ехали около мили и вдруг увидели стадо жирафов, в котором был маленький жирафенок. Гэрл моментально соскочила вниз, погналась за малышом, ударила его по ногам, свалила и тут же задушила.

Когда Бен рассказывал нам об этом, я порадовалась, что охота отвлекла Гэрл от расставания с братом: она не только преданно любила его с самого детства, но и дважды принесла от него львят.

А тем временем маленький четырехместный самолетик переделывали так, чтобы уместить в нем

льва в четыреста фунтов весом, Джорджа, ветеринара и летчика. Заднее сиденье убрали, и Джорджа с Боем втиснули в освободившийся промежуток. Все это делалось в страшной спешке — надо было добраться до Наиваша засветло, да еще суметь уклониться от сильной грозы, которая двигалась навстречу. Я едва решалась глядеть на Джорджа. Он был бледен и хмурился, когда устраивал Боя как можно удобнее, а потом сам примостился рядом с ним. Ветеринар сел рядом с летчиком, тот запустил мотор и поднял самолет в воздух. Вначале крохотный белый самолетик был ясно виден, потом черное небо поглотило его. Весь вечер я чувствовала внутри какую-то сосущую пустоту.

Хотя полное драматизма расставание показалось мне тогда невыносимо тяжелым, впоследствии выяснилось, что это было самое лучшее, что при сложившихся обстоятельствах мы могли сделать для Боя. Вскоре ему пришлось перенести еще две очень серьезные операции, а потом он провел в Наиваша целых девять месяцев.

Дожди снова превратили сухие, желтые, как солома, равнины в роскошные пастбища, где каждый день расцветали мириады новых цветов.

Когда дети Пиппы проходили полями небесно-голубых пентанезий, какое это было изумительное зрелище! Мне хотелось только, чтобы их мать тоже была здесь, чтобы и она вместе со мной радовалась прелести своих детей. Они все еще держались на расстоянии мили от Скалы Леопарда, где было сравнительно сухо и полным-полно дичи.

В последнее время Биг-Боя как магнитом тянуло к Сомбе: они обнимались и лизали друг друга почти все время. Она стала настоящей красавицей, из всех троих она, безусловно, была самой умной, а уж характера ей и подавно было не занимать; мне становилось стыдно, когда я вспоминала, как в свое время едва не сочла ее

«ненормальной». Вот ей захотелось поиграть с моими туфлями, и она стала потихоньку трогать лапой резиновые подошвы, а сама почти незаметно подвигалась ко мне все ближе и ближе. Как же мне было трудно справиться с собой и не пойти навстречу этим попыткам подружиться, но я никогда не простила бы себе, если бы в эти последние месяцы, которые нам оставалось провести вместе, собственными руками испортила все, чего успела добиться.

Любовные игры молодых гепардов

И вот настало 1 декабря — в этот день, как мы договорились с директором заповедника, я кормила гепардов последний раз. Конечно, я позволила им наесться до отвала, и они, хорошенько набив животы, задремали возле меня так же доверчиво, как всегда. Но внезапно павианы подняли лай — и гепардов как ветром сдуло.

На другое утро мы отыскиали их под развесистым деревом, ветви которого почти касались земли. Я снова заметила, что Биг-Бой все время льнет к Сомбе, а она очень трогательно отвечает на это ухаживание: обхватывает его лапами и прижимается к нему, даже когда он собирается погрызть какую-нибудь веточку. Бедняга Тайни то сидел поодаль, то карабкался на дерево — делал вид, что их отношения его совершенно не касаются.

Немного погодя все они перешли дальше на несколько сот ярдов — к термитнику, скрытому в густом кустарнике. И тут Биг-Бой с резким раскатистым «прр-прр» — это было похоже на крик — сделал садку на Сомбу. Она присела так же, как это делают львицы, а Биг-Бой повторял быстрые ритмические движения примерно с минуту. Потом оба они успокоились, улеглись бок о бок и с мурлыканьем лизали друг друга.

Тайни отодвинулся как можно дальше — насколько хватало места в тени кустов. К сожалению, все это произошло слишком неожиданно для меня и так быстро, что я не успела ничего сфотографировать — надо было еще установить экспозицию, учитывая густую тень кустарника. Примерно через полчаса

гепарды пошли к речке Мурера и улеглись на полуденный отдых под большим деревом. Я устроилась поблизости и то рисовала их, то фотографировала. Но они почти все время просто спали, так что мы решили сходить домой и наскоро перекусить. Вернулись мы часов около пяти, гепарды все еще дремали. Но тут появилась конгони, и они без особого воодушевления стали преследовать крупную антилопу. Очень скоро это им наскучило, и они расселись на большом термитнике. Окружающая равнина походила на парк; по ней были разбросаны небольшие деревья и кусты — настоящий рай для гепардов. Когда стало прохладнее, оба брата «отметились» на нескольких деревьях, выпуская струю жидкости под прямым углом. Я часто наблюдала, как они это делают. Сначала они обнюхивали дерево, потом поворачивались к нему хвостом, вытягивали хвост вверх и пускали струю жидкости на ствол; это продолжалось секунду-две. Они то и дело «опрыскивали» деревья, два-три раза подряд, и я решила, что так они метят свою территорию. Но до сих пор они никогда не делали этого столь старательно, потому я подумала, что они, по-видимому, предупреждают возможных соперников, чтобы они не приближались к Сомбе. А она явно понимала, что привлекает самцов, и вела себя так же соблазнительно, как любая самочка, которая хочет понравиться самцу.

Вскоре братья стали гоняться друг за другом и наконец остановились возле Сомбы. Теперь и Тайни проявлял интерес к своей лукавой сестренке, но еще не очень хорошо соображал что к чему, поэтому лез и к Биг-Бою и к Сомбе сразу, так что все они устроили кучу малу.

Я с глубоким интересом следила, как дети Пиппы становятся взрослыми; очевидно, их ошеломили и захватили врасплох внезапно нахлынувшие новые чувства, но, по-моему, пока что это были скорее

любовные игры, чем настоящее спаривание. К сожалению, вскоре стемнело, мы уже ничего не видели и отправились домой.

На следующее утро в восемь часов мы нашли гепардов возле кольцевой дороги, в нескольких сотнях ярдов от речки Мурера. Моросило, и все наши гепарды от избытка сил стали носиться, как бешеные, и внезапно выскакивать из засады, а потом все стали карабкаться на упавшее дерево. Сражаясь за лучшее место, они то и дело срывались вниз, но бросались в игру с еще большим воодушевлением, стараясь ухватить соперника за хвост и стащить с дерева.

Я считала, что первые проявления полового влечения у гепардов очень важно зафиксировать, и поэтому пошла за ними, вооружившись записной книжкой и фотоаппаратами, и старалась подойти к ним как можно ближе, а Стенли и Локаля попросила держаться поодаль. Было уже четверть девятого. До половины девятого гепарды отдыхали, а потом братья стали гоняться друг за другом и под конец вскочили один на другого на несколько секунд. То же самое они повторили через десять минут, а Сомба смотрела на них, затаившись в кустах. Сегодня она не так охотно, как вчера, отвечала на заигрывания своих влюбленных братьев — грызла веточки и пресекала все попытки спариться с ней; так что бедным самцам, которых одолевали эти новые, незнакомые стремления, волей-неволей пришлось обратить внимание друг на друга.

Без десяти девять Биг-Бой в первый раз прыгнул на Сомбу из засады, но она не желала отвечать на его заигрывания, так что он погнался за Тайни, а тот мгновенно взлетел вверх на дерево — попробуй-ка, достань его там! Но немного погодя он улегся рядом с Биг-Боем, и оба дремали до пяти минут десятого, потом снова стали вскакивать друг на друга.

Затем они в сопровождении Сомбы вернулись к тому дереву, где мы встретили их утром, Тайни «отметил» его, и все трое стали самозабвенно носиться вокруг дерева под моросящим дождем, а в половине десятого, запыхавшись, бросились на землю под кустом, чтобы немного перевести дух. Когда дождь перестал, гепарды перешли па термитник и улеглись там.

Гепарды отдыхали до половины двенадцатого, пока поблизости не показалась пара зебр. Все трое тут же стали к ним подкрадываться. В тот же миг появились пять грифов — они кружили совсем близко. Должно быть, они давно следили за гепардами, чтобы не терять ни секунды, если тем удастся кого-нибудь убить. Но их ожидало разочарование: гепарды вскоре прекратили погоню и стали искать тенистое местечко, где можно было бы передохнуть; Сомба улеглась под кустом, а братья — на термитнике поблизости. Биг-Бой поскреб землю, чтобы устроить себе удобное ложе, а потом поел немного травки. Тут к нему присоединился Тайни, и вскоре оба задремали.

Мне было негде укрыться от солнца, чтобы спокойно наблюдать за гепардами, разве что возле термитника, где они устроились. Но там едва хватало места для двух братьев, так что мне пришлось прижаться к подножию термитника и перемещаться вместе с передвигающейся тенью. На мое счастье, обоим братьям слишком хотелось спать, и они не возражали против моего присутствия, а Тайни даже дотягивался лапами то до Биг-Боя, то до меня — надо же удостовериться, что рядом кто-то есть.

Он был совершенно неотразим, когда вот так «разнеживался», и мне стоило огромного труда остаться верной своим принципам и не приласкать его. А Биг-Бой даже во сне не терял свою безграничную самоуверенность, и его сонная физиономия хранила все то же надменное выражение, присущее диким

гепардам. Мы так уютно лежали и отдыхали все вместе, что мне начало казаться, будто я сама превращаюсь в гепарда.

Около трех часов дня Сомба подошла к братьям, и они немедленно начали к ней приставать. Но она не была расположена к играм. Потом гепарды с Биг-Боем во главе отправились к реке, хотя было еще довольно жарко. Как только они останавливались, чтобы немного передохнуть, Тайни «отмечал» разные деревья. Берега реки в этом месте были скрыты почти непробиваемой стеной колючих зарослей, и даже гепардам было не под силу пробиться сквозь них. Они попытались в нескольких местах прорваться к воде, но каждый раз, напуганные, возвращались обратно.

Особенно трусила Сомба — она старалась держаться подальше, позади остальных. Но в конце концов Биг-Бой отыскал такое место, где все трое могли одновременно подойти к воде.

Я пыталась прорваться сквозь заросли следом за гепардами и как раз выпутывалась из сети лиан, когда увидела, что гепарды внимательно смотрят на пальмовые заросли — их густой навес совершенно скрывал от глаз противоположный берег. Сообразив, что они вот-вот будут переправляться через реку, я быстро навела камеру и успела снять Тайни, который молнией мелькнул на фоне темных кустов. Затем раздался всплеск, и началось отчаянное барахтанье. Биг-Бой прыгнул вторым, шлепнулся в быструю речку и выкарабкался на другой берег. Последней прыгнула Сомба, но и ей тоже пришлось искупаться.

Идти за гепардами дальше не имело смысла — пока мы доберемся до противоположного берега, они успеют скрыться, а искать следы в этих непроходимых зарослях совершенно немыслимо. Так что мы просто прислушивались к тревожным крикам верветок — по

направлению, откуда доносились эти крики, мы узнавали, куда идут гепарды.

Конечно, я сама виновата, что гепарды от меня удрали: им явно надоело мое присутствие, и они решили, что единственный способ от меня отделаться — это уйти за реку. Обычно я не преследовала их с такой назойливостью, но на этот раз моя настойчивость была извинительна: мне хотелось узнать как можно больше о первых проявлениях полового инстинкта у гепардов; насколько я знала, до сих пор никто не имел возможности наблюдать эти моменты в естественных условиях.

В надежде перехватить нашу тройку мы проехали несколько миль выше по течению, где можно было попасть на тот берег на машине. Но когда мы добрались до равнины за прибрежной полосой растительности, там оказалось такое множество буйволов, что пришлось не солоно хлебавши возвращаться домой, и то мы еле успели до темноты.

В лагере нас встретил Бен. Он отвозил вещи Джорджа в Наиваша, но сильно задержался. Я спросила его, почему он так мало бывает здесь после моего приезда из Лондона, и услышала в ответ, что ему не нравится «делить» со мной гепардов и он всегда предпочитал работать самостоятельно. Что ж, эти чувства вполне понятны, но вряд ли совместимы с должностью моего помощника! На следующий день он пошел с нами искать гепардов и все время держался поодаль, сам по себе.

Река Мурера служила границей заповедника, и местность за ней была нам совершенно незнакома. Стоило миновать густые прибрежные заросли, которые простирались примерно на милю от берега, как начиналась идеальная для гепардов местность. Буйная поросль тянется по берегам удивительно красивого сухого русла: оно пересекает заросли и через несколько

миль постепенно исчезает; дальше прибрежная растительность снова покрывает только берега Муреры. И хотя русло наполняется водой только в период дождей, в сухое время года в нем остается несколько больших луж, у которых собирается множество разных животных — возможно, их привлекает отсутствие крокодилов, которыми так и кишит Мурера. А сейчас, когда дожди еще не кончились, вся густая стена кустарника была усыпана цветами — они расцвели везде, куда ни глянь, и в таком сказочном изобилии, что мне было очень трудно сосредоточиться на выслеживании гепардов, а не переключиться на собирание гербария.

Впрочем, идти по следу в такой чащобе все равно не удавалось.

Мало-помалу заросли сменялись открытой, похожей на парк местностью; там и сям были разбросаны термитники — великолепные наблюдательные вышки, а деревья росли отдельными рощицами; в их густой тени хищник мог прекрасно затаиться и поджидать в холодке, пока на него не набредет какая-нибудь дичь. Короче говоря, лучших охотничьих угодий для детей Пиппы не придумаешь, но только вся эта территория была вне заповедника. Она принадлежала племени боран, и владельцы отказывались продать эти триста квадратных миль лесистой равнины, несмотря на то что здесь было полно мух цеце и пасти скот все равно было нельзя.

Однако браконьеры сюда заходили частенько; к счастью, они держались возле речки Бисанади, которая в этих местах служила единственным водопоем для животных, если не считать Муреры. Но отсюда Бисанади была довольно далеко, и мы надеялись, что дети Пиппы останутся возле Муреры, однако, как ни обшаривали мы ее берега, гепардов так и не нашли.

На другое утро я попросила Бена привезти проволочную сетку из лагеря Джорджа. Вечером, когда мы возвратились, проведя еще один день в бесплодных поисках, я нашла записку от Бена, в которой сообщалось, что он снова повредил ногу и уехал в больницу, в Найроби. Больше он к нам не возвращался.

Теперь мы тщательно обыскивали территорию племени боран. Каждый день мы переезжали туда и обратно вздувшуюся от дождей Муреру, пытаюсь разыскать свежие следы на ее берегах, прежде чем углубиться в равнины за рекой, где мы отмеряли пешком многие мили. Мы уже не обращали внимания на частые короткие ливни — нам не впервой промокать до костей, лишь бы камеры оставались сухими. Однажды три слона загнали нас в реку как раз в том месте, где только что при виде нас скользнули в воду два огромных крокодила. Мы принялись швырять камни и шлепать по воде как можно громче, так что нам удалось выбраться на другой берег живыми и невредимыми, но я все больше тревожилась за наших гепардов.

На пятый день мы нашли возле Скалы Леопарда остатки туши антилопы геренук, а кругом было полно следов гепардов. Через два дня после этого мы снова видели следы гепардов возле загонов, где держали носорогов. А потом грифы навели нас на убитого жирафа, но рядом с тушей восседал лев. Однако при виде нас он предпочел удалиться, и мы воспользовались возможностью осмотреть добычу. Подойдя поближе, мы убедились, что туша совершенно не тронута, если не считать, что грифы уже начали свое отвратительное дело и выклевали глаза и язык.

Оставались видными только голова, шея и спина животного, а остальная его часть уже погрузилась в засасывающую жидкую грязь. Кругом простиралось болото, и, судя по всему, несчастный жираф увяз,

пытаясь перейти трясину, и погиб долгой и мучительной смертью. Я надеялась только, что грифы налетели уже после... Локаль ухитрился отрезать кончик хвоста жирафа и потом представил его директору как вещественное доказательство естественной смерти животного.

Последние дни с гепардами

Тем временем миновали еще семь драгоценных дней из того месяца, который мне оставалось провести с гепардами, а мы их не могли найти.

Однажды под вечер, возвращаясь домой, мы вдруг, повинувшись внезапному побуждению, повернули с главной дороги на кольцевую, хотя оттуда прямо на нас надвигалась гроза. Мы не успели проехать и сотни ярдов, как увидели, что навстречу мчатся наперегонки наши гепарды. Луч солнца как раз в эту минуту прорвался сквозь непроглядную черноту туч и озарил их светлые грациозные фигурки на фоне бурного, мрачного неба. Гепарды выглядели чудесно, и мы не сомневались, что именно они убили антилопу геренук, кости которой мы нашли поблизости. Несмотря на это, они были очень голодны, но у меня с собой ничего не было, и я стала как можно быстрее фотографировать их, пока они не вымокли, — с неба уже летели первые тяжелые капли. Гепарды сгруппировались в тесную кучку и все время старались стряхнуть с себя воду, но вскоре терпение у них лопнуло, и они спрятались от дождя под прикрытие зарослей. Когда я попыталась развернуть машину, мы засели в грязи по-настоящему. Теперь настала наша очередь мокнуть: мы долго откапывались и вылезали из грязи, а потом поползли домой со скоростью катафалка по превратившимся в ручьи колеям в фут глубиной.

Следующие два дня наши поиски оставались совершенно бесплодными, если не считать, что мы видели отпечатки лап гепардов и прочли по следам, что они гнались за молодым буйволом по дороге к лавовому плато. Я решила искать только в этой местности, но мне пришлось взять мегафон — я уже совсем охрипла,

непрестанно крича: «Пиппа, Пиппа, Пиппа» — и так весь день напролет. Первым на зов явился Тайни; немного погодя показался Биг-Бой, а следом за ним подошла и Сомба. Все они тяжело дышали. Должно быть, охотились, хотя нам до сих пор попался в этих местах один лишь носорог — следы его мы видели и раньше, когда искали гепардов на этом каменистом плато. Гепарды явно очень проголодались, я была уверена, что им ничего не перепало по крайней мере три дня. Они расселись вокруг нас, полные надежды, и ждали мяса, не зная, что я уже не имею права кормить их.

Стало очень жарко, и гепарды устроились под маленьким кустиком, который почти не давал тени. Они задремали, обхватив один другого лапами, чтобы чувствовать присутствие друг друга. Но около двух часов они забеспокоились и встали. Я знала, насколько они голодны; поняв, что я не дам им мяса, они отправились на охоту в самую жару. Я осматривала окрестности в бинокль, но нигде не видела подходящей для гепардов добычи. Тогда я пошла в сторону Скалы Леопарда, где было больше дичи, надеясь, что гепарды пойдут за мной.

И они пошли. Дорога была долгая, солнце палило нещадно, и они старались прилечь и передохнуть, как только находили хоть клочок тени.

Тайни ужасно устал и проголодался; когда я подходила к нему поближе, он сразу же начинал мурлыкать, а я чувствовала себя отвратительно — ведь я-то знала, что все равно ничего не смогу им дать, разве что удастся привести их к добыче. Пока братья тащились за мной, Сомба непрестанно высматривала, не движется ли что-нибудь вдаль, но мы повстречали только трех слонов, а потом вышли на главную дорогу возле поворота на кольцевую, где я оставила свой лендровер. Гепарды, уверенные, что теперь-то наконец их хоть немного подкормят, обнюхивали машину и

вертелись вокруг, но еды все не было, тогда они ушли на термитник и смотрели на меня оттуда с таким выражением, что я почувствовала себя совершенно несчастной. У Сомбы на физиономии было явно написано: «Ну зачем ты тащила нас в такую даль — неужели только для того, чтобы оставить с носом?» Я заметила вдалеке двух газелей Гранта, попыталась обойти их и погнать в сторону гепардов, но мои планы нарушил буйвол — он вышел из зарослей и прошествовал между мной и антилопами. Потом загонщиками стали Локаль и Стенли, а я постаралась обратить внимание гепардов на газелей — они их не замечали. Но тут появились еще несколько буйволов, и все наши ухищрения пошли насмарку. С каждой минутой становилось все темнее, и мне пришлось поскорее уехать, но я надеялась, что гепарды останутся и отыщут газелей Гранта.

На другой день гепарды примчались к лендроверу с равнины и уселись на том же термитнике, на котором мы их оставили накануне вечером. Они все еще никого не добыли, хотя прямо у них перед глазами паслись восемь газелей Гранта. Я снова сделала все возможное, чтобы натравить на них гепардов, но они просто-напросто отправились к ближайшему дереву и улеглись спать в его тени. Потом они перешли к небольшому холмику, где слишком припекало и я не могла рисовать; пока гепарды отсыпались, я писала письма, сидя в машине. В два часа они снова поднялись и пошли в сторону Муреры — до нее было около мили. Первой шла Сомба. Чутко прислушиваясь к малейшему звуку, вытянув шею, она медленно двигалась вперед, шаг за шагом, иногда даже застывала с поднятой передней лапой — только бы не зашуметь! Каждую рожицу или кустик, где могла затаиться антилопа, она обходила кругом. По временам Тайни начинал помогать ей и обходил кустик с другой стороны. Охотясь, Сомба была

удивительно хороша — она казалась такой счастливой и так напоминала мне Пиппу... Странно, но у этих трех детенышей Пиппы были гораздо более курносые морды, чем у матери и всех ее старших детей.

Наконец Сомба и Биг-Бой подняли самца малого куду и устроили славную гонку. Меня удивило, что они решились напасть на такое крупное животное, и я вздохнула спокойнее, когда они немного погодя прекратили погоню. Потом мы повстречали еще нескольких канн, ориксов и жирафов, но все это была слишком крупная добыча для гепардов.

Гепарды непрерывно двигались уже три часа подряд и теперь ушли в заросли. Они оказались совсем близко у реки; я побоялась, что они уйдут на ту сторону, если я буду слишком настойчиво их преследовать, поэтому решила уехать, хотя было всего пять часов. На закате мы с директором заповедника заметили наших гепардов возле Скалы Леопарда, а потом не видели их несколько дней.

Мы бродили в поисках следов с рассвета до темноты и как-то к вечеру пошли туда, где штук пятьдесят грифов снижались к дереву. Мы очень надеялись, что птицы приведут нас к гепардам у новой добычи. Но когда мы стали подходить, все птицы перелетели на другое дерево, и этот маневр повторялся каждый раз, как только мы подходили поближе. И нигде не было ни признака добычи, ни одного следа хищного зверя — неизвестно, чем объяснялось такое скопление падальщиков самых разных видов.

В другой раз, проискав гепардов все утро и окончательно измучившись, мы собирались позавтракать на берегу Муреры. Здесь река быстро бежала мимо скалистого обрыва, поросшего пальмами, фиговыми деревьями и акациями; ползучие растения так оплели деревья, что образовался зеленый шатер, под сенью которого мы и устроили пикник.

Несмотря на то что река внизу оглушительно шумела и всюду, куда ни глянь, суетились птицы или насекомые, меня охватило слегка жутковатое чувство, ощущение потери времени — и ощущение вечности, столь же непрерывной, как сама жизнь. Почему только здесь я чувствую себя в безопасности, а там, в цивилизованном мире, который человек нагородил вокруг себя, я никогда не могла найти покоя? Здесь меня окружает нечто неизменное, и в этом сосредоточивается вся жизнь, во всех ее проявлениях; но в цивилизованном мире нет ничего, кроме человека. Я думала: только бы мне удалось помочь сохранить это неизменное, вечное, для начала помогая сохранить жизнь диким животным. А ведь они — ключ к пониманию «всего», и если бы мне удалось это дело, я считала бы, что жизнь моя не прошла даром.

Было 15 декабря — оставалось совсем немного времени, пока я еще могла участвовать в жизни гепардов, и, к моему несказанному огорчению, столько дней уже прошло даром в бесплодных поисках. Интуиция говорила мне, что гепарды все еще на территории племени боран. Действительно, там мы и нашли их на следующий день. До сих пор они не сумели добыть себе пищу, и теперь, после недельной голодовки, тазовые кости у них так выпирали, что было страшно смотреть. Они старались охотиться по мере сил, но трава так выросла, что найти добычу стало очень трудно. И я решила накормить их. Я знала, что поступаю правильно — нельзя было допускать, чтобы в период спаривания они были в ослабленном состоянии, и к тому же мне не хотелось терять связь с ними и уникальную возможность узнать еще больше об их поведении в это время. Я утешала себя тем, что гепарды находятся за пределами заповедника и, таким образом, права администрации на них уже не распространяются.

Пока я ездила за козой, Локаль оставался с гепардами — ему было поручено следить, куда они пойдут. Когда я вернулась, он рассказал мне, что Сомба не давала ему пошевелинуться, угрожая броситься на него, но терпела его присутствие, пока он стоял неподвижно. Гепарды с невероятной жадностью набросились на козью тушу и прикончили ее за полчаса. Убедившись, что ничего съедобного уже не осталось, они ушли под дерево. Я, как всегда, пошла за ними со своим альбомом, но они перебрались к другому дереву, недвусмысленно показывая, что мое присутствие нежелательно. Немного погодя я решила снова попытать счастья, но столь же безуспешно. Тогда я стала смотреть, на них издали в бинокль.

На другое утро мы нашли гепардов у того же сухого русла; ниже по течению оно пересекало прибрежные заросли, широкой полосой обрамлявшие Муреру, а здесь проходило по открытой равнине, и на его берегах росло несколько пальм дум и кусты суаки. Гепардам было удобно укрываться здесь в жаркие часы, и отсюда открывался широкий вид на окрестности.

Воды было совсем немного — каких-нибудь несколько дюймов, и в ней можно было бы восхитительно плескаться, но гепарды решались замочить лапы только в крайнем случае и предпочитали перепрыгивать воду. Животы у них все еще были набиты после вчерашнего пира, и я решила не кормить их, а просто смотрела, как они играют и лижут друг друга. Они явно избегали меня и уходили, как только я приближалась, так что к двум часам дня мы вернулись домой.

На следующее утро лег такой густой туман, что ничего не было видно уже в нескольких ярдах. Я поставила машину возле терминалии; в хорошую погоду отсюда открывался великолепный вид на всю равнину и на сухое русло, но в этот раз приходилось рассчитывать

только на то, что гепарды прибегут, услышав звук автомобильного сигнала. И правда, вскоре трое очень голодных гепардов вышли из тумана. На них оказалась масса клещей. Никогда не приходилось мне видеть, чтобы они были так усыпаны этими паразитами, но все мои попытки снять клещей были встречены в штыки, и я отправилась добывать козу, чтобы набить их голодные желудки.

Тем временем туман пропал, и когда я вернулась, солнце уже так пекло, что я накормила гепардов прямо под терминалией — здесь хватало тени на всех нас. Биг-Бой проглотил свою долю в два счета, пока Тайни спокойно жевал жир, отрывая его от козьей шкуры. Он так увлекся этим лакомством, что не обращал внимания на более питательную еду, которую я успела утаить от его ненасытного братца и сестры. На этот раз гепарды не занимались любовными играми и опять ушли от меня подальше, как только закончили с едой.

На следующий день мы снова нашли их возле терминалии. С этих пор она стала местом наших встреч, Я смотрела, как они прижимаются друг к другу, обхватывают друг друга лапами — это я и назвала «любовными играми». Часа через два Тайни очень «разошелся» и, прижимаясь к Биг-Бою, нежно обнял его. Наконец они оба подбежали к ближайшему дереву, обнюхали его со всех сторон и, поставив хвосты торчком, «опрыскали» его. Прodelав это еще несколько раз, они стали кругами гоняться друг за другом, потом встали на задние лапы, стали «шлепать» друг друга передними и все больше приходили в возбуждение.

Сомба невозмутимо смотрела на братьев, а потом побежала рысцой к сухому руслу. Тайни и Биг-Бой моментально отправились за ней следом, и все скрылись под кустом суаки, где оказалось прекрасное логово возле самой воды. Я почти не видела гепардов сквозь густые ветви, но тем не менее мне показалось,

что они смотрят на меня, как будто хотят сказать: «Наконец-то мы отыскали место, куда тебе нипочем не забраться».

На следующее утро, 19 декабря, весь заповедник снова потонул в густом тумане. Мы прошли по следу гепардов больше трех миль, и снова я звала: «Пиппа, Пиппа, Пиппа, Пиппа». Наконец я увидела сидящего на дереве гепарда. Некоторое время я наблюдала за ним, но он не трогался с места. Я опять позвала, но гепард не обратил на мой зов никакого внимания. Что же это такое? Если это один из наших трех гепардов, то где же все остальные, а если гепард дикий, почему он не убегает? Я оставила своих помощников на месте, а сама потихоньку стала подходить поближе к гепарду — и вдруг узнала Уайти! Очевидно, она услышала знакомое имя Пиппы и пришла сюда. Она была жива и здорова, стала очень большой и до сих пор сохранила все обаяние, которое отличало ее, когда она была еще малышкой.

На всякий случай мы носили с собой банку сгущенного молока, я дала его Уайти. Прошло два года и три месяца с тех пор, как я кормила ее в последний раз, с того времени я видела ее однажды, год назад, когда она была на сносях, и все же, несмотря ни на что, она подошла ко мне так доверчиво, как будто мы никогда не расставались, и стала лакать молоко в нескольких футах от меня. Потом она уселась на поваленном дереве, так что ее силуэт четко рисовался на фоне неба — можно было подумать, что она специально позирует. Я дала ей еще молока, подняв мисочку прямо к ее морде; тут она негромко зарычала, но все же вылакала все молоко без остатка. Но вот она пристально осмотрела окружающие заросли, потом спрыгнула с дерева и снова скрылась — ушла в свой мир, в свои владения. Глядя ей вслед — она уходила не торопясь, — я почувствовала ни с чем не сравнимую

радость. Уайти жила на свободе уже больше двух лет. Поскольку при прошлой встрече она была беременна, я подумала, что, может быть, она возвращается обратно к своим детенышам. И все же она признала во мне старого друга, хотя и не проявила ни малейшего желания вернуться вслед за нами в свой прежний дом! И если бы мне пришло в голову просить награды за все мучения, которые пришлось пережить в эти несколько лет, — именно это и было бы величайшей наградой, какую только можно придумать.

Некоторое время спустя мы повстречали всю нашу тройку в полумиле от этого места. Мне было бы интересно знать, видели ли они Уайти и как они отнеслись друг к другу при встрече. Может быть, Уайти встретила бы их «по-матерински», а может, увидела бы в них чужаков на своей территории? Или, может статься, она заинтересовалась бы Биг-Боем и Тайни, а с Сомбой начала бы сражаться как с соперницей? Я увидела, что гепарды очень голодны, и поехала за мясом, оставив Локаля на страже.

За те два часа, пока меня не было, он ухитрился подманить гепардов к терминалии, там они и дожидались моего возвращения. Туша исчезла почти в мгновение ока, и гепарды отправились отдыхать. Вскоре они спали так крепко, что им уже не мешало мое присутствие, и я сидела рядом с ними, рисовала и фотографировала. Да, это было невероятно трудно — оставаться верной своим правилам и не прикасаться к гепардам, особенно когда шелковистый хвост Сомбы скользнул по моим ногам. Но я вспомнила Уайти и снова подумала, что нельзя быть эгоистичной в любви к этим малышам, если я хочу, чтобы они так же счастливо жили на свободе, как прежние дети Пиппы.

На другой день мы опять до полудня занимались поисками, и напрасно — гепарды ждали нас под той же терминалией, где я оставляла свой лендровер в

прошлый раз. Все они были в очень игривом настроении, а Тайни — больше всех. Всесильный инстинкт заставлял его не только налетать на Биг-Боя и Сомбу, но даже обнимать деревья или сломя голову носиться вокруг, словно он не знал, как справиться с этим непреодолимым желанием. Но вот он совершенно выбился из сил и бросился на землю возле Биг-Боя и Сомбы. Все трое уснули.

Теперь гепарды проспят все жаркое время дня, и я могу спокойно уехать и посмотреть, на каком расстоянии отсюда находятся ближайшие поселения племени боран. Я беспокоилась потому, что недавно до меня дошел слух, что правительство собирается поощрять попытки африканцев заниматься земледелием как раз в этих местах. Я вела машину по дороге на границе заповедника, и мне пришлось проехать примерно милю по очень густому лесу. Зная, что гепарды предпочитают открытую местность, я надеялась, что лес послужит им преградой и они не станут в него углубляться.

Потом я переправилась через Бисанади и, проехав еще две мили по открытой местности, выехала на берег речки Кинна — в этом месте она течет параллельно Бисанади, а в нескольких милях ниже по течению впадает в нее. Как только я переехала Кинну, передо мной оказались первые крытые травой хижины племени боран, возле которых были разбросаны небольшие клочки земли, засеянные пшеницей и кукурузой, да паслись несколько тощих коз — и все это в каких-нибудь четырех милях от того места, где сейчас спали мои гепарды. Мне оставалось только надеяться, что им больше придется по вкусу местность на другом берегу реки, да полагаться на инстинкт, который заставляет их избегать незнакомых людей.

За четыре следующих дня я не видела, чтобы гепарды спаривались, хотя, возможно, они уже

успевали наиграться рано утром, пока мы их искали. Но они все время обращались друг с другом очень нежно, непрестанно ласкались и даже в самую жару отдыхали рядом, крепко прижимаясь друг к другу и облизывая один другому языки. Братья часто «отмечали» деревья, иногда это было одно и то же дерево, но одновременно к одному дереву они не подходили. Сомба никогда не занималась таким «мечением территории», хотя часто испражнялась на пеньках или термитниках, если они попадались поблизости.

Все эти дни гепарды не уходили дальше чем на милю от терминалии, хотя нам не раз приходилось часами разыскивать их. Два дня подряд все трое с огромным интересом наблюдали за маленьким стадом газелей Гранта, но поймать добычу им удалось только на третий день — судя по их туго набитым животам. И, хотя они об этом и не догадывались, на этот раз они самостоятельно добыли себе рождественское угощение.

Это был пятый Новый год с тех пор, как я основала свой лагерь, чтобы жить с Пиппой и ее детьми в заповеднике Меру, и, как ни печально, это рождество было для нас последним в этих местах. Словно для того, чтобы возместить нам потерю Пиппы, вся окружающая местность превратилась в фантастическую новогоднюю декорацию. Ранним утром ветви кустарников клонились под тяжестью росы, и каждая капелька горела всеми цветами радуги, а кружева паутины сверкали на солнце, как переливающиеся новогодние украшения, развешанные на каждой веточке. И это длилось до тех пор, пока горячее солнце не превратило сверкающее чудо в пар.

Примерно в пять часов гепарды пошли к сухому руслу и затеяли чудесную игру: Тайни с победоносным видом пронес, как знамя, лист пальмы дум; разумеется, остальные бросились за ним и устроили кучу малу. В

конце концов они совсем позабыли про лист; потом все принялись прыгать взад-вперед через русло. Эти скачки всполошили всех местных лягушек, и те с плеском посыпались в воду, как монетки, которые бросают, загадывая желание. Гепардам это очень понравилось: они уселись на берегу и до самой темноты наблюдали за лягушками. Но тут нам пора было ехать домой.

На следующее утро, когда мы приехали, гепарды уже вышли на охоту. Я следила за ними издали, чтобы не помешать, и, насколько мне было видно, они тщательно обследовали каждый кустик и прислушивались к малейшему звуку. Но нигде не было никакой живности, только сонный буйвол лениво поднялся с земли и — на мое счастье — потрусил в другую сторону. Немного спустя я увидела, что братья забрались на термитник, но в ту же минуту спрыгнули вниз и что было сил помчались прочь. Тут я заметила стаю павианов — их головы высывались из травы на порядочном расстоянии от термитника. Хотя наши гепарды стали уже почти совсем взрослыми, они до сих пор трепетали перед павианами, потому что те умели карабкаться на гладкие стволы пальм дум, а гепардам это никогда не удавалось.

Немного позже мы увидели Тайни высоко на дереве акации — он высматривал добычу. Гепарды явно проголодались, а поблизости я не заметила никакой дичи, не считая жирафа, так что я решила дать им козу. Дикие гепарды обычно убивают добычу через день, и я учитывала это «расписание», когда приходилось кормить оставшихся без добычи гепардов. Потом я смотрела, как гепарды поедают козу, и меня рассмешило то, что Тайни и Сомба препирались из-за кусочка мяса в полном неведении, что Биг-Бой тем временем съел подчистую все остальное мясо. Поглощенный борьбой с Сомбой, Тайни вдруг издал какой-то новый резкий вопль, который, казалось,

отпугнул Сомбу; потом он успокоился и принялся за еду. Через несколько секунд оба они мирно жевали один и тот же кусок мяса, почти соприкасаясь носами. Подобрав все мясо до последнего волоконца, гепарды ушли к сухому руслу и исчезли в зарослях — больше мы их в этот день не видели.

На другое утро, 29 декабря, мы подошли к ним, когда они не спуская глаз смотрели на антилопу геренук. Сомба, прижимаясь к земле, стала подползать к антилопе, но подняла двух буйволов, и они, конечно, испортили ей всю охоту. Тогда гепарды медленно побрели к руслу, и тут на Тайни напало такое возбуждение, что он чуть ли не набросился на Биг-Боя. Тем временем подошли буйволы — подняв мощные головы, они принюхивались к нашему запаху, оставаясь в какой-нибудь сотне ярдов от нас. Но их присутствие не помешало Тайни упорно преследовать Биг-Боя, пока они не скатились в воду, подняв целую тучу брызг. Я не выдержала и громко расхохоталась, но тут же пожалела об этом: никогда я не видела двух более озадаченных гепардов — стоило посмотреть, как они отряхивались и понуро брели обратно к берегу! Разумеется, эта процедура охладила пыл Тайни. Чтобы дать гепардам время опомниться и вновь обрести чувство собственного достоинства, я ушла в машину и стала писать письма, а они легли отдохнуть и переждать жару под кустик невдалеке от меня.

Около пяти часов Тайни снова забеспокоился, и теперь я успела заснять на пленку, как братья вскакивают друг на друга. Оба они совершенно меня не замечали, хотя все это происходило прямо у моих ног, а Сомба тем временем сидела рядом со мной и смотрела на них с невозмутимым спокойствием.

Как только братья успокоились, Биг-Бой пошел прочь. Жара еще не спала, но он уходил с таким решительным видом, что Тайни и Сомбе волей-неволей

пришлось идти следом — не оставаться же в одиночестве.

Несмотря на то что только вчера они получили от меня козу, они явно проголодались и отправились на охоту. Биг-Бой был, конечно, предводителем, но всю черную работу он предоставил Сомбе: она карабкалась на каждое дерево, с которого можно было увидеть добычу, и вообще следила за окружающим гораздо внимательнее, чем братья. Обычно Тайни активно участвовал в охоте, но на этот раз ему было слишком жарко и он просто-напросто отлынивал.

Так мы шли примерно час, и тут гепарды, пыхтя и отдуваясь, бросились на землю в тени развесистого куста на расстоянии нескольких ярдов друг от друга, а я села совсем близко к Тайни. Вот он поднялся среди волнующейся травы, словно врезанный в яркую синеву неба, сгущенную сиянием вечернего солнца, — трудно было вообразить себе что-либо прекраснее! Но для меня это было нечто большее, чем великолепное дикое животное среди величественной африканской равнины.

Мне показалось, что мы перенеслись в те далекие времена, когда человека и зверя еще соединял дружеский союз, когда они доверяли друг другу. Как мне хотелось прижать к себе Тайни — и чтобы этот миг длился бесконечно... Но я знала, что через несколько дней все это волшебство должно быть разрушено и мне нужно заранее подготовить Тайни к той жизни, в которой он не должен доверять другим людям — тогда он не попадет в беду. И теперь я старалась растянуть эти драгоценные минуты, с болью думая о том, что скоро, слишком скоро они превратятся всего лишь в дорогое воспоминание.

К счастью, гепарды, которым не дано было узнать эту боль, снова продолжили охоту. Они зашли на территорию боран гораздо дальше, чем когда-либо раньше, и наконец обнаружили нескольких зебр, с

которыми был жеребенок. Биг-Бой и Сомба мигом взобрались на дерево, а Тайни вскарабкался на раздвоенный сук, и все они стали следить за зебрами.

Но они слишком долго составляли план охоты, так что в конце концов решили ее отменить и устроились отдыхать под деревом. Я почувствовала облегчение — жеребенок все же был слишком крупным для гепардов.

Я смотрела на них. Они были невероятно хороши в мягком сиянии заходящего солнца. Стало быстро смеркаться, и нам пришлось поспешить домой.

Рано утром мы приехали к терминалии, и я тут же увидела в бинокль двух львов — они шли вдоль сухого русла в ту сторону, где мы вчера оставили гепардов. И хотя я боялась, что гепарды сбежали, услышав львиное рычание, мы все же шаг за шагом прочесали всю местность, где видели их в последний раз, но совершенно безрезультатно.

На другой день мы восемь часов кряду под палящим солнцем бродили по равнине, похожей на гепардовый рай — она была вся испещрена следами дукеров, — но снова не нашли никаких признаков присутствия гепардов.

На следующий день мы с рассвета до заката обследовали новую территорию, включая полосу растительности, которая вела к реке Бисанади. Там заросли превратились в такую чащобу, что Локалю то и дело приходилось взбираться на деревья, чтобы определить, где мы находимся. Проходил самый последний день, когда мне еще разрешалось встречаться с гепардами, и я готова была на все, чтобы только отыскать их. Конечно, рассудок подсказывал мне, что это даже к лучшему, что они ушли от нас в азарте охоты, а не надеялись до последней минуты, что я их накормлю. Но все равно мне было бы очень тяжело уезжать отсюда, так и не повидав своих малышей в последний раз.

Однако я по крайней мере имела право утешать себя тем, что дети Пиппы теперь смогут жить совершенно свободной жизнью среди дикой природы, что я оставляю их в прекрасном состоянии и они вполне подготовлены к любым неожиданностям. Стоит ли говорить, что по собственной воле я не рассталась бы с ними хотя бы до тех пор, пока не узнала, понесла ли Сомба (ей было сейчас семнадцать месяцев) и будут ли братья кормить ее во время беременности и потом, когда у нее будут маленькие; мне хотелось узнать, когда эта тройка распадется и как они сумеют поделить охотничьи угодья — какие новые территории им придется освоить, чтобы не сталкиваться со старшими детьми Пиппы, и что произойдет, если они повстречаются.

Но несмотря на то, что я объясняла администрации заповедника, какие неиспользованные уникальные возможности мне представляются, чтобы изучать неизвестные до сих пор особенности поведения гепардов, на все мои просьбы продлить пребывание в заповеднике был один ответ — категорический отказ. Что ж, я сделала все, что могла, и мне оставалось только приезжать в заповедник время от времени и надеяться, что когда-нибудь в будущем я снова увижу детей Пиппы. Директор разрешил мне во время этих посещений разбивать лагерь на старом месте и обещал, что позволит Локалю сопровождать меня при условии, что я буду платить ему жалованье сверх причитающейся ему зарплаты старшего надсмотрщика за белыми носорогами — ибо теперь он был возведен в эту должность. В довершение всего директор сказал мне, что с меня не будут брать входную плату, как с остальных туристов, когда бы я ни приехала в Меру; на этом мы и расстались. Это было 2 января 1970 года.

Грустные посещения заповедника Меру

Мне удалось снова приехать в Меру только 23 марта — я перенесла третью операцию, и больная рука очень медленно заживала.

К этому времени уже должны были начаться недолгие, но очень сильные дожди. Я решила не обращать внимания на плохой прогноз погоды и поехала вместе со Стенли в Меру. Мы добирались туда целый день. И хотя я знала, что после моего отъезда в январе лагерь предали огню, было нелегко выдержать, когда, уже вечером, мы подъехали к тому месту, где четыре с половиной года был мой дом, и увидели, что все уничтожено и только пепел остался на опустошенной земле. Стенли и Локаль от души радовались встрече, и я была им благодарна за то, что их веселая болтовня нарушила окружавшее нас печальное безмолвие.

Мы раскинули палатки, и мужчины пошли к себе, а я отправилась на могилу Пиппы. Это все, что осталось от нашего счастливого дома... На рассвете меня разбудило птичье щебетание. Здесь нас не разделяли стены, как в комфортабельном доме на озере Наиваша, и я чувствовала, что снова сливаюсь в единое целое с птицами, торжественно встречающими восходящее солнце.

Не успел Стенли принести мне утренний чай, как объявились все мои друзья: они тоже хотели получить свой обычный завтрак. Ткачики и голуби с нетерпением ждали проса; блестящие скворцы — шкурки от бекона; прилетел даже нелепый скворец-уродец — когда он был совсем еще маленький, его загнали на самое дно

«иерархии клевания», зато теперь он влетел прямо в палатку и примостился у моих ног. Я захватила с собой достаточно припасов, так что птицам не пришлось разочароваться, хотя, по правде говоря, я не ожидала, что друзья встретят меня с прежним доверием.

Потом я поторопилась осмотреть окрестности лагеря. Раньше возле лагеря было всего несколько отдельных пятен, поросших жесткой травой.

Но с тех пор целых два года растительность не поджигали, и здесь разрослись такие джунгли, что пастись в этих местах, не опасаясь хищников, могли только слоны, буйволы да жирафы. Мне было вполне понятно, почему никто из детей Пиппы не возвращается сюда после ее гибели. Если не выжечь эту чащу как можно скорее, все захватят деревья и кустарники, и небольшим животным здесь вовсе нечего будет делать.

Тяжелые тучи уже громоздились со всех сторон: нельзя терять ни минуты, если мы хотим отыскать гепардов. Мы выехали и по дороге повстречали жирафа, шея которого где-то в середине переламывалась под прямым углом, примерно с фут тянулась горизонтально, а потом столь же резко снова принимала вертикальное положение. Но, очевидно, такой необычайный зигзаг не мешал жирафу пастись, не ограничивал его движения, да и в стаде он был на равных правах со всеми.

К сожалению, это была единственная достопримечательность, которая попалась нам за три следующих дня. В эти дни мы уж не знаю сколько раз промокали до костей и большую часть времени потратили на выволакивание лендровера из грязи. Отыскивать следы на раскисшей земле было все равно невозможно, и я решила вернуться на озеро Наиваша, пока мы не застряли здесь из-за дождей на много недель. Я уезжала с тяжелым сердцем: мне ничего не удалось узнать, кроме того, что в январе наших

гепардов видели возле пограничной дороги, неподалеку от Бисанади.

Вторая моя поездка — с 20 по 26 июля — оказалась более удачной. Нам сразу же сообщили, что недавно возле Канавы Ганса видели совсем ручную самку гепарда в сопровождении трехмесячного детеныша и очень недоверчивого самца. Предполагали, что это была одна из дочерей Пиппы.

Кроме того, возле ворот, выходящих к реке Мурера, видели двух крупных самцов — должно быть, Тайни и Биг-Боя. Еще одна самочка с двумя малышами часто появлялась возле Кенмер-Лоджа; по поведению ее тоже приняли за одну из дочерей Пиппы. И наконец, поступили сведения, что одна самка живет на другом берегу Ройоверу, а одинокий самец бродит возле загона белых носорогов. Все эти сообщения были очень утешительными, но я хотела собственными глазами по узору пятен возле хвоста убедиться в том, что это дети Пиппы.

Нам повезло в первый же день. Ранним утром, когда мы ехали по дороге вдоль болота возле Муреры, наше внимание привлекли грифы, и тут я увидела гепарда, сидящего под кустом а какой-нибудь сотне ярдов от дороги. Он не двинулся с места, когда я, потихоньку подходя к нему, стала звать: «Пиппа». Когда я подошла примерно на двадцать ярдов, два почти взрослых детеныша выскочили из укрытия и дали стрекача, а мать продолжала смотреть мне прямо в глаза и отошла только тогда, когда я приблизилась к ней на расстояние вытянутой руки. Увидев ее сзади, я сразу узнала Тату. Прошло два года и десять месяцев с тех пор, как я кормила ее в последний раз, а виделись мы с ней год и семь месяцев назад, да и то всего несколько минут. Если судить по возрасту детенышей, в тот раз она была беременна.

Отбежав немного, Тату остановилась и подпустила меня совсем близко.

Я принесла ей миску с молоком и поставила на землю, но Тату не обратила на нее внимания и стала уходить. Она всю жизнь обожала молоко, и я решила вторично попытать счастья, но она и смотреть на него не хотела — сразу уходила, едва я показывала ей миску. Так мы и шли в ту сторону, куда убежали детеныши, а за нами на порядочном расстоянии следовал Локаль. Тату то и дело звала детей низким, стонущим звуком, который я так хорошо знала: Пиппа всегда издавала такой звук, когда волновалась за своих детей. Наконец Тату остановилась и села, а я устроилась рядом под деревом. Мы были сейчас в нескольких сотнях ярдов от Мулики, неподалеку от мест, которые облюбовала Пиппа сразу же по приезде в заповедник; она провела там три месяца. Как чудесно было сидеть здесь рядом с дочерью Пиппы и ее внуками — им теперь было примерно столько же, сколько тогда Пиппе.

Тату замолчала, но все еще пристально смотрела в сторону Мулики.

Было ясно, что детеныши нас боятся и она не хочет выдавать нам, куда они спрятались. Поэтому мы вернулись в лагерь к двум часам, чтобы наскоро перекусить. Около пяти приехали снова. Я заметила, как вдалеке мелькнули два молодых гепарда — они мчались к реке, но на таком расстоянии мне не удалось определить их возраст. Тату сидела на том же месте, где мы ее оставили, и старательно вылизывала что-то у себя в паху. Когда она улеглась, я увидела, что она лизала открытую рану размером с мою ладонь; кожа вокруг почернела, но рана казалась чистой.

Я пришла в ужас. Утром я не заметила, чтобы она хромала, и совершенно не представляла, как могла образоваться такая рана — ведь она была на месте, которое слишком хорошо защищено, так что вряд ли

была нанесена в драке, да и непохоже, чтобы ткани были порваны. Быть может, это абсцесс, возникший на месте укуса клеща, или очень поверхностный змеиный укус, от которого тем не менее ткани начали распадаться? Я попыталась разглядеть рану получше и даже заснять ее, чтобы потом показать ветеринару, но Тату меня не подпустила — она направилась к реке, не переставая призывать детей. Потом перешла реку вброд; очевидно, они прятались на той стороне. Я взглянула в ту сторону, куда смотрела Тату, но увидела только носорога, который надвигался прямо на нас. Тату так превосходно выглядела, стоя на термитнике в свете заходящего солнца, что никто и не заподозрил бы, что она страдает от мучительной раны. Я не хотела переходить Мулику, а решила ехать домой и просить директора о помощи.

После того как я объяснила ему суть дела, он разрешил мне кормить Тату, чтобы она поскорее выздоровела. Поэтому наутро, не мешкая, мы поехали искать козу, но прошел почти целый день, прежде чем удалось найти козу, которую соглашались продать, в самой глубине территории племени боран. Только вечером мы приехали на то место, где я рассталась с Тату, и определили по следам, что она перешла Мулику и присоединилась к своим детенышам, но когда след пошел по каменистой почве, мы его потеряли. С той поры мы только и знали, что искали Тату, но день за днем проходил в изматывающих скитаниях, а следов Тату или ее детей мы не находили. Нам не попадался ни один из тех четырнадцати гепардов, которых видели здесь на прошлой неделе, хотя, судя по следам, они были где-то здесь.

Дети Тату, видимо, только-только научились помогать ей в охоте; после того, как она была ранена, они бы не выжили, если бы не сумели охотиться вместе с ней. Меня грызло беспокойство за Тату — вдруг она

еще больше повредит себе во время охоты, — и поэтому мы исколесили и прошли пешком совершенно невероятные пространства. Но трава поднялась так высоко, что можно было пройти в нескольких футах от гепарда и не заметить его, особенно если он не хотел быть замеченным. А лучших мастеров затаиваться, чем гепарды, сыскать трудно, так что, по всей видимости, поиски наши были обречены на провал.

Мне предстояло в четвертый раз оперировать руку, и операция была назначена на ближайшие дни, вот почему я решила уехать из заповедника и вернуться в начале октября, когда трава уже будет сожжена и нам будет легче увидеть гепардов на черном фоне опаленной земли.

Третье посещение заповедника Меру было намечено на 5 — 23 октября.

В первое же утро в лагере Пиппы все мои пернатые друзья слетелись за кормом так же доверчиво, как и раньше. Такое же постоянство проявили две газели Гранта и пятерка зебр Греви — позднее, проезжая на машине, мы видели их в тех же местах, где они держались в течение всех пяти лет, что я их знала. И мой старый приятель молотоглав тоже продолжал рыбачить на известняковой отмели ниже лагеря и все еще был верен старому дому, хотя мог бы теперь таскать рыбу из бетонированного бассейна. Я была очень рада, что он мужественно пережил трудное время, когда всюду вокруг вели шумные дорожные работы — строились дороги, чтобы открыть туристам доступ к равнинам заповедника. Я с особой остротой почувствовала, какое счастье выпало на мою долю: жить в заповеднике с Пиппой, когда здесь была еще не тронутая глушь. И хотя значительные средства на благоустройство заповедника были отпущены из Фонда Эльсы, мне было больно видеть, как множество дорог

расчертили прямыми линиями некогда свободный мир Пиппы.

Некоторое время спустя, проезжая песчаную полосу возле Мулики, на которой Пиппа так часто играла с детьми, я заметила в траве чьи-то настороженные уши. Я подумала, что это кто-нибудь из детей Пиппы, и крикнула: «Пиппа!» Но это оказалась молодая львица, при нашем приближении она скользнула в траву.

Через полмили мы последовали за грифами, спускавшимися на скалистый гребень, они целой тучей навалились на компанию марабу, пировавших на высушенной слоновьей туше. Клыки были отпилены, но туша оставалась нетронутой и была похожа на мумию. Судя по всему, слон погиб очень давно, и мне было невдомек, чем могут поживиться эти любители падали — под туго натянутой кожей оставался голый скелет.

До вечера мы напрасно проискали гепардов, а потом вернулись в лагерь. Было 7 октября — первая годовщина со дня смерти Пиппы. Еще в прошлый раз я заметила, что на ее надгробии появились трещины, должно быть, их проделали павианы. Кругом лежал их помет — как видно, они любили резвиться возле надгробия и вполне могли выцарапать цемент, пытаясь добраться до ящериц и жуков, которые всегда нежились на солнышке среди могильных плит. На сей раз я захватила с собой цемент, залила трещины и привела могилу в порядок.

Потом села и прислонилась спиной к надгробию — я и раньше приходила сюда посидеть вот так. Взошла луна, и заросли озарились серебристым светом, смягчившим резкие линии. Какой мир и покой царили здесь! Если бы только я еще могла быть спокойной за судьбу детей Пиппы! Я старалась утешить себя, вспоминая, что сама Пиппа совершенно безболезненно рассталась с детьми, едва они научились жить самостоятельно, хотя она всегда была очень заботливой

матерью, пока они нуждались в ее помощи. Но ничего не помогало. Разумеется, я прекрасно знала законы природы, да только никакая наука не могла дать мне уверенности, что они живы-здоровы. Поэтому с раннего утра мы опять отправились на поиски и так снова искали день за днем, по многу часов проводя в машине, чтобы добраться до дальних уголков заповедника, где могли оказаться гепарды.

Однажды невдалеке от прежнего лагеря Джорджа мы увидели одинокого гепарда, но, как только я пошла к нему и произнесла имя Пиппы, он скрылся. Потом мы увидели массу падальщиков, которые спускались на дальний край большого болота, окружавшего лагерь Джорджа. Целых полчаса я пробиралась на лендровере по бездорожью, пока наконец не подъехала достаточно близко. Тут я увидела молодую львицу, которая решительно направлялась к тому месту, куда слетались птицы. При ее приближении они улетели на ближайшее дерево. Львица пошла дальше, и тут перед ней как из-под земли вырос носорог. Оба зверя замерли на месте. Но львица недолго думая смазала носорога по носу; тому это явно пришлось не по вкусу, и он отступил назад. Так он и стоял лицом к лицу с львицей, а она через несколько минут уселась, не спуская глаз с носорога. Носорог повернулся и степенно удалился. Тогда львица молниеносно схватила тушу какого-то животного, которая лежала как раз между ними, скрытая высокой травой. Нас и зверей разделяло ярдов четыреста, и потому никому из нас не удалось разглядеть, какое это было животное; однако ноша была не из легких, потому что львица довольно долго оттаскивала ее в сторону. Обычно львы и носороги стараются избегать друг друга, но на этот раз носорог, как видно, заинтересовался убитым животным — слишком уж долго он не уступал львице. Быть может, у самки носорога был выкидыш, и падальщики привели к

этой «добыче» и нас, и львицу; но и ей, и нам понадобилось немало времени, чтобы добраться до места. Носорог, который охранял мертвого детеныша, к тому моменту решил уйти; если бы детеныш был жив, он этого не сделал бы.

Мы хотели позавтракать на природе — там, где некогда был лагерь Джорджа, — но обнаружили, что здесь уже обосновалось стадо импал.

Грациозные антилопы, стоя в тени двух раскидистых деревьев, осенявших лагерь Джорджа, представляли собой изумительно красивое зрелище.

Антилопы больше походили на фриз, чем на живые существа, — они стояли в тени совершенно неподвижно, пережидая полуденную жару. Земля уже покрылась густой растительностью, и трудно было себе представить, что всего год назад здесь жили и работали люди. Была какая-то горькая ирония в том, что природа так быстро вновь завладела землей, оставленной человеком; повсюду новые дороги, как свежие раны, пересекали девственные просторы равнин. Вдоль дорог мы часто находили следы гепардов, которые пользовались этими путями для переходов. Но хотя мы, подобно гончим псам, бросались по каждому следу и проходили нескончаемые мили, только однажды вечером нам попался одинокий гепард, Солнце клонилось к закату, и множество животных приходило к болоту на водопой. Локаль следил за одиноким ориксом, как вдруг недалеко от него увидел наконец двух гепардов. Как ни старались мы подобраться к ним незаметно, они заметили нас и почти сразу скрылись в густых зарослях, так что я не смогла на таком расстоянии узнать их, даже бинокль не помог. Мы пошли за ними так быстро, как могли, одновременно пытаясь отыскать след и не столкнуться со слонами — бурчание в слоновьих животах раздавалось со всех сторон. Но стало быстро смеркаться, и мы поспешили

обратно, чтобы быть возле машины до полной темноты. Возвращаясь, мы едва не налетели на слониху, которая лениво обдавала себя пылью прямо на дороге. Через несколько минут к ней присоединилось целое стадо слонов и началась пыльная баня. Трудно было оторвать взгляд от этих гигантов, которые посыпали друг друга пылью; судя по всему, они только что приняли прохладную ванну в болоте, потому что кожа у них была мокрая. Но все же нам нельзя было задерживаться, мы торопились найти машину, чтобы ночь не застигла нас в зарослях. Инстинкт Локаля — я доверяла ему больше, чем себе, — помог найти дорогу: мы осторожно обошли слонов и наконец забрались в машину, как в надежную крепость.

Через несколько дней мы снова угодили в слоновью засаду, возвращаясь домой после того, как проискали гепардов весь день напролет. Мы нашли три гепардовых следа и кучку свежего помета, но больше никаких признаков присутствия зверей не обнаружили.

И снова на склоне дня пять слонов преградили нам дорогу. Я испробовала все обычные в таких случаях ухищрения, чтобы принудить их убраться с дороги: заставляла мотор реветь как можно громче, сама кричала изо всех сил. Но они преспокойно пощипывали веточки акаций, словно в запасе у них была целая вечность. Что оставалось делать?

Пришлось повернуть и добираться до дому в объезд. Дорога была неблизкая, и домой мы приехали в полной темноте.

В это время года слоны во множестве бродят по всему заповеднику, но как только начинаются дожди, они переходят на участки с песчаной почвой — там, где вода не так легко впитывается, им грозит опасность увязнуть.

Каждый день мы сталкивались со слонами и, право же, гораздо чаще, чем хотелось. Как-то утром мы шли

по свежему следу трех гепардов и недалеко от холма Мугвонго обнаружили солонец. Вся его поверхность так и искрилась на солнце — это сверкали кристаллы соли, вымытой несколькими источниками, которые пробивались из-под земли и стекали вниз крохотными ручейками. Локаль тут же бросился собирать кристаллы и набил ими карманы. Судя по многочисленным следам, они привлекали не только Локаля, но и множество животных, которые приходили на этот солонец. Потом мы нашли райское местечко — каменистый бассейн, в который стекали ручейки. Просачиваясь через естественный фильтр под землей, вода падала в бассейн такими кристально-чистыми струйками, что меня неодолимо потянуло искупаться. К несчастью, то же пришло в голову слону, и он поспешил сюда напролом через заросли, ему не терпелось принять душ. Нам пришлось поскорее уносить ноги, и мы направились вслед за ручейком, пока он не спрятался в глубокой расселине. Ее каменистые склоны сплошь поросли деревьями и ползучими растениями, которые сплелись в непроницаемую завесу, и зной и ослепительный свет солнца, заливавшего равнину, не могли сквозь нее пробиться; мне вдруг почудилось, будто я вступила в святилище. Как ни странно, это прохладное убежище, которое так и манило укрыться от немилосердного полуденного солнца, казалось совершенно безжизненным; лишь глухое уханье совы, обеспокоенной нашим вторжением, нарушало зачарованную тишину. Я вглядывалась в зеленый узор зарослей — быть может, животные исчезли, почуяв леопарда? — но не очень-то была уверена, что обнаружу его. Я хорошо знала, как мастерски умеет затаиваться этот хищник.

Вскоре мы вышли на более открытое место и тут заметили, что по направлению к солонцу гуськом движется стадо примерно в двадцать слонов, а с ними

под прикрытием старших поспешают несколько крохотных слонят. Удивительно, как малыши успевали за взрослыми, которые, судя по всему, торопились поскорее добраться до воды. Мы хорошо знали, как опасно оказаться на пути слоних с маленькими слонятами, и без промедления ушли в противоположную сторону.

Снова начались пожары, и пламя с ужасающей скоростью проносилось по равнине, пожирая сухую траву. Конечно, это спутало все привычки животных, и нам никак не удавалось пройти по тем редким следам гепардов, которые попадались нам в последние дни. Лучше всего искать их было в двух местах: в болотах вокруг холма Мугвонго и в болотистой местности по границе территории племени боран. Во время засухи здесь собирались почти все животные, в эти места перешли и гепарды. Я непрестанно волновалась за них, опасаясь, что им не удастся избежать столкновений с другими хищниками, особенно со львами, которых засуха заставила все чаще наведываться в болота.

Однажды мы ехали к лавовому плато по берегу Мулики и прокололи шину. Механик из меня неважный, и, провозившись с неисправным домкратом, я попросила Локаля сбегать в контору заповедника — может быть, там кто-нибудь сумеет его починить. Поиски гепардов приходилось отложить, и надолго: раньше чем через три часа Локаль не вернется. В его отсутствие я осматривала окрестности в бинокль и неожиданно увидела самку гепарда с детенышем — ему было месяца четыре; они шли со стороны лавового плато и спускались по скалистому гребню прямо к Мулике. И хотя до них было не меньше мили, выжженная земля выдавала их; они были видны как на ладони. Я не рискнула одна, без Локаля, отправиться пешком через лесистую равнину — слишком часто в этих местах встречались буйволы и носороги. Но меня

очень огорчило, что я не смогу увидеть поближе и узнать их, тем более что это вполне могла быть Сомба: у нее как раз был бы детеныш такого возраста, если бы она понесла в то время, когда я видела ее в последний раз, десять месяцев назад. Я почти не сомневалась, что это Сомба, — она всегда любила эти места, к тому же ее братьев видели несколько раз в болотах на границе территории племени боран.

Вернулся Локаль и принес домкрат, но нам не удалось снять запасную шину — что-то там заело, поэтому все равно пришлось ехать в контору и отложить поиски гепардов. Мы подъехали к гаражу одновременно с грузовиком, на котором вернулись с контрольного маршрута егеря заповедника. Они рассказали нам, что десять минут назад видели самку гепарда с двумя взрослыми детенышами и готовы хоть сейчас показать ее нам. Я надеялась, что это Тату с детьми, и решила заняться ими в первую очередь, тем более что Сомба наверняка ушла далеко от тех мест, где я видела ее два часа назад. Мы пошли за егерями и обнаружили след трех гепардов на полпути к лагерю Джорджа; он вел к небольшому ручейку. Мы шли по следу почти до вечера, и наконец вдалеке мелькнул почти взрослый детеныш — он удирал во все лопатки. Но уже почти стемнело, и поиски пришлось отложить.

И хотя на другой день мы исходили огромную территорию, нам попался только старый знакомец — тот самый носорог, который в прошлом году обитал здесь рядом с нашими гепардами.

Конечно, мы безмерно радовались тому, что удалось увидеть хотя бы два семейства гепардов, которые могли оказаться потомками Пиппы, но поиски от этого значительно усложнились: оба семейства держались на противоположных концах заповедника. С тех пор мы распределили день таким образом: с утра обыскивали

болота возле лагеря Джорджа, а во второй половине дня — болота на границе территории племени боран.

Приходилось ездить из конца в конец. На все это уходили драгоценные часы. Чтобы сберечь время, мы старались проезжать основную часть пути в самую жару, когда все живое скрывалось в тени и нам легче было сосредоточить внимание на поисках следов. Но много дней подряд мы нигде не могли найти следов гепардов и решили ограничиться поисками на болотах на границе территории племени боран. Однажды мы целый день ходили по берегам Бисанади, если только можно назвать «ходьбой» непрерывное сражение с густейшими прибрежными зарослями. Мы пробирались — подчас на четвереньках — через чащу лиан, оплетающих колючие кусты, почти ничего не видя перед собой и прислушиваясь, чтобы не пропустить ни малейшего звука: того и гляди, наткнешься на буйвола — судя по следам, их тут было полным-полно. Как-то раз, пытаясь переправиться вброд через кишашую крокодилами реку, мы лишь в последний момент заметили, что из-под нависшего над заводью пальмового листа на нас глазеет гиппопотам. Видимо, и на него эта встреча произвела не меньшее впечатление: громко отфыркиваясь, он снова ушел под воду. А чуть погодя мы едва не налетели на жирафа — он так увлеченно пасся, что не замечал нас, пока мы, затаив дыхание, стояли и не сводили с него глаз. Потом, взглянув на нас сверху своими бархатными глазами, он мотнул могучей шеей и галопом унесся прочь.

Казалось бы, все животные живут в мире и покое, но с каким ужасом мы обнаруживали почти у каждого водопоя настороженные или уже опустошенные ловушки и множество высохших ветвей, которые выдавали места на звериных тропах, где были скрыты ловушки! Локаль своим наметанным глазом сразу определил, что большинство ловушек предназначено

для леопардов и гепардов — племя боран отлично знало цену их шкурам. Здесь густые заросли были только по берегам реки, а за ними простиралась идеальная для гепардов местность, но ведь животным приходилось пробираться к реке, чтобы напиться, — других водопоев в этой обширной местности не было.

При мысли о том, что браконьеры могут до смерти забить детей Пиппы, попавших в ловушку (а мы знали, что они прибегают к этому способу, чтобы не попортить шкуру копьями), меня охватывало отчаяние, и я решила обратиться к министру по туризму и охране природы с настоятельной просьбой возобновить переговоры с племенем боран о присоединении этой территории к заповеднику Меру (раньше подобные переговоры ни к чему не привели). При теперешних условиях племя боран не только свободно занималось браконьерством, но и без всякого ограничения рубило пальмы раффии; их листья шли на крыши хижин. А эти пальмы растут только по берегам рек, и если их вырубят, берега обнажатся и реки пересохнут. Я говорила по этому поводу с директором заповедника, который был полностью согласен со мной; он тоже надеялся, что моя просьба поможет спасти эти прекрасные места от полного опустошения.

Несколько дней спустя мы шли по следу гепарда с детенышем, пересекавшему болота вблизи границы территории племени боран. След привел нас к туше недавно убитого теленка водяного козла. Она была почти не тронута — видимо, гепардов спугнуло наше приближение. Мы поспешили уйти в надежде, что гепарды вернуться. Вскоре я наткнулась на кошечку сервала, дремавшую под кустом. Была как раз самая жара.

Обнаружив, что ей некуда деваться, кошечка застыла, как изваяние, и волоском не повела, пока я не подошла к ней на несколько шагов, — только тут она

сорвалась с места и удрала. Зато две львицы, отдыхавшие под кустом с тремя маленькими львятами, не могли похвастаться таким присутствием духа: при виде нас они тут же скользнули под соседние кусты и следили за нами из-под прикрытия. Тут Локаль меня удивил — он предложил пойти посмотреть на львят, которые остались без присмотра!

Это, без сомнения, заставило бы матерей немедленно начать действия — и отнюдь не дружественные! — так что мы пошли, но не вперед, а назад, отступая шаг за шагом и не сводя глаз с львиц, пока они не скрылись из виду.

Еще через полмили падальщики привели нас к мертвой конгони; антилопа сидела, подобрав ноги и вытянув голову, туша была совершенно цела: как ни старались грифы, им не удалось прорвать шкуру, хотя, судя по всему, они делали попытки уже давно. Странная поза мертвой антилопы наводила на мысль, что животное пало внезапно, возможно от укуса змеи.

Время нашего пребывания в заповеднике истекло, и мне хотелось перед отъездом навестить могилу Эльсы. Хорошо, что мы договорились с администрацией заповедника, чтобы место сохранялось в тайне, только мы да случайный егерский патруль навещали эти места. Но из-за этого колея, ведущая к могиле, так заросла, что даже мне — а уж я знала каждый метр этой дороги — еле удалось провести туда машину. Могила оказалась в ужасном состоянии: три эуфорбии, которые мы посадили возле могилы, чтобы они напоминали о детях Эльсы, были вырваны с корнем; цемент, скрепляющий камни, весь в трещинах, а живая изгородь вокруг могилы уничтожена. Следы поведали нам о том, что все это — результат совместных усилий носорогов, слонов и браконьеров. К счастью, у меня было с собой достаточно цемента, чтобы заполнить трещины, а тем временем мужчины посадили эуфорбии и кусты живой

изгороди. И все время, пока мы были заняты работой, мне казалось, что Эльса здесь, рядом. Я и так часто думаю о ней, но в ее лагере мной всегда овладевает это странное, утешительное чувство. Я знаю, что все мои старания держать в порядке могилы Эльсы и Пиппы совершенно напрасны: обе они обречены на разрушение, как только я умру. Но все же мне хочется их сохранить хотя бы до тех пор, пока я в силах следить за ними. И это несмотря на то, что я понимаю: неизмеримо важнее, чтобы Эльса и Пиппа остались жить не только в своих детях, но и в сердцах всех тех людей — а их миллионы, — которым они помогли понять истинную природу и нрав диких животных. Однако на следующий день я узнала, что близок час, когда мне придется бросить обе могилы на произвол судьбы...

Ранним утром нам встретился турист, который сообщил, что только сейчас видел гепарда с детенышем прямо на дороге. Мать отнеслась к нему очень дружелюбно и позволила фотографировать себя сколько угодно с близкого расстояния. Он описал то место на границе территории племени боран, где мы недавно нашли следы гепарда с детенышем, — это они убили теленка водяного козла.

Несколько часов мы разбирались в следах. Я стояла на капоте машины, осматривая заросли в бинокль, а Локаль рядом всматривался в нечеткие отпечатки лап. Вдруг он с громким воплем помчался к машине, и я увидела, как прямо на нас бежит слон, он был уже в пятнадцати ярдах.

Мигом я соскочила с капота и тоже прыгнула в машину — обе дверцы хлопнули одновременно. Шум напугал слона: не добежав до нас несколько шагов, он круто повернул и скрылся, возмущенно трубя. Мы с Локалем переглянулись и принялись хохотать — это была реакция после пережитого ужаса. Только теперь до нас дошло, что мы легко отделались — если бы не

хлопанье дверей, напугавшее слона, нам бы несдобровать. И тут же я обнаружила, что сильно повредила правое колено, когда прыгала с капота. Я превозмогла боль и заставила себя идти в надежде, что колено «разработается». Должно быть, я ошиблась в выборе процедуры, потому что минуло почти полгода, прежде чем оно разработалось, хотя чем только его не лечили! Но так или иначе, я не могла позволить себе отдыхать в такое время и целый день бродила, опираясь лишь на собственную волю, но ничего не увидела, кроме головы леопарда, — он взглянул на нас сквозь густую траву и мгновенно исчез.

Зато наутро нам повезло: мы нашли свежие следы гепарда с детенышем всего в миле от того места, где их видел вчерашний турист. Следы вели на равнину и там потерялись. Не обращая внимания на гнетущий зной, мы искали час, другой, двигаясь в ту сторону, куда, нам казалось, пошли гепарды. И тут — вот уж истинное везение! — Локаль опять напал на их след. Вскоре я заметила отдыхающего под деревом гепарда и, хотя до него было слишком далеко и узнать его нельзя было даже в бинокль, решила, что это мать. Старательно прячась, мы подходили все ближе, но когда мы подошли, гепард уже скрылся. Мы подумали, что в такую жару ему далеко не уйти, и решили вернуться часам к пяти, причем с той стороны, с которой гепард пришел в те места, где мы повстречали Уайти десять месяцев назад.

Колено у меня очень болело, и я еле ковыляла за Локалем, а он пошел в обход и только через два часа привел меня обратно к тому месту, где я видела гепарда. К этому времени там набралось такое множество слонов, да еще со слонятами, что нам было уже не до поисков; пришлось призвать на помощь весь опыт и охотничий инстинкт Локаля, чтобы благополучно обойти стадо. Я была в отчаянии. Мне так хотелось

узнать этого гепарда (может быть, это была Уайти?), что я позволила себе пробыть здесь лишний день, хотя давно пора было возвращаться в Наиваша. Подумать только, какая несправедливость: почти три недели мы ходили по следам, видели семь гепардов где-то вдалеке, а теперь, может статься, мне придется воспользоваться случайной любительской фотографией, чтобы узнать хотя бы одного из детей Пиппы. Я заехала к туристу по дороге домой, и он любезно обещал прислать мне фотографии.

Позже, получив их, я без труда узнала Уайти; с ней был детеныш, почти годовалый. Оба выглядели великолепно. Значит, в тот раз под деревьями мы видели Уайти. Учитывая возраст ее детеныша, я сообразила, что десять месяцев назад она спрятала его от нас, когда мы повстречались; тем более я оценила ее дружеское отношение к нам при этой встрече.

Хотелось как можно полнее использовать наш последний день в заповеднике, и мы встали до рассвета. Ночью поднялся сильный ветер, он раздул искры, затаившиеся на тлеющей земле, и теперь почти все равнины были охвачены огнем. Все же нам удалось добраться до болот на границе территории племени боран, но путь на равнину, где мы оставили гепардов, был отрезан: все затянул густой черный дым. Конечно, мы и не надеялись отыскать гепардов на прежнем месте — теперь они, как и остальное зверье, разбежались кто куда, и пройдет много дней, прежде чем они возвратятся в родные места. Я смотрела на тучи птиц, спасавшихся от пламени, — они кружили вокруг нас в дикой тревоге — и думала о новорожденных конгони и водяных козлах, о маленьких импала и газелях Гранта, о жеребятах зебр, страусах и крохотных львятах, которых мы встречали, блуждая по заповеднику: что станет с ними в этом огненном вихре?

Не было решительно никакой надежды отыскать здесь наших гепардов, и мы поехали к болотам Мугвонго, но и здесь все пылало. По дороге домой я увидела черное облако дыма, поднимавшееся над лагерем Пиппы, и понеслась туда: надо успеть уложиться, пока все наши пожитки не превратились в тлеющие угольки. Когда мы складывали палатки, птицы стали слетать вниз, будто ждали обычных подачек. Раньше они никогда не прилетали среди дня, и это доказательство их дружбы утешило и поддержало меня в трудный час. А на сердце у меня было тяжело: приходится уезжать, не повидав никого из детей Пиппы. И сколько бы я ни твердила себе: надо только радоваться, что они остались дикими зверями, именно этому я посвятила все годы пребывания здесь, но все же я так свыклась с гепардами, что оторваться от них вот так было нелегко, очень нелегко. Но утешительно было знать, что Уайти и Тату уже воспитали собственных детенышей, а Мбили, Сомба, Биг-Бой и Тайни находились в отличной форме, когда я видела их в последний раз. Мне оставалось только молить судьбу, чтобы все они поскорее обзавелись собственными семействами и произвели на свет побольше новых маленьких Пипп. Тогда моя Пиппа останется жить не только в своих детях, но и в каждом из гепардов, которым она открыла путь к освобождению от пожизненного плена.

Только через девять месяцев я сумела снова выбраться в Меру. К вечеру 16 июля 1971 года я подъехала к месту, где был раньше лагерь Пиппы. Локаль уже поджидал меня там. Новостей о Пиппиных детях у него не было, зато он сообщил мне, что теперь ему поручен новорожденный белый носорожек — он один был свидетелем его рождения и с тех пор делил с матерью заботы о нем. Я вспомнила, что шестерка

белых носорогов около года бродила по заповеднику, а когда стало заметно, что одна из самок беременна, для нее построили большой загон из толстых бревен, чтобы обеспечить убежище на случай родов.

Локаль рассказал, что примерно через три месяца после того, как он с женой начал пасти двух самок, из которых одна была беременна, он заметил первые признаки приближающихся родов. В это время они находились примерно в трех милях от главной конторы заповедника. Он сразу же послал жену за директором, а сам бросился отгонять вторую самку, которая ни с того ни с сего набросилась на роженицу. Та улеглась на землю, и через полчаса на свет появился маленький носорог.

К приезду директора все было кончено, и ему оставалось только приветствовать появление первой в Кении новорожденной самочки белого носорога. Это счастливое событие увенчало собой эксперимент, начатый лет шесть назад, когда в Кению доставили три пары белых носорогов для возможной акклиматизации и размножения этих редких животных на новом месте.

Ранним утром Локаль с гордостью показал мне свою подопечную — она как раз училась щипать травку. В этом нежном возрасте крохотный носорог больше, чем взрослые животные, был похож на доисторическое чудовище; я не могла отвести глаз от этого очаровательного существа. Я смотрела, как она чешет свой толстый задик о каменную стенку — должно быть, клещи допекли; потом следом за матерью и егерем, который сменил Локаля, она отправилась пастись на свободе, неторопливо двигаясь в сторону равнин.

Когда я кончила снимать маленького носорога, мы с Локалем отправились на поиски Пиппиных детей. По давно заведенному обычаю Локаль уселся на капоте лендровера и искал следы, а я вела машину со скоростью катафалка и тоже высматривала гепардов.

Если Локаль замечал хотя бы намек на след, дальше мы шли пешком. Однако в последний сезон дождей прошли такие неумные ливни, что трава до сих пор стояла во весь рост и подчас очень трудно было заметить отпечатки лап. Несмотря ни на что, мы упорно продолжали поиски, и частенько нам приходилось бродить пешком по тем местам, где машине ходу не было, но нам казалось, что именно там мы наткнемся на наших гепардов. С рассвета до заката мы бродили по равнинам, но за неделю увидели только двух гепардов, которые промелькнули на дороге и скрылись в густых зарослях.

Мы тут же поспешили по следу и часами ползали в колючем лабиринте, пока вечерние сумерки не положили конец нашим блужданиям. Однажды, обшаривая каменистые берега реки, Локаль увидел высоко на дереве два носорожьих рога — несомненно, их затащили туда браконьеры. Это было всего в нескольких сотнях ярдов от большой дороги, где ежедневно проносились машины, полные туристов, и грузовики с патрулирующими егерями. Наверное, они спугнули браконьера, и тот спрятал рога на дереве, а затем неизвестно почему не вернулся за своим драгоценным трофеем. Локаль старательно хранил свою находку, чтобы вручить ее директору и заработать положенное вознаграждение.

Теперь не оставалось никаких сомнений, что браконьеры орудуют в самом сердце заповедника, и меня грызло беспокойство за Сомбу, Тайни и Биг-Боя — ведь в последний раз мы видели их на территории племени боран, где также процветало браконьерство.

Несколько дней подряд мы обшаривали берега реки Бисанади, но видели только несколько питонов в прозрачной воде, а следов гепардов все не было. Однажды, измученные жарой, проблуждав целое утро, мы присели позавтракать в тени прибрежных кустов.

Локаль срезал несколько листьев пальмы раффии и устроил мне ложе, а сам уселся рядом и принялся высматривать, не идет ли к водопою какое-нибудь животное. Мы только что шли по следу львицы с маленьким львенком; должно быть, она переправилась на тот берег, потому что оттуда доносилось бормотание верветок; обычно они ведут себя спокойно и поднимают шум, только если их потревожат.

Затем все снова затихло — только ропот воды и шорох пальмовых листьев над головой. Наконец-то я почувствовала себя в своем родном мире, и старый добрый Локаль составлял неотъемлемую часть этого мира.

Мы слишком хорошо знали друг друга и в зрелых были абсолютно равны: обоюдное доверие наше было безгранично, и мы всегда могли положиться один на другого. В последнее время Локаль стал жаловаться на старость и даже размышлял об отставке. У него был крохотный участок за пределами заповедника, там он держал несколько коз и выращивал урожай, которого хватало, чтобы прокормить семью. Он прожил в этих местах всю жизнь, и ему очень не хотелось бы расставаться со всем тем, к чему он привык и что стало ему по-настоящему дорого, однако его беспокоило невероятно быстрое развитие заповедника и те неизбежные последствия, которые оно влекло за собой. Последние дни мы ездили по отличным новым дорогам, проложенным к самым глухим уголкам заповедника; с них открывались великолепные виды на красивейшие ландшафты заповедника.

Сразу же по приезде я была свидетелем совещания директора с архитектором: они обсуждали последние детали нового дома для приезжих, к строительству которого приступали на следующей неделе. Одновременно в Скале Леопарда устраивались несколько новых «банды» — в них предполагалось

расселить более неприхотливых туристов. И в довершение намечалось устройство двух палаточных лагерей: одного — на месте Кенмера, другого — южнее, на берегу реки Тана. На смену прежним ненадежным переправам пришли бетонные дамбы, а несколько участков по берегам рек расчистили специально для тех туристов, которые устраиваются самостоятельно.

За годы, которые понадобились, чтобы заповедник так усовершенствовался, дичь здесь расплодилась всем на удивление. Меня, например, поразило, что скрытные малые куду теперь попадались на каждом шагу, а ведь еще год назад эта прелестнейшая антилопа встречалась только изредка, да и то в самых глухих уголках.

С вводом новой гостиницы Меру с его непревзойденными по красоте пейзажами, удивительным разнообразием животного мира и неповторимыми ландшафтами станет, бесспорно, одним из главных национальных парков Кении.

Я поделилась этими мыслями с Локалем, которого мы с Джорджем знали вот уже три десятка лет, и он ответил мне со своей обычной спокойной улыбкой: «Это очень хорошо; зато от старого доброго времени здесь только и остались вы да я, одни мы теперь старожилы». По-моему, он имел в виду Эльсу и Пиппу — для него они были неотделимы от меня; впрочем, для нас обоих они навсегда останутся неотъемлемой частью заповедника Меру.

Меня очень тревожило, что мы так и не нашли детей Пиппы, хотя за последние две недели проехали свыше двух тысяч миль и ходили пешком часов по восемь в день, осматривая местность, где водилась подходящая для гепардов дичь. Здесь и земля была песчаная, а они всегда предпочитали ее высокому травостой, где могут затаиться другие хищники. Наконец до нас дошли слухи о двух гепардах, которых видели неподалеку от

прежнего лагеря Джорджа; говорили, будто более крупный из них совсем не боится людей, а маленький очень робок. Приехав на указанное место, мы увидели свежий след — он вел к холму Мугвонго.

Пришлось идти по следу пешком, выбора у нас не было, хотя дикие звери обычно разбегаются при виде идущего по равнине человека, в то время как машина кажется им безобидным существом. Мне оставалось только надеяться, что, если взрослый гепард и в самом деле потомок Пиппы, быть может, он еще вспомнит меня, а если гепарды дикие, мы можем застать их врасплох во время полуденного сна и попытаться узнать, прежде чем они удерут. Мы молча шли по следу и вскоре смогли убедиться, что гепарды бегут со всех ног. Мне вовсе не хотелось отпугивать их от болот, где по вечерам собирались на водопой несметные стада животных. Поэтому мы решили прекратить поиски и вернулись сюда на следующее утро. После двух часов тщетных поисков — нам даже следы не попадались — я вдруг увидела, что из травы под маленьким кустиком на берегу болота выглянула голова гепарда. Потом высунулась еще одна, но тут же снова нырнула в укрытие. Я тихо-тихо повела лендровер прямо на глядящего в упор гепарда. Когда между нами оставалось не более десяти ярдов, выскочил маленький самец — на вид ему было месяцев пятнадцать — и с рычанием умчался прочь, а мать все не трогалась с места. Ни один дикий гепард не стал бы так себя вести, без сомнения, это была одна из дочерей Пиппы. Но которая? Об этом я могла судить только по пятнам у основания хвоста. Мы долго смотрели в глаза друг другу; тем временем, осторожно пробираясь в траве, вернулся детеныш. Я сразу узнала малыша, которого турист сфотографировал вместе с Уайти десять месяцев назад. Он как две капли воды был похож на Биг-Боя, и я подумала, что это, возможно, его сын. Ну что ж, вполне

вероятно — в последний раз, когда мы их видели, и Уайти и Биг-Бой бродили по границе территории племени боран. Увидев, что мать нас совсем не боится, малыш уселся к ней поближе, но все же поглядывал на нас с подозрением. Я без конца фотографировала их, а потом они улеглись брюхом вверх и задремали в полуденном зное. Солнце переместилось, мать решила отыскать местечко попрохладнее и перебралась под тенистый куст.

Теперь я увидела пятна возле хвоста и окончательно убедилась, что это Уайти. Сын пошел за ней, но обошел нас стороной, ему явно не нравилась наша близость. Когда оба улеглись, я подъехала поближе.

Уайти отнеслась к этому спокойно, более того, она даже прижала лапами сынишку, который чересчур нервничал в нашем присутствии. Мы с Локалем остались в кабине и переговаривались шепотом, чтобы не спугнуть малыша. Да и нужны ли нам были слова, чтобы передать, какая это радость — найти Уайти с таким славным малышом и видеть, что оба они так чудесно выглядят! Гепарды лежали, обняв друг друга лапами, и посматривали, нет ли поблизости опасного врага или подходящей добычи.

Я обратила внимание: малыш настороженно оглядывался, но Уайти ни разу не бросила взгляда в нашу сторону, она словно знала, что отсюда ей ничто не угрожает, пока мы рядом. Так мы и провели эти жаркие часы в полной гармонии. Гепарды дремали, мы тоже отдыхали, насколько это было возможно в раскаленной машине, и я чувствовала себя наверху блаженства: наконец-то я снова в своем мире. Пусть между мной и Локалем не было близкой дружбы, но в такие минуты, как эти, все условные преграды между нами исчезали и мы оба чувствовали себя настолько близкими гепардам, насколько это вообще доступно человеку.

Когда Уайти ласкала и вылизывала сына, она очень напоминала мне Пиппу. Теперь ей было пять лет без одного месяца — немного больше, чем Пиппе, когда она умерла. Уже три с половиной года Уайти жила самостоятельно. Я видела ее на сносках тридцать один месяц назад (в декабре 1969 года). Я знала, что Пиппа разошлась со своими детьми, когда им было семнадцать с половиной месяцев (а охотиться самостоятельно они могли уже с четырнадцати месяцев); бросая их, она недель шесть как была беременна. Выходит, что сынишка Уайти принадлежал ко второму ее помету. С тех пор как Уайти жила сама по себе, мы видели ее два раза возле холма Мугвонго, дважды на территории племени боран и один раз возле Пятой мили. Территория между указанными точками представляла собой треугольник со сторонами 10; 7,5 и 6 миль, но я не знала, какими путями она попадала в эти точки, быть может, ей приходилось покрывать и гораздо большие расстояния. Поэтому я затруднялась точно определить размеры ее охотничьей территории.

К пяти часам жара спала, гепарды стали зевать и потягиваться, потом, обхватив друг друга, немного покатались по земле. В конце концов они поднялись и с сонным видом осмотрелись вокруг. Мне было очень интересно проверить память Уайти, и я дала ей воды в миске, из которой она пила три с половиной года назад. Уайти подошла и стала лакать, будто это было самое привычное для нее дело, но малыш удра, едва я вышла из машины. Потом я решила еще раз подвергнуть испытанию доверие Уайти и подошла, чтобы подлить сгущенного молока в миску с водой. Она только перестала лакать, пока я выливала молоко из банки, а потом снова принялась пить. Наконец мать напилась и отошла от миски.

Тогда сын с величайшей осторожностью попробовал молоко — нет, не понравилось! — и ушел следом за

матерью.

Мы с Локалем переглянулись. Я сказала, что Уайти удивительно хорошо присматривает за своим детенышем, она сумела уберечь его от львов и других напастей, хотя некому было научить ее спасаться от бед.

Единственное объяснение этому — что у нее была исключительная мать и она унаследовала от нее эти черты. Локаль выслушал меня, немного помолчал и сказал: «И у людей так. Если мать хорошая, то и дети будут хорошими родителями».

Вечером я сидела возле могилы Пиппы и вспоминала прошедший день.

Впервые за полтора года с тех пор, как мне пришлось покинуть Меру, я была по-настоящему счастлива. Хотя мы с Уайти не встречались три с половиной года, она отнеслась ко мне как к другу и сумела даже внушить свое доверие дикому детенышу. Может быть, оба гепарда чувствовали, как я их люблю, и поэтому мне доверяли? Я знаю, что сила любви объединяла всех нас — гепардов, Локаля, меня, — хотя каждый из нас жил в своем, отличном от других мире. Я была погружена в эти размышления, как вдруг среди мерцающих звезд заметила красный огонек, поднимающийся с горизонта в темную высоту ночного неба. Неужели это спутник совершает свой путь в космосе?

Глядя вслед спутнику, скрывающемуся в облаках, я снова подумала о сегодняшнем дне и обо всех тех годах, которые мне довелось провести бок о бок с Эльсой и Пиппой...

Еще два дня мы напрасно искали Уайти с сыном, должно быть, их прогнали те львы, которых мы видели с добычей на болоте. Львиные морды еще хранили кровавые следы пиршества. С набитыми животами они отошли, когда я подъехала, чтобы посмотреть, чем они

лакомились. Я нашла только голову взрослого орикса. Эта антилопа весит до четырехсот фунтов, и, судя по тому, что поблизости не было следов других хищников, а грифы только-только слетались, на долю каждого льва пришлась половина огромной туши.

Но встреча с Уайти не уменьшила моей тревоги за судьбу Сомбы, Тайни и Биг-Боя. Восемнадцать дней, которые я могла провести в Меру, подходили к концу. Мы снова стали искать на границе территории племени боран, и я встретила туземца, который рассказал, что две недели назад видел здесь двух гепардов. Получив от меня щедрый «бакшиш», он указал это место. Оно находилось неподалеку от мест, где восемнадцать месяцев назад мы оставили трех наших гепардов. Нам все-таки удалось отыскать след этой пары под кустами, но он был слишком старый, вскоре мы потеряли его и больше не видели гепардов.

Послесловие

В мой адрес подчас раздаются обвинения, будто в свои отношения с животными я вкладываю слишком много чувств, из-за этого-де мои наблюдения не вызывают доверия ученых. Я глубоко уважаю науку и очень часто сожалею о том, что не имею специального образования, но я убедилась, что широкий взгляд на вещи нередко теряется из-за современной тенденции к узкой специализации. В исследованиях, связанных с изучением характера и повадок диких животных, сухие правила и строгая научная терминология могут, как мне кажется, не только ограничить кругозор наблюдателя, но и заставить его подгонять поведение животных под те законы, которым его учили. Между тем, на мой взгляд, нужно переосмыслить эти законы и постараться воспользоваться в своих выводах тем, чему могут научить исследователя сами животные.

По-моему, невелика цена записям о чисто внешних признаках поведения животных, если мы не знаем, чем оно обусловлено.

Чисто научный подход, который требует объективного проведения экспериментов, несомненно, дает весьма ценные статистические данные и общие сведения, но все это не позволит нам глубже понять поведение дикого животного: оно раскрывается только в общении с себе подобными.

Поэтому и оказывается, что вполне понять их возможно лишь тогда, когда они приняли тебя как равного. А это значит, что вы должны жить с ними рядом, делить с ними все радости и горести, и это — как неизбежное следствие — привязывает вас друг к другу.

Я не стану повторять, какую радость испытываю от сознания, что завоевала доверие и любовь животных, которые позволили мне стать соучастницей их жизни и сделались моими верными друзьями. Хочу надеяться, что те, кто читал мои книги, вместе со мной узнали, как тонко чувствуют и как много понимают дикие животные. Может статься, читатели, как и я, откажутся понимать, почему с этими животными нужно обращаться так, словно они неспособны чувствовать и любить.

Я спрашиваю себя: почему бы при изучении животных не применить метод, который позволил бы нам узнать, каким образом они регулируют численность потомства, как общаются между собой, как устанавливают и соблюдают территориальные права?

Отчего первобытный человек, чьи попытки выразить себя сохранились в наскальных рисунках и примитивных скульптурах, выбрал моделью животных, вдохновляясь их образами? Почему высокоразвитые народы древности, такие, как египтяне и ассирийцы, сделали животных воплощением своих божеств? Почему в наши дни люди держат дома любимых животных, даже в тех счастливых семьях, где нет причин для «эмоционального голода», и чем объяснить, что трагедии, постигающие наших любимцев, так больно ранят нас самих? Почему первые игрушки, которые мы дарим нашим детям, — это звери? Неужели нужны еще доказательства, чтобы убедить нас в том, что мы нуждаемся в животных гораздо больше, чем они в нас, и что они могут дать нам что-то такое, чего сами мы не умеем добиться?

Объективная научная методика может и должна лечь в основу изучения диких животных. Но умение читать и писать лишь облегчает общение между людьми и никоим образом не является самоцелью. Точно так же никогда нельзя забывать, что

большинство животных — не менее сложные существа, чем мы с вами. И они раскроются до конца только тогда, когда мы будем помнить об этом и соответственно к ним относиться.

Я пришла к заключению, что наблюдения любителя — конечно, достоверные — дают наилучший результат при изучении диких животных, если сочетать объективный метод с субъективным. И это особенно справедливо в тех случаях, когда речь идет о вымирающих видах: совершенно необходимо стать соучастником их жизни, и тогда не исключено, что они сами могут показать нам возможный выход. Во всяком случае, так это произошло в истории Пиппы. Главное, что меня занимало, пока я жила бок о бок с ней четыре с половиной года, это вопрос, удастся ли мне вернуть ручного гепарда к жизни на свободе. Мне хотелось узнать, почему гепарды так плохо размножаются в неволе, и найти способ спасти этих великолепных животных от полного исчезновения. Пиппа сумела ответить на все вопросы: из домашней любимицы она превратилась в настоящего дикого гепарда и стала матерью диких детенышей. А произошло это потому, что ей дали возможность жить в естественных условиях.

Я считаю, что гепардов можно спасти от вымирания, если дать им возможность два поколения подряд размножаться на воле, а чтобы обеспечить здоровое потомство — выбрать для них такое место обитания, где были бы и открытые пространства и укромные уголки.

Существует мнение, что многие виды можно спасти только при условии их разведения в зоопарках. В ответ могу заметить: перемещать животных из их природного ареала в зоопарки, где они вынуждены приспосабливаться к неестественным условиям существования только для того, чтобы потом снова

привыкать к жизни на свободе, — эксперимент, требующий огромных затрат времени и средств, а за успех его поручиться трудно. Лично я предлагаю сразу же перевозить животных в места, где они смогут жить полудикой жизнью, прежде чем приспособятся к новым условиям, приобретут иммунитет к местным заболеваниям и установят права на собственные территории. Как только они принесут потомство, надобность в людях-помощниках исчезнет и последующие поколения вырастут дикими и будут размножаться на свободе, обеспечивая надежное воспроизводство вида. А чтобы предоставить достаточное пространство для «размножения исчезающих видов в естественных условиях», нужно не только обратить особое внимание на охраняемые заповедные территории, но и значительно их расширить.